

Федеральное агентство по образованию РФ
ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет»
МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта» г.о. Шуя

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск седьмой

Шуя 2010

В сборнике представлены материалы X (2008 г.) и XI (2009 г.) Чтений по региональной казуальной истории «Уездная старина», проводимые университетом и музеем с 1999 г.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX в., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом. Об этом раздел сборника «Шуйская старина».

Раздел «В уездном городе N» знакомит с уездной жизнью соседних губерний, раздел «Записки провинциалов: век XX» содержит свидетельства очевидцев о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

*Научный редактор
доктор исторических наук Ю. А. Иванов*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Шуйского государственного педагогического университета*

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитона Воробьева – уроженца деревни Тепляково Шуйского уезда*

© Шуйский государственный педагогический университет, 2010

© Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта, 2010

© Коллектив авторов, 2010

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

А. Ю. КАБАНОВ

(г. Иваново)

ПОРТРЕТЫ ЭПОХИ СМУТЫ. ИВАН СУЛЕШОВИЧ БОЛОТНИКОВ

В сообщении речь пойдет о человеке, чье имя на протяжении полутора десятилетий вызывало ужас у доброй половины населения Восточного Замосковья, независимо от социального и имущественного положения. Размах его злодеяний позволил известному шуйскому историку В. А. Борисову отождествить его с вождем крестьянского восстания периода Смуты И. И. Болотниковым¹. Однако персонаж нашего рассказа знаменитому бунтарю был лишь тезкой и однофамильцем, также как и известному чиновнику XVII века думному дьяку Ивану Болотникову, владевшему рядом поместий на территории современной Ивановской области.

И. С. Болотников происходил из известного суздальского дворянского рода. Его отец Сулеш Минич и дядя Федор Минич Болотниковы служили выборными дворянами по Суздалю. Федор Минич в 1608-1609 гг. был тушинским воеводой г. Юрьев-Польского, затем при ополчениях служил суздальским осадным головой и дозорщиком Шуйского уезда. Сулеш Минич в 1610-1611 годы был шуйским воеводой². Его сын Иван Сулешович Болотников также служил выборным дворянином по Суздалю и имел поместный оклад в 600 четей земли в Суздальском и Шуйском уездах³. В частности, ему принадлежали села Трутнево, Веригино, Бильдюхино с окружающими их деревнями Шуйского уезда и деревня Чудово Суздальского⁴.

И. Болотников принял активное участие в ряде сражений, завершающих этапы Смуты. В 1613-1615 гг. он был дважды ранен под Новгородом и Смоленском, был удостоен прибавки денежного жалования⁵. Но уже тогда проявлялся жестокий нрав Ивана Сулешовича. Еще в 1613 году он «посек саблей» чем-то неугодившего ему суздальского ямщика Ивашку Маркова. В следующем году, сбежав со службы из-под Вологды, он вернулся к себе в имение, где чинил насилия над женщинами, не пощадив даже попадью. Затем обманом и насилиями он завладел поместьями вдов Михаила Пятин в Романовском уезде и Ильи Линева в Суздальском. В последнем случае ему по челоубитью удалось даже избежать уплаты обычной в такого рода делах пошлины⁶. Попутно в Суздале Болотников ограбил людей боярина князя Ивана Андреевича Хованского, а в роще под городом ограбил скоморохов⁷. В документах того времени он не случайно именовался «ведомый вор и разоритель»⁸.

Оседлав Слободскую и Стромьинскую дороги, Болотников со значительным отрядом грабил, мучил и убивал проезжих. Нападая на поместья и деревни, он грабил, мучил и насиловал, невзирая на пол, возраст и социальное положение пострадавших.

Среди пострадавших от него помещиков – Иван Трубников, Василий Дьяков, Иван Есипов (Муромский уезд), Григорий Редриков, Анна Голенкина, Андрей Сарсков, Иван Голенкин, Дмитрий Бегунов (село Тейково), Иван Антонов. Его нападениям подверглись села Лежнево, Писцово, Тейково, Ильино. Для Ивана Сулешовича не существовало авторитетов. Он разорил владения Кибергинского и Петропавловского монастырей, ограбил племянника боярина Ивана Никитича Романова – Еремея Строилова в Юрьев-Польском и думного дьяка Петра Третьякова. Не пощадил он и собственных родственников, отобрав силой поместья у дяди Федора Минича и шурина Иислава Золотошвейна.

Надо отметить, что И. С. Болотников был человеком весьма хитрым и изворотливым. Убив в Арзамасе человека и ограбив ряд арзамасских деревень и сел, он был пойман и вместе со своими людьми местным воеводой посажен в тюрьму. Однако через некоторое время Болотников оказался на свободе. Затем он был схвачен при совершении нападения на село Осенево, принадлежащее князю Федору Татеву. Будучи доставлен к владельцу, Болотников покаялся и просил направить его к князю Б. М. Лыкову, собиравшему войско для усмирения восставших казаков. По-видимому, князь Ф. Татев поверил раскаянию преступника и отпустил на службу, до которой Болотников не доехал, вновь принявшись за старое. Вновь он был схвачен в 1618 году. И по всей видимости, снова избежал серьезного наказания, хотя многие его вины были доказаны учинившими обыск по этому делу сыщиком М. М. Беклемищевым и шуйским губным старостой М. Н. Кротким.

В мае 1629 года суздальский воевода Андрей Федорович Наумов доносил в Разрядный приказ о челобитной, поданной суздальскими посадными людьми на насилие, грабежи и побои, которые вновь наносил им Иван Сулешович Болотников. Сохранилась царская грамота, согласно которой суздальскому воеводе поручалось провести серьезное расследование дела Болотникова⁹. Далее следы Ивана Сулешовича теряются.

¹ Борисов В. А. Собр. тр. Т. 3. Иваново, 2005. С. 330-332.

² Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства // Чтения общества истории и древностей российских. 1909. Кн. 3. С. 96.

³ Там же. С. 121.

⁴ Борисов В. А. Собр. тр. Т. 1., Иваново, 2007. С. 154.

⁵ Русская историческая библиотека. Т. XV. СПб., 1894. С. 127.

⁶ Акты времен правления царя Василия Шуйского. СПб., 1915. С. 194.

⁷ Здесь и далее см: Следственный обыск о поступках мятежника Ивана Болотникова. В кн.: Борисов В. А. Собр. тр. Т. 2. С. 298-303.

⁸ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990. С. 159.

⁹ Акты Московского государства. Т. 1. М., 1888. С. 247-248.

**МАТЕРИАЛЫ О ГОРОДЕ ШУЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
В ФОНДАХ ВЛАДИМИРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА
И ГУБЕРНСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ**

Губернские архивы являются почти неисчерпаемым источником по истории провинциальной глубинки периода модернизации российского общества во второй половине XIX – начале XX в. Впечатляющие документальные массивы отложились в фондах губернаторских канцелярий, губернских правлений, духовных консисторий. Именно эти фонды чаще всего попадают в круг внимания современных исследователей. К сожалению, они гораздо реже заглядывают в документы органов юстиции. Между тем, в них также обнаруживаются интересные материалы по политической, экономической и социальной истории, по истории предпринимательства и повседневной жизни.

В Государственном архиве Владимирской области несколько тысяч единиц хранения имеются в фондах прокурора Владимирского окружного суда (Ф.107) и самого Владимирского окружного суда (Ф.108). Тематика дел здесь очень разнообразна: революционная деятельность большевиков, эсеров на территории губернии, в том числе таких видных деятелей, как М. В. Фрунзе, забастовки рабочих, раздел помещичьих имений и продажа их с торгов. Немало документов посвящены истории предпринимательства, в том числе теневым сторонам бизнеса того времени. Большой интерес представляют дела об утверждении духовных завещаний купцов и их практической реализации.

Документация упомянутых двух фондов хронологически начинается с 1864 г., т.е. с введения в действие новых судебных уставов, принятие которых представляло собой важную веху в «Великих реформах», осуществленных правительством Александра II. Последние документы относятся к 1917 году, т.к. с установлением советской власти старый судебный аппарат был полностью сломан и заменен новым. Несколько дел касаются купечества города Шуи и его ближайших окрестностей, входящих ныне в Шуйский район.

Два дела из фонда губернского прокурора связаны с таким широко распространенным в Шуйском уезде промыслом, как выделка овчин и шитье из них тулупов, шуб, шапок, рукавиц. Это «рукоделие» появилось еще в условиях средневековья (недаром царя Василия Шуйского за глаза называли «шубником»). Овчинно-шубный и скоряжный промысел был развит в Пустоши, Афанасьевском, Дунилове, других селах и деревнях, а также в самом уездном центре.

Предприниматели, занимавшиеся им, получали особенно впечатляющие доходы в период войн, т.к. выполняли государственные заказы и поставляли в армию полушубки и иные предметы амуниции. Госзаказ оплачивался

очень щедро. Вместе с тем, предприниматели были обязаны соблюдать элементарные санитарные нормы и следить за тем, чтобы сырье (овчины) было доброкачественным, а шкуры были сняты со здоровых овец. Но в степных районах Поволжья и Предуралья, откуда поставлялись овчины, среди животных нередкими были эпидемии, которые приводили к гибели десятков тысяч овец. Отличить шкуру здорового животного от больного было можно, но предприниматели, стремившиеся к получению максимальной прибыли, нередко обманывали заказчиков и поставляли в армию одежду, которая могла быть опасной для здоровья и жизни воинов. Виновных наказывали, и такие случаи получали широкую огласку.

В ходе Крымской войны (1853-1856 гг.) шуйский купец Филаретов поставил в русскую армию, воевавшую с турками в дунайских княжествах Молдавии и Валахии, полушубки из овчин, зараженных сибирской язвой. Последствия для здоровья солдат из просмотренного нами дела не ясны, но известно, что по суду Филаретов был приговорен к длительному сроку тюремного заключения. По данным за 1879 г. он еще находился в заключении в шуйской тюрьме, а был осужден, вероятно, около 1855-1856 гг.¹ Таким образом, срок, который он получил, был не менее 23-24 лет. Наказания за такого рода «саботаж» в военное время, как видно, были очень суровыми.

В связи с этим негативным опытом, надзор за сырьем и поставлявшейся в действующую армию одеждой был гораздо более строгим в следующую войну – русско-турецкую 1877-1878 гг. В январе 1878 г. товарищ прокурора Владимирского окружного суда изъяс у шуйского мещанина Борзова овчины, которые показались ему подозрительными, и направил их во Владимирское врачебное отделение для экспертизы. Медики не нашли на них признаков заражения сибирской язвой, но все же признали это сырье «сомнительным» и не подлежащим к употреблению². В 1879 г. десяток «зачумленных» (так в тексте документа) овчин был отобран в заведении крупнейшего предпринимателя-шубника Василия Даниловича Турлапова (селение Пустошь). Товарищ окружного прокурора препроводил эти «вещественные доказательства» местному вольнопрактикующему врачу Лабецкому. Как видно, бацилл сибирской язвы в них обнаружено не было, т.к. медик должен был возвратить овчины Турлапову³.

Экологическую окраску носило дело, рассматривавшееся у окружного прокурора в 1909 г. Крестьяне сел и деревень, находившихся по берегам рек Тезы и Сехи, обращались к местным властям с многочисленными жалобами на то, что шуйские фабрики загрязняют воду. Они подали прошение также Самойловичу – смотрителю рыболовства 3-го участка реки Волги. Этот чиновник объединял в одном лице контроль за чистотой воды на определенном участке бассейна Волги, а также «рыбнадзор» того времени. Крестьяне буквально со слезами на глазах сетовали на то, что фабрики в полном смысле этих слов отравили им всё их существование. В реках нельзя ни купаться, ни даже прикасаться к воде. Испортилась вода и в колодцах, расположенных

рядом с Тезой и Сехой. Люди от грязной воды, насыщенной различными химикалиями, страдали головными и желудочными болями, кожными заболеваниями.

Следствие было возбуждено против хозяев и управляющих фабриками С. Посылина, Рубачевых, Шуйской мануфактуры И. П. Кокушина и Товарищества мануфактур И. В. Небурчилова. Одновременно следственные действия начались против владельцев 19 фабрик в Иваново-Вознесенске и Каретниковых, которым принадлежала фабрика в Тейкове. Эти предприятия загрязняли воду в реках Уводи, Вязьме, Талке⁴. Никаких существенных результатов этот прокурорский поход против фабрикантов не дал, эффективные очистные сооружения были поставлены на местных фабриках позже, уже в годы советской власти.

Значительное место в документах Владимирского окружного суда занимают дела о наследстве. В бесспорных ситуациях наследство почти автоматически, без затяжных юридических процедур переходило к вдове и детям наследодателя, в других случаях приходилось делить оставшееся после смерти предпринимателя имущество между довольно многочисленными наследниками и ситуация часто была неоднозначной.

В 1878-1877 г. во Владимирском окружном суде рассматривалось дело о вводе во владение шуйских купцов Ивана и Семена Антоновичей Чернышевых имением в деревне Ясюниха, состоявшим в крупном участке сенокосных угодий. Земля досталась братьям от их отца – ковровского, а потом шуйского купца Антона Семеновича Чернышева по духовному завещанию, утвержденному Владимирским окружным судом еще 27 апреля 1875 г. Деревня Ясюниха и сейчас находится неподалеку от Кохмы и входит в состав Богданихской сельской администрации⁵. Очевидно, именно от ее названия пошла фамилия Ясюнинских – крупных кохомских фабрикантов, владевших местной текстильной фабрикой.

Трудность дела состояла в том, что акта о владении этой землей у Чернышевых не оказалось в наличии, но сенокосные угодья принадлежали их отцу А. С. Чернышеву более 10 лет. Как отмечали его сыновья, это было «спокойное, бесспорное и непрерывное владение», т.е. иных претендентов на имение не было. Иван и Семен Антоновичи представили в подтверждение своих владельческих прав двенадцать свидетельств от местных крестьян, все они единогласно утверждали, что «так и было». Суд учел это обстоятельство и не стал требовать от Чернышевых каких-либо подтверждающих документов. В 1877 г. они были утверждены как владельцы земель близ Ясюнихи⁶.

Наибольший интерес из наследственных документов, рассматривавшихся Владимирским окружным судом, представляет дело об утверждении в правах наследства детей шуйского купца Ивана Григорьевича Малунина. Оно рассматривалось в губернском центре в 1909-1910 гг.

И. Г. Малунин согласно медицинскому заключению умер от апоплексического удара и хронического воспаления почек 4 декабря 1904 г. в воз-

расте 40 лет. После него остались дети – Анна, Николай, Федор, Надежда и Марина. Опекуном малолетних сирот выступал шуйский купец Егор Филиппович Филаретов. Он и подал заявление об утверждении пятерых детей в правах наследства⁷.

Дело Малуниных любопытно тем, что в нем сохранилась подробная опись имущества наследодателя, как движимого, так и недвижимого. К последнему относились два флигеля, каменная лавка, земля, находившаяся под ними.

Опись движимого имущества по традиции начиналась с икон, которые имелись в семейном купеческом доме. Далее в описи значатся вещи из драгоценных металлов, это золотые и серебряные браслеты, броши, серьги, а также два именных обручальных кольца старшего Малунина и его супруги. В этот же список попали 4 серебряных солонки, серебряные чайные и столовые ложки, которые были непременными атрибутами каждой более или менее зажиточной семьи. В отцовском имуществе были найдены две сберегательные книжки и ценные бумаги – шесть свидетельств 4 %-й государственной ренты.

Составители наследства аккуратно переписали всю одежду, имевшуюся в доме: черный суконный сюртук, женский дипломат из черного трико, несколько платьев – шелковое, сарпинковое, драповая жакетка, мужское барашковое пальто с таким же воротником, кунья муфта. Менее важными носильными вещами были набиты восемь сундуков.

Кроме того, в опись попали: пуховая перина и две пуховые подушки, одеяло лоскутное с шелковым верхом, черный дамский шелковый зонтик. В купеческом доме хранились про запас для пошива одежды несколько отрезков разной ткани – бумажное полотно, шерстяные материи, пунцовый кашемир, ситец в клетку⁸.

О том, в окружении каких вещей протекала жизнь купеческой семьи в те годы, свидетельствует перечень предметов обстановки. Это шкаф для посуды, горка, предназначавшаяся для тех же целей, комод с пятью ящиками, десяток разных венских стульев от разных гарнитуров или купленных отдельно, умывальник с мраморной доской, которая украшала его «фасад». На стенах висели часы в футляре с гирями и еще одни – с боем, изготовленные фирмой братьев Чугуновых. Во время чаепития пользовались по старинке медными самоварами, два были большими и два маленькими. Наряду с этими предметами традиционного быта городского населения приметой нового времени являлась ножная швейная машинка. Стены дома украшали десять различных картин-олеографий, больших и малых⁹.

Такого рода списки имущества довольно часто встречаются в наследственных делах, рассматривавшихся в судах различных инстанций. В данном случае с купцами Малуниными перечень достаточно наглядно свидетельствует о том, что перед нами купеческая семья средней руки. Она не жила в особой роскоши, как это было в семьях крупных текстильных фабрикантов; в то

же время в доме находились предметы одежды и обстановки, которые свидетельствовали о том, что Малунины были людьми весьма зажиточными на общем фоне городского населения. Документы также говорят о том, что в такого рода семьях черты патриархальности (пуховые перины, медные самовары и т.п.) сочетались с вещами, которые принес в купеческий быт уже наступивший двадцатый век. Таким образом, рассмотренные нами документы являются важными источниками по истории повседневной жизни так называемого «третьего сословия».

¹ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 255. Л. 2.

² Там же. Д. 146. Л. 4, 7.

³ Там же. Д. 255. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 1197. Л. 13, 14.

⁵ Ивановская область. Административно-территориальное деление. Иваново, 2001. С. 183.

⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 700. Л. 1, 3.

⁸ Там же. Л. 19-22.

⁹ Там же. Л. 22, 25.

К. Е. БАЛДИН

(г. Иваново)

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ШУЙСКОМ КУПЕЧЕСТВЕ В ФОНДЕ ДЕПАРТАМЕНТА ГЕРОЛЬДИИ (РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ)

В Российском государственном историческом архиве (г. С-Петербург) хранятся многочисленные делопроизводственные материалы, дающие представление о купеческом сословии Российской империи. Они входят органической частью в документальный комплекс Правительствующего Сената. Сенатский архив в РГИА это впечатляющий источниковый массив, в который входят документы присутствий, департаментов, комитетов и комиссий Сената. Это не тысячи, а миллионы единиц хранения, в которых может заблудиться даже относительно опытный исследователь. В состав сенатского архива входит среди других интересующий нас департамент герольдии.

Еще при Петре I была создана в 1722 г. герольдмейстерская контора, преобразованная в 1763 г. в Герольдию при Сенате, а в 1848 г. – департамент герольдии. Он составлял губернские, городские и дворянские гербы, вел списки дворян, утверждал новопожалованных дворян в этом достоинстве, курировал дела о перемене, передаче дворянских фамилий, рассматривал дела о правах на титулы, ведал производством чиновников в очередные чины, перемещением и увольнением отдельных членов этой служащей братии. Дела департамента сосредоточены в фонде РГИА под номером 1343, он насчитывает более 158 тыс. единиц хранения¹.

В составе третьей экспедиции департамента герольдии велось сначала небольшое, а потом все более расширявшееся делопроизводство о возведении людей в почетное гражданство. Дела по присвоению званий почетного и

потомственного почетного гражданина сосредоточены в описях 39 и 40 упоминавшего фонда 1343.

В отличие от купечества или мещанства почетные граждане не являлись в полном смысле этого слова сословием, скорее их корректно назвать социальным слоем. Он появился в России в соответствии с указом 1832 г. и делился на просто почетных и потомственных почетных граждан, у которых это звание передавалось из поколения в поколение. Потомственное гражданство присваивалось по рождению детям личных дворян, а также детям духовных лиц, которые имели образовательный ценз (окончили духовную семинарию или духовную академию). Купцам звание потомственного почетного гражданина присваивалось по ходатайству. Поводов для этого было несколько. Во-первых, такое звание давалось купцам, которые пробыли в 1-й гильдии 10 лет или во 2-й гильдии 20 лет. Во-вторых, это звание присваивалось тем представителям купечества, которые получили чин или орден. Получить орден предприниматель мог, например, за крупное пожертвование на благотворительные цели. В-третьих, просить о присвоении потомственного почетного гражданства мог купец, который имел почетное звание мануфактур-советника или коммерц-советника².

Почетные граждане являлись привилегированной социальной группой населения, они освобождались от подушной подати, рекрутской повинности и телесных наказаний, получали право участия в органах городского общественного самоуправления. Купечество активно использовало открывшееся «окно возможностей». По подсчетам М. К. Шацилло, в 1832-1862 гг. купцы подали в департамент герольдии 2393 заявления о присвоении им почетного гражданства, а в 1863-1900 гг. – 2082 заявления³. Принадлежность к этому социальному слою привлекала предпринимателей еще одной реальной выгодой. Каждый купец должен был ежегодно объявлять перед властями размер своего капитала. Если он этого не делал, то исключался из сословия и в рамках горизонтальной мобильности (со знаком минус) спускался по социальной лестнице в мещанское, т.е. уже непривилегированное сословие. Звание почетного гражданина избавляло купца от обязанности ежегодно объявлять свой капитал и страховало его от различных случайностей (купец мог задержаться с объявлением капитала по причине длительной деловой поездки, болезни и т.п.).

Вскоре после издания в 1832 г. указа о почетном гражданстве купцы, получившие разными путями информацию о нем, стали подавать заявления в департамент герольдии. Среди них было немало представителей этого сословия из Ивановского края. Это купцы из Кинешмы, Юрьевца, Луха, Плеса, посада Гавриловского, Вознесенского посада. Среди желающих получить новое звание нами обнаружено в фонде департамента герольдии и несколько шуйских купцов, среди них: Болотовы, Калужские, Киселевы, Китаевы, Небурчиловы, Носовы, Павловы, Поповы, Посылины, Рубачевы, Терентьевы. Среди заявителей можно выделить купцов, которые хотя были приписаны к

гильдиям в Шуе, реально занимались предпринимательством в других населенных пунктах. Например, А. Я. Балин имел фабрику в с. Дунилове, Кокушкины – в с. Лежнево, Ясюнинские – в с. Кохме. Купеческие гильдии существовали только в городах, в то время невозможно было стать кохомским, дуниловским или лежневским купцом, т.к. перечисленные выше населенные пункты были по своему административному статусу только селами.

Документы, представленные в фонде департамента герольдии, свидетельствуют о том, что недостаточно было подать одно прошение о возведении в почетное гражданство. Оно должно было сопровождаться целым комплексом документов. В числе их необходимы были справки из органов городского самоуправления о сроках пребывания в той или иной гильдии, о переездах из одного города в другой. Требовались также выписки из церковных метрических книг о рождении, венчании не только просителя, но и членов его семье. Дело было в том, что потомственное почетное гражданство приобретали не только сами купцы, но и члены их семей, которые порой были довольно многочисленными. Нередко бывало так, что главой купеческой семьи после смерти мужчины становилась его вдова, обладавшая такими качествами, как энергичность и деловая хватка. В 1844 г. в департамент герольдии обратилась шуйская купеческая вдова 2-й гильдии Прасковья Никитична Носова, а в 1862 г. – Александра Федоровна Небурчилова, принадлежавшая к той же 2-й гильдии шуйского купечества⁴.

В некоторых случаях просители слабо разбирались в правилах бюрократической игры и не могли представить в герольдию всех документов. Поэтому они получали отказы, а потом, вооруженные собранными документами, вновь обращались в этот сенатский департамент. Например, в 1863 г. соответствующая просьба шуйской купчихи 1-й гильдии П. М. Павловой была «оставлена без уважения» сенатскими чиновниками⁵. В 1877-1878 гг. шуйский 2-й гильдии купец В. К. Рубачев дважды подавал безрезультатно документы в департамент, звание потомственного почетного гражданина ему присвоили только с третьего раза, когда он представил все справки, которые от него требовали чиновники⁶.

Почетное гражданство шуйские купцы получали разными путями. Большинство из них шло проторенной дорогой и начинали хлопотать о нем по «выслуге лет» в той или иной гильдии. Так обзавелись этим званием: М. Г. Терентьев в 1844 г., И. С. Попов в 1851 г., А. В. Небурчилова в 1862 г., В. В. Китаев в 1874 г. и др.⁷

По иному действовали в 1834 г. купцы Степан и Алексей Ивановичи Посылины. Оба они получили в 1832 г. звания коммерц-советников и через два года на этом основании были возведены в потомственное почетное гражданство. В. К. Рубачев в 1887 г. был награжден орденом Анны 3-й степени за крупное пожертвование, на которое была построена церковь во имя св. Александра Невского при Шуйском духовном училище. Это дало ему

возможность просить о почетном гражданстве, его довольно длительные хлопоты все-таки увенчались успехом⁸.

В целом, документы, хранящиеся в департаменте герольдии, представляют большую ценность для исследователей локальной истории. Они дают официальные, т.е. заслуживающие доверия сведения о датах рождения, женитьбы, смерти представителей местного делового мира, о составе их семей, о родственных отношениях внутри купеческих кланов и о матримониальных связях, существовавших между ними. По этим документам можно проследить также динамику того, как постепенно патриархальная «большая» семья в купеческой среде уступала место современной нуклеарной семье, состоявшей только из родителей и ограниченного числа детей. Здесь же имеются данной о деловой истории тех или иных фабрикантских, торговых династий, когда одни поднимались вверх, переходя из низших гильдий в высшую, а другие, наоборот, спускались по социальной лестнице вниз и в ряде случаев терпели банкротство.

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917. Т. 1. СПб., 2000. С. 107-109.

² Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб., 1899. С. 510.

³ *Шацлло М. К.* Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004. С. 143.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3290. Л. 1; Д. 3411. Л. 1, 9-10.

⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3502. Л. 12.

⁶ Там же. Д. 4159, 4160, 4161.

⁷ Там же. Д. 2108. Л. 17; Д. 3290. Л. 24-25; Д. 3848. Л. 26-27; Д. 4774. Л. 6-7.

⁸ Там же. Д. 3907. Л. 9, 18-19; Д. 4160. Л. 1.

О. А. МОНЯКОВА
(г. Ковров)

ШУЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ НА КОВРОВСКОЙ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЯРМАРКЕ

Рождественская ярмарка является исторической достопримечательностью села, а затем с 1778 года уездного города Коврова. В связи с этим актуальным для местной истории является вопрос о характере ярмарки и времени ее возникновения.

Первым известным на сегодняшний день документом, в котором непосредственно говорится о существовании в селе Коврово Рождественской ярмарки, является царская грамота владимирскому воеводе кн. Щетинину о безоброчной отдаче Спасо-Евфимиеву монастырю таможенной пошлины с села Коврово 1641 года¹. Опираясь на эту грамоту, все прежние исследователи относят начало Рождественской ярмарки к XVII веку². И только современные краеведы Фроловы полагают, что ярмарка в с. Коврово уже существовала во второй половине XVI столетия³. Их выводы опираются на один документ в архиве Спасо-Евфимиева монастыря, в котором содержится запись о том, что в лето 7084-е (1576 год) царь Иван IV дал указ, которым было велено для

сбора пошлин иметь «в с. Коврово одного человека целовальника»⁴. Кроме того, этим же годом датируется жалованная тарханная грамота на вотчины Спасо-Евфимиева монастыря, где впервые упоминается и село Рождественно-Коврово. Связывая эти два документа, Фроловы и делают вывод о том, что в 1576 году Рождественская ярмарка уже функционировала. Мало того, они считают, что в селе Коврово в то время существовал и кабак с продажей горячительных напитков. Данный вопрос является предметом отдельного рассмотрения.

Проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении документы, мы думаем, что выводы краеведов преждевременны. Развитие села оказалось у них вне контекста социально-экономических процессов, имевших место в России в XVI-XVII вв. Несколько слов о тех источниках, на базе которых делают выводы Фроловы.

«Жалованная тарханная, несудимая, двусрочная, заповедная грамота» 1576 года, во-первых, была выдана Спасо-Евфимиеву монастырю не конкретно на с. Рождественно, а на большой ряд вновь приобретенных земель и селений⁵; во-вторых, авторитетные исследователи считают, что «только недостаток в других источниках заставляет пользоваться в широкой мере жалованными грамотами». «Сами же по себе они являются очень ненадежным источником, – писал С. Б. Веселовский, – изучая их, никогда нельзя быть уверенным, что то, что утверждает или отрицает данная грамота, существовало или не существовало в данном случае»⁶.

На наш взгляд, расточительно посылать в маленькое село целовальника только для того, чтобы раз в год собирать пошлины. Как известно, должность целовальника является следствием известной Земской реформы местного самоуправления 1550 года. Целовальники заменили так называемых кормленщиков, и их полномочия были несколько шире, чем сбор торговых пошлин, а именно, право суда и сбора податей с населения. Тем более, что до царского указа от 30 апреля 1654 г. в России существовала проезжая пошлина. Если таковой был послан, то, скорее всего, для обслуживания перевоза через реку Клязьму, который заметно активизировался в конце XVI в., так как оказался на оживленной транспортной магистрали. Особенно эта дорога оживилась после того, как в 1552 году в состав России вошло Казанское ханство, затем Западная Башкирия, и началось освоение русскими людьми земель Поволжья, в 1598 году к России была присоединена и Западная Сибирь. К этому следует добавить и начало знаменитой Макарьевской ярмарки под Нижним Новгородом, одна из дорог на которую пролегла через село Коврово. Не случайно, когда царь Алексей Михайлович в 1657 году повелел учредить при с. Коврово постоянный еженедельный торг по вторникам, то объяснение такому решению было дано следующее: «а на то село лежит дорога большая из Казани и из Казанских городов»⁷.

Еще одним аргументом, как нам кажется, в доказательство того, что в 1576 году Рождественская ярмарка еще не открылась, может служить сравне-

ние писцовых и окладных книг, в которых, как известно, записывались все занятия жителей, подлежащие обложению различными видами налогов. К примеру, сравним писцовые книги 1628/29 гг., составленные Михаилом Трусовым и дяком Федором Витовтовым на с. Холуй⁸ и на с. Коврово⁹. Так вот, если в Холуе к тому времени уже существовало два торгова и кабака, то они указаны в описи. В Ковровской же описи, кроме земледелия, указывается на занятие жителей рыбной ловлей, и только.

Или другое сравнение: писцовой книги с. Коврово 1628/29 гг. и окладной книги того же села 1701 года. В последней уже прямо сообщается, что «на Клязьме перевоз держит того же села крестьянин Никитка Власов с товарищи», «да в том же монастырском селе Коврове годовая ярмонка, торгу два дня ... пред Рождеством Христовым да в Рождество Христово»¹⁰.

Следовательно, Ковровская Рождественская ярмарка официально оформилась в период между 1628/29 и 1641 годами, что вполне соответствует общероссийским тенденциям социально-экономического развития. Историки считают ярмарки типичным явлением для XVII в., когда активно происходило складывание всероссийского рынка.

А теперь о характере Рождественской ярмарки, о том, кто и чем на ней торговал.

Следует отметить, что ковровская ярмарка прошла тем же путем, что и все торжки местного значения. Зародилась как транзитный пункт на перевозе через реку Клязьму на оживленной транспортной магистрали, не связанный с местным производством и потреблением. И оставалась таковой вплоть до начала XIX века.

В нашем распоряжении имеются реестры Рождественской ярмарки за 1748, 1758, 1760, 1804 годы¹¹, в которых мы не обнаружили в перечне торговых людей, арендовавших лавки и балаганы на ярмарке, ни одного жителя села, а затем города Коврова. Кроме того, несмотря на царскую грамоту 1657 года об учреждении в с. Коврово постоянного торгова по вторникам, такового так и не возникло даже к концу XVIII века. В топографическом описании города Коврова 1784 г. записано: «Недельных торгов в оном городе не бывает»¹².

Таким образом, транзитный характер Ковровской ярмарки, не привязанный к занятиям жителей города Коврова, сохранялся до начала XIX в. Большое количество лавок (100), явно превышающее потребности самих жителей города, лишнее тому подтверждение. Кстати, Ковров в этом плане не являлся исключением. К примеру, в Ирбите торговля почти полностью прекращалась с окончанием ярмарки¹³.

Тем не менее, прогрессирующее развитие внутреннего рынка, отразилось и на состоянии ковровской Рождественской ярмарки: если в своем начале она проходила только один день, то к концу XVIII в. торг длился уже три дня. Тому не мало способствовало расположение Коврова на р. Клязьме, так как в это время огромное значение приобрели водные пути. Основной водной

магистралью оставалась Волга с ее притоками Камой и Окой. Все более или менее судоходные реки были использованы в качестве путей сообщения, обслуживающих непрерывно растущий всероссийский рынок. В эту транспортную схему была вписана и река Клязьма. Кроме того, Указом 20 декабря 1753 г. с 1754 года отменялись внутренние таможенные пошлины, что не могло не оказать положительного влияния на развитие торговли. Рост оборотов Рождественской ярмарки в Коврове тому подтверждение.

Первые ковровские ярмарки проходили не там, где сейчас располагается в городе Базарная площадь, а выше на горе, прямо напротив Христорождественской церкви. Именно эта площадь напротив главного ковровского храма являлась тогда административным и торговым центром села Коврово. Все сохранившиеся реестры лавок Рождественской ярмарки (1748, 1758, 1760) прямо указывают на это, перечисляя лавки «от Христорождественской церкви на правой стороне» и «на левой стороне». А всего их на протяжении XVIII века сохранялось в пределах 100, по 50 с каждой стороны. Эти же документы сохранили информацию о том, кто приезжал торговать на Рождественскую ярмарку в Коврове. Вот перечень городов и поселений, откуда приезжал торговый люд на ковровскую ярмарку: Суздаль, Вязники, Муром, Москва, Ярославль, Шуя, Переславль-Залесский, Костромской уезд, села Лежнево, Палех, слобода Мстера, но больше других из с. Павлово Нижегородского уезда. Много было и местных торговцев, а так как вся округа по административному делению того времени числилась за Суздальским уездом, то значит из самого Суздаля и населенных пунктов, входивших в состав уезда.

В контексте нынешней конференции нас интересуют торговые люди из Шуи и ее округи. На ярмарке 1748 г. их было 24 человека, 1758 – 9, 1760 – 18, 1804 – 49¹⁴. В основном представлены сам город Шуя, села Дунилово, Лежнево, Пупки, Семеново, Палех; с 1758 года включились Кохма и Иваново. А вот на ярмарке 1804 года Шуйский уезд представляли уже исключительно села Иваново и Кохма.

Первоначально торговали изделиями крестьянских промыслов: из с. Пупки – шапками, Лежнево – липовыми кадыми, Палех – щепным товаром, Семеново – серьгами и т.д. Позднее основным товаром стала мануфактура. Вот, к примеру, выборочный список тех, кто торговал на Рождественской ярмарке в 1804 году: крестьянин Нефедий Иванович Гарелин – 2 лавки, Иван Бурьлин – 4 лавки, Яков Витов, Кондратий Михайлович Ямановский, Панфил Бурьлин, Михаил Полушин и др.¹⁵

Таким образом, к началу XIX в. составилась годовой круг из местных торгов и ярмарок, который замыкала в декабре ковровская Рождественская ярмарка. И, скорее всего, на нее большей частью привозили товар, не распространенный на предыдущих ярмарках.

¹⁴ Акты археографической экспедиции. Т. 3. СПб., 1836.

¹⁵ Радугин А. Г. Историческая записка о городе Коврове // Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 205. Оп. 1. Д. 946. Л. 130-130об.; Токамов И. Ф. Историко-

статистическое описание г. Коврова с уездом. М., 1903. С. 6; *Иванов А. И.* Город Ковров в прошлом и настоящем. Ковров, 1928. С. 17.

³ *Фролов Н. В., Фролова Э. В.* История земли Ковровской. Ч. 1. Ковров, 1997. С. 131.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1203. Оп. 1. Кн. 1. Л. 423-426.

⁶ *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 33.

⁷ Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. III. Владимир, 1904. С. 285-287.

⁸ Владимирские губернские ведомости. Ч. Неоф. 1852. № 11.

⁹ РГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 30. Л. 95 об – 104.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Вязка 204.

¹¹ РГАДА. Ф. 1203, Оп. 1. В. 138, № 118; В. 231. № 113; В. 242. № 97; ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2208. Л. 225-276.

¹² Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир, 1906. С. 92.

¹³ *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 40.

¹⁴ См. прим. 11.

¹⁵ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2208. Л. 225-276.

Приложение

Перечень шуйских торговых людей на Рождественских ярмарках в Коврове

1748

с. Дунилово
кр. Василий Андреев
кр. Дмитрий Телегин
кр. Иван Яковлев
кр. Иван Павлов
кр. Петр Минеев
кр. Федор Карпов
кр. Яков Семенович Гормзин

с. Иваново
кр. Иван Шорнин
кр. Афанасий Венедиктов
с. Пупок
кр. Василий Иванов
кр. Василий Федорович Зино-
вьев
с. Семеново
кр. Михаил Афанасьев

с. Лежнево
кр. Наум Иванов
с. Палех
кр. Василий Сергеев
г. Шуя, посадские люди
Иван Симонов
Иван Васильевич Гнусин
Алексей Иванов
Василий Постников

1758

г. Шуя, посадские люди
Иван Гаврилович Шилов
Михаил Алексеев
Андрей Иванов

с. Дунилово
кр. Серафим Иванов
кр. Григорий Васильев
кр. Андрей Семенов
с. Веденское
кр. Петр Иванов

с. Иваново
кр. Григорий Кузьмин
с. Кохма
кр. Степан Иванов

1760

г. Шуя, посадские люди
Григорий Гнусин
Иван Шилов
Матвей Хлебников
Андрей Иванов
Василий Шилов

с. Кохма
кр. Андрей Иванов
кр. Данил Петров
кр. Степан Борисов
кр. Алексей Васильев
кр. Степан Иванов

с. Дунилово
кр. Григорий Карпов
кр. Яков Семенов
кр. Иван Иванов
кр. Иван Павлов

с. Николы Шархмы
кр. Степан Иванов

с. Иваново
кр. Григорий Козмин

кр. Иван Иванов

кр. Иван Иванович Лоскутов

1804

с. Иваново

кр. Нефедий Иванович Гарелин
кр. Иван Бурылин
кр. Василий Петрович Хухлычев
кр. Кондратий Михайлович Ямановский
кр. Иван Шишонков
кр. Михаил Иванов
кр. Савва Усов
кр. Лука Клюев
кр. Яков Ряпчиков
кр. Алексей Конопляников
кр. Петр Посников
кр. Федор Зубков
кр. Яков Якимович Куваев
фабрикант Андрей Андреевич Ямановский
кр. Иван Родионович Осминин
кр. Иван Селевин
кр. Архип Кокушкин
кр. Родион Федоров
кр. Петр Воронин

с. Кохма

кр. Василий Долгов
кр. Митрофан Иванов
кр. Евстрат Степанов

кр. Иван Иванович Кубасов
кр. Петр Иванов
кр. Яков Витов
кр. Михаил Полушин
кр. Панфил Бурылин
кр. Алексей Посников
кр. Семен Столбов
кр. Алексей Кособрюхов
кр. Варфоломей Михайлов
кр. Афанасий Баранов
фабрикант Михаил Иванович Ямановский
кр. Иван Напалков
кр. Ефим Алексеев
кр. Иван Васильевич Янчиков
кр. Иван Посников
кр. Роман Удин
кр. Иван Симов
кр. Михаил Дурнов
кр. Василий Евдокимов

с. Лежнево

кр. Яков Петров

**А. Б. ДЬЯКОВ,
Т. А. КУРЫШИНА**
(г. Иваново)

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНЫХ ПРЕДАНИЙ

О Холуе и его жителях сохранилось много преданий. Замечено, что в основе легенд лежит не только фантазия народа, но и реальный исторический материал.

Наша задача - обнаружить реалии предания, которые связывают возникновение Холуя и его иконописного искусства с ордынским нашествием 1238 года. Из предания следует, что тогда «...были разорены завоевателями многие города, в том числе Суздаль. Оставшиеся в живых жители, спасаясь от насилия, укрылись в лесах... при впадении Тезы в Клязьму. Монгольская конница не могла проникнуть в эту глухомань. Скитальцы нашли удобное для жительства место..., поселенцы были не землепашцами, а людьми из суздальских княжеских дворов, среди которых были и иконописцы. Они занялись своим привычным делом – иконописанием, а женщины – вышиванием, не стараясь расчищать лес, осушать окрестные болота и заводить пашню. Постепенно Холуй приобретает всё большую известность, сюда стали приезжать купцы... появились торжки»¹.

Это предание использовали как реальный исторический факт многие, писавшие о «селе художников».

«На чём основана версия о том, что Холуй основали суздальцы, спасающиеся от монгольской конницы?» – спрашивал известный ивановский писатель В. Е. Сердюк. Он считал, что «в данном случае, наверное, правильной было бы предпослать сей легенде слова «может быть, так было?», или нечто в этом роде»². Были ли среди поселенцев богомазы? Если были, то продолжали ли они заниматься иконописью? Где они брали дефицитные краски другие материалы?³. Начало иконописного искусства в Холуе писатель относит к XV веку. Художник и исследователь холуйского искусства М. Б. Печкин отмечает: «Для иконописи требуются специфические материалы: доски, грунт, краски, кисти, золото. Центрами иконописи на Руси в XIII веке были монастыри и княжеские усадьбы, обеспечивающие мастеров необходимым. Без этого иконописец работать не может и скоро забудет свою профессию. Да и было их тогда очень мало... хватало работы в городах, известно, что ордынцы были лояльны к религии покорённых стран. Говорить, что основали Холуй иконописцы, мы не имеем права. Это - красивая легенда. Появление иконописания в Холуе это – XVI век. Такого мнения придерживаются многие известные исследователи культуры и искусствоведы»⁴.

Постараемся найти реалии данного предания

Все исследователи отмечают необычное расположение Холуя на месте, непригодном для крестьянского поселения. Селение окружено болотистой местностью, затопляемой весной во время половодья и непригодной для земледелия.

Отметим, что за жизнь на болотистом месте, где нередки случаи лихорадки, окрестные селяне прозывали жителей Холуя неумелыми крестьянами, «фараонами»⁵.

Можно предположить, что «фараонами» прозвали жителей села не только в смысле оторванности их от реальной крестьянской жизни, но и за обладание какой-то таинственной связи с государственной властью (из свиты). Подтверждение этому - известное предание о способе переноса ярмарки в Холуе с левого берега реки на правый без согласования с властью. По легенде этот вопрос, всегда находившийся в компетенции государства, был решён через драку двух рассорившихся торговых компаньонов. Это предание – своеобразная народная характеристика холуян, имеющих связь с властью.

Необычный характер (городской тип поселения) отметил и краевед В. Куприяновский, считавший, что «в Холуе процесс образования поселения городского типа имел место»⁶. И действительно, планировка села отличается от окружающих крестьянских селений.

Все исторические сёла и деревни, как правило, под влиянием идущих вблизи дорог имеют линейную планировку с двухсторонней застройкой. Помимо направлений основных дорог застройка формируется также в центре села по периметру протяжённой прямоугольной площади, с церковью и тор-

гом (например, Алексино, Вознесенье, старая Южа и др.). Определяющим фактором при формировании планировочной структуры поселений служили рельеф местности и направление торговых путей. Заметим, что для застройки сёл основным элементом являлась не река, а дороги. Во всех крестьянских поселениях в сторону рек выходят хозяйственные дворы домов прибрежных улиц (Дунилово, Мыт, Мугреево-Никольское и др.).

В Холуе не только вся планировка подчинена руслу реки Тезы, здесь дома повернуты окнами к реке, сформированы набережные. Интересно, что жилые дома, в основном, деревянные, но крупные, городского типа, со множеством комнат⁷. Набережные также являются главными проездами поселения, и их архитектурная композиция строится на учёте реки. Водное пространство увеличивает перспективы, создаёт ощущение простора. Центр сформировался на двух берегах, обе его части соединялись мостом и вместе с сооружёнными на предмостных площадях церквями представляли единый архитектурный комплекс. Храмы с колокольнями, фланкировав реку, создали образ торжественных триумфальных ворот⁸. Второй мост села через Тезу (упоминается еще при сыне Д. М. Пожарского) находился около часовни Александра Невского⁹.

Русло реки в Холуе практически не меняет свой профиль и напоминает рукотворный канал. Береговая линия имеет очертание по прямой выше моста, а ниже вид вогнутой плавной кривой линии, очень интересной для архитектуры села при его восприятии с разных точек берега, воды и моста.

В Холуе мы встречаем городской тип улицы – набережную (неотъемлемую часть городского ансамбля)¹⁰. Это не только укрепленные берега, но и прекрасные улицы, где вода и застройка органично связаны между собой.

Ещё в допетровское время берега укреплялись при помощи свай или земляных откосов, обложенных дёрном, эти чисто технические мероприятия преследовали в основном утилитарные цели. Принято считать, что в России задача предохранения берегов от размыва получила подлинно художественное воплощение в Петербурге в виде мощного каменного обрамления полноводной реки, соразмерного как масштабу города, так и ширине Невы (начато в 1754 г.). То же можно сказать и о набережных малых рек, впадающих в Неву.

Как же сложился «городской» ландшафт в Холуе, как появились в селе дороги по берегам Тезы, превратившиеся в великолепные набережные улицы и предмостные площади?

Ответы на эти вопросы, наверное, можно получить от известного исследователя края В. А. Борисова, опубликовавшего документ «Судоходство на реке Тезе», из которого явствует, что «с вероятностью можно заключить, что судоходство по сей реке было издавна»¹¹. Сохранилась грамота от 1614 г. «А приедет в Шую в судне с товаром... и таможенникам иметь явки и гостинова...».

Существование береговой полосы (по закону в 21 метр) для нужд судоходства могло стать причиной появления набережных в Холуе. Но гипотеза о том, что формирование городского образа села произошло под влиянием некрестьянских занятий поселения, в частности, обеспечение судоходства по реке, наталкивается на противоречия.

Не вызывает сомнения то, что планировочная структура Холуя изначальная и не менялась на протяжении всей истории села, поскольку с самого начала была определена природными условиями. Во время разлива реки село представляет собой группу небольших островков, сообщение между которыми осуществляется на лодках.

Таинственное изначальное происхождение городского образа у древнего поселения, построенного на непригодной для земледелия местности и сохранившее живое присутствие древнейших городских форм искусства и культуры, видимо, послужили возникновению предания среди местного крестьянского населения. По преданию, Холуй основали в результате катастрофы 1238 года укрывшиеся здесь от насилия врагов горожане-суздальцы, отразившие в формах поселения специфику своего стиля жизни.

Признаками градостроительной формы является осмысленность, ясность, с которой узнается поселение. Названия, знаки, записи, символы, обряды обостряют чувство места, усиливают звучание очеловеченного ландшафта, делают окружение вразумительным.

Можно и понизить осмысленность языка архитектуры, что сделал XX век, внося изменения в облик уникального села, нарушив часть его «городских» композиций. Как мы отмечали выше, центр сформировался на двух берегах, обе его части соединялись мостом. На двух предмостных площадях стояли Тихвинская и Троицкая церкви, композиционно связывая обе разделённые части Холуя. Целостность и выразительность общего архитектурного решения была достигнута за счёт согласования фасадов застройки набережной и силуэтной композиции. Архитектурный силуэт набережных определился строгой этажностью жилой застройки и расположением храмов на наиболее выгодных точках берега. Находясь у поворота реки, эти здания замыкали перспективу реки и определили силуэт набережной в наиболее ответственных пунктах. Храмы размещались в точках схода трёх и более радиальных улиц.

Ликвидация комплекса Тихвинской церкви в 30-е годы XX века нарушила уникальную городскую композицию центра села, ее смысл, сделала ее невнятной. Непродуманное строительство, захват частными лицами территорий набережных, нарушение красных линий застройки и др. продолжают разрушать «городской» облик Холуя.

Не вызывает сомнения то, что для сохранения и пропаганды легендарного ландшафта Холуя, уникального памятника русского градостроительства, необходимы серьёзные исследовательские, восстановительные и другие работы

¹ Искусство Холуя. — Ярославль, 1980. С. 146.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 143.

⁴ Печкин М. Б. Вершина и корни / М. Б. Печкин. – Иваново, 2008. С. 17.

⁵ Дьяков А. Б. К вопросу о возникновении села Холуя / Материалы III съезда краеведов Ивановской области, Т. 2 / М-во образ. РФ, Иваново-Шуя, 2006. С. 253.

⁶ Курьяновский В. Соли на Холую / В. Курьяновский // Светлый путь, 1986 № 114- №118. С. 2.

⁷ Дьяков А. Б. Архитектурный облик Тезинского водного пути / А. Б. Дьяков, П. А. Дьяков // Пожарский альманах. – 2008. – Выпуск 4. С. 690.

⁸ Свод памятников архитектуры России: Ивановская область, ч. 3. – М.: Наука, 2000. С. 38.

⁹ Печкин М. Б. Указ. соч. С. 21.

¹⁰ Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 850.

¹¹ Борисов В. А. Собрание трудов (материалов): В 3-х т.: Т.1. Иваново: МИК, 2001. С. 71.

В. П. БАБАЙКИН

(г. Шуя)

КАК СТОЯЛА КОЛОКОЛЬНЯ ШЕСТЬ ЛЕТ БЕЗ ШПИЛЯ

В СМИ и научных исторических трудах писалось неоднократно, и шуяне это хорошо знают, что колокольня строилась под наблюдением итальянского архитектора из Турина – Маричелли. В статистическом обозрении Владимирской губернии за 1813 год писалось: «По плану Маричелли предполагалось, что в «колокольне будет вмещаться великолепная церковь», а «общая высота должна простираться до 30 сажень (около 64 метров)». Сооружение Маричелли могло быть, несомненно, незаурядным произведением архитектуры, но возведенное до третьего яруса в 1819 году обрушилось, причем «убытки составили 100 тысяч рублей». (По тем временам астрономическая сумма). После этого проект Маричелли был отвергнут. Трудно сейчас установить причину трагической аварии. Либо она в плохом качестве кладки, либо в инженерном просчете автора. После катастрофического разрушения почти построенного сооружения к работам был привлечен архитектор Евграф Яковлевич Петров (1770-1839), ученик выдающегося зодчего XVIII века М. Казакова. С 1812 года до конца жизни он работал во Владимире губернским архитектором. Сохранились до наших дней сооружения, возведенные по его проектам: здание бывшей мужской гимназии во Владимире, торговые ряды в Вязниках и др.

Петров задумывает монумент – четырехъярусную колокольню со шпилем, общей высотой 106 метров. В подручные Петров берет каменных дел мастера, крестьянина Михаила Савватеева. К 1832 году колокольня была закончена. Ее увенчал большой деревянный шпиль, представлявший собой смелую строительную конструкцию. До настоящего времени из подобных ему сохранился только один шпиль – на здании адмиралтейства в Санкт-Петербурге.

Многие шуяне и не подозревают, что после этого внешний облик колокольни (а точнее шпиля) претерпел серьезные изменения. И вот почему.

6 мая 1868 года по городу промчался сильнейший ураган. Под его напором деревянный шпиль был поврежден и грозил падением. Пришлось

его разобрать и снять, что сделал кровельных дел мастер Иван Бабкин. На месте шпиля временно был установлен крест.

Перед городскими властями и духовенством встал вопрос: что делать? Восстанавливать ли прежний шпиль или устроить главу подобно той, которая венчает колокольню Ивана Великого в Москве. В ту пору в строительной практике успешно стал применяться металл, что в конечном итоге и повлияло на решение властей и духовенства.

В 1874 году под руководством строительного подрядчика из Москвы Короткова за 8 месяцев на колокольне был устроен новый весьма прочный железный шпиль. Высота его (вместе с подкрестным яблоком диаметром 1,3 метра и крестом) – 45,5 метра. Точно не установлено, но, скорее всего, проект шпиля был выполнен выдающимся русским ученым и инженером, основателем отечественной научной школы в области строительной механики и мостостроения Дмитрием Ивановичем Журавским (1812-1891). На эту мысль наводит тот факт, что конструкция шпиля в Шуе почти идентична той, которая была применена Журавским для колокольни Петропавловской крепости в Петербурге в 1858 году.

По своему архитектурному облику шуйский шпиль уникален. Не менее уникально и то, что скрыто от глаз – его инженерное решение: каркас шпиля образует восьмигранная пирамида высотой 40,5 метра, каждая грань которой представляет собой решетчатую форму. Прочность конструкции придают перекрестные раскосы и элементы, образующие в горизонтальной плоскости кольца-связи.

Весьма знакомое решение. Ведь оно широко применяется в таких пространственных сооружениях, как водонапорные башни, опоры электропередач и пр. К слову, по этому же принципу была сооружена знаменитая 300-метровая Эйфелева башня в Париже. Так что конструкция шпиля в Шуе стала в то время своеобразным шагом в завтрашний день строительной техники. Металлические конструкции для Шуи (равно как и для Петропавловской колокольни в Петербурге) изготовил Камско-Воткинский завод на Урале.

Работы 1874 года внесли и некоторые изменения в верхней части колокольни. Появился еще один ярус, перекрытый куполом с прорезанными с 4-х сторон люкарнами. Основание шпиля получило вид вазы с позолоченными лепестками. Сама «игла» шпиля была обшита, как писали современники, «белым железом» (покрытыми оловом железными листами), а завершающие шпиль «яблоко и крест на нем вызолочены через огонь».

Гигантские размеры, лаконичная пластика форм, контрастное противопоставление стройной, прозрачной башенной части массивному основанию – все это делает колокольню выдающимся памятником отечественной архитектуры.

Была бы моя воля, поставил бы памятник и Петрову, и Савватееву, и Журавскому за ту красоту, что люди эти сотворили на земле шуйской.

**ТЕТРАДЬ ПО ГЕОМЕТРИИ, или
«РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ» ИЗ ИСТОРИИ ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ г. ШУЯ**

На сегодняшний день из семи действующих в Шую храмов пять являются подворьем Свято-Николо-Шартомского мужского монастыря (с. Введение Шуйского района). До революции в Шую (в границах современного города) была 21 церковь и лишь одна из них была монастырской. Это храм в честь Святого Пророка Божия Илии. Он находился на одноименной – Ильинской – площади в заречной части Шуи возле Большого моста.

Первоначально на этом месте была построена часовня, освященная 21 февраля 1880 года. Но уже 21 июля 1881 года состоялось освящение часовни в церковь. Престол в храме один – во имя Св. Пророка Божия Илии.

В фондах Литературно-краеведческого музея Константина Бальмонта сохранились интересные документы, отражающие некоторые страницы истории храма. Это – тетрадь по геометрии за 1889/90 учебный год ученика Шуйского уездного училища Василия Михайловича Серебрякова¹.

В. М. Серебряков родился в Шую в 1875 году. Родители его происходили из крестьян Шуйского уезда, затем отец был приписан в мещанское сословие г. Шуи и стал печником. В 1881 году приобрел дом в заречной, в то время пустынной, части города Шуи. Василий Михайлович обучался в начальной земской школе, затем Шуйском уездном училище. В 1892 году поступил на ситцевую фабрику Кокушкина в Шую в контору мальчиком. Вскоре, заслужив расположение владельца фабрики, был послан на полгода в Москву на бухгалтерские курсы. Вернувшись на фабрику, в течение 24 лет работал бухгалтером вплоть до ликвидации фабрики в 1920 году. Позднее был бухгалтером Шуйского спиртоводочного завода².

Конечно, интерес вызывают не теоремы и задачи. Два последних листа тетради содержат «разные известия», сделанные рукой Серебрякова. Он, как очевидец, фиксирует наиболее значимые, на его взгляд, события из жизни города. Поэтому наряду с сообщениями о кончине священников, закладке и освящении храмов, встречается и информация о нашествиях на Шую саранчи.

Из 11 записей пять посвящены Ильинской церкви. С учетом трудностей поиска материалов по истории данного монастырского подворья в Шую, эти два листа содержат поистине бесценную информацию. К сожалению, на данный момент она не подтверждена официальными источниками и может быть воспринята лишь как заметки очевидца. Это объясняет и особенности записей, когда наряду с точными данными появляются субъективные комментарии автора.

Так, из этих заметок мы узнаем, что 16 июня 1889 года состоялась закладка «нового более обширного храма (на месте старого) с колокольной при Ильинской церкви, принадлежащей к Николо-Шартомскому монастырю». А

уже следующая запись сообщает, что возобновленный храм Ильи Пророка был освящен игуменом Николо-Шартомского монастыря 28 марта 1892 года. Церковь была построена на средства наследников Павла Дмитриевича Кокушкина (1818-1886), «при личном строителе Петре Павловиче». И сразу же, как бы в подтверждение своих слов, В. М. Серебряков вкладывает в тетрадь приглашение на освящение церкви от П. П. Кокушкиной: «Пелагея Петровна Кокушкина с детьми, по случаю Освящения вновь устроенного в западной заречной части г. Шуи, более обширного против прежнего, храма в честь Св. Пророка Божия Ильи, покорнейше просят почитателей Церковного благолепия принять участие в молитвах к совершению предполагаемого торжества Освящения, сего 1892 г. Марта 28 дня в 9 час. утра; а по окончании Богослужения – откусать хлеба-соли в собственный дом их, в 1 Заречном квартале г. Шуи».

Спустя три месяца 1 июля 1892 года в новоосвященном храме совершал литургию Высокопреосвященный Феогност, Архиепископ Владимирский и Суздальский. Это была первая в жизни Серебрякова архиерейская служба, что сразу же нашло отражение в записях: «я первый раз в жизни присутствовал на Архиерейской службе вполне, а то прежде не удавалось проследить вполне». И вновь, как и в предыдущей записи, следует приглашение от Кокушкиной, но уже не подлинник, а аккуратно переписанная копия с соблюдением количества строк оригинала:

«Копия верна

столько строчек и в действительности

Его Высокопреосвященство, Владимирский Преосвященный, Архиепископ Феогност имеет совершить 1 числа июля сего 1892 г. Божественную Литургию в новоустроенной в г. Шуе Ильинской церкви.

Пелагея Петровна Кокушкина с детьми, извещая о предстоящем Архипастырском Богослужении, покорнейше просят Вас, как почитателя торжественного Богослуженья, пожаловать в Ильинскую Церковь 1-го Июля к Божественной Литургии, которая начнется в 9 часов утра; а по окончании Богослужения – откусать хлеба-соли в их, Кокушкиных, дом».

Последняя запись сделана через 10 лет и тоже связана с Кокушкиным и Ильинской церковью. В 1902 году староста Ильинской церкви г. Шуи потомственный почетный гражданин шуйский 1-й гильдии купец Петр Павлович Кокушкин (1846-1907) вновь выступил благотворителем Ильинского храма. (Попутно заметим, что его многочисленные благодеяния были высоко оценены. Так, в 1898 г. за крупное денежное пожертвование в пользу Николо-Шартомского монастыря П. П. Кокушкин получил благословение Св. Синода, а еще через год за заслуги по духовному ведомству был награжден орденом св. Станислава 2-й степени³.) На этот раз на средства П. П. Кокушкина в Москве на заводе Финляндского были отлиты новые колокола для Ильинской церкви в количестве 9 штук общим весом (с языками) 309 пудов (5 тонн): «большой колокол 210²⁰, второй 66, третий 15 п., 4 – 7 п., 5 – 3²⁰ и 4 колокола

трезвонных». 31 марта колокола прибыли в Шую в сопровождении мастера Филиппа Медведовского. Почти за две недели до этого, еще 19 марта самостоятельно были сняты старые колокола (вероятно, 4-й и 3-й по весу – в 27 пудов). Второй был оставлен, а первый «большой в 77 пуд.» снял приехавший мастер 2 апреля в обед. Вечером того же дня был поднят новый «подбольший» колокол весом в 66 пудов. «Большой» же колокол подняли в обед около часу дня 1 апреля, а около 5 часов вечера ударили в новый колокол. Всего на Ильинской звоннице стало 10 колоколов: «большой новый – 210 п., подбольшой новый – 66 п., повседневный старый 45 пуд. и 7 колоколов трезвонных в перебор как в соборе».

Бухгалтер Серебряков наряду с весом колоколов не мог не упомянуть и об их стоимости: «купил новые колокола П. П. [Петр Павлович Кокушкин. – Е. С.] по 18р.⁵⁰ за пуд, а старые 3 кол. весом 105²¹ здал им по 13р.⁵⁰ за пуд провоз их по удешевлен. тарифу». На этом записи В. М. Серебрякова заканчиваются.

Сразу после революции Ильинская церковь стала приходской со своим священником, но уже в октябре 1924 года храм был закрыт. Была разрушена колокольня, сняты кресты, купола. Вероятно, тогда же была утрачена и могила главного благотворителя Ильинской церкви Петра Павловича Кокушкина, который был похоронен в ограде Ильинской церкви⁴. Площадь Ильинская стала называться площадью Революции. В храме открыли клуб «Безбожник», затем это стал клуб «Заречье». В 2009 году здание передали Русской Православной Церкви. Храм стал подворьем Успенско-Казанского мужского монастыря с. Кузнецово Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии. В этом же году на день св. пророка Божия Илии была отслужена первая, после долгих лет безбожия, литургия. История храма продолжается...

¹ ШИХММ 3148/25.

² Автобиография В.М. Серебрякова (ШИХММ 3148/21).

³ Владимирские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1898. № 1; ВЕВ. 1899. № 7.

⁴ *Ставроцкий Е.* Шуйский некрополь. Шуя, 2009. С. 29.

Е. С. СТАВРОВСКИЙ
(г. Шуя)

ШУЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО И КЛАССИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШУЕ

Купечество и благотворительность. Купечество и меценатство. Темы, известные каждому, но раскрытые лишь в самой малой степени. Множество примеров купеческой благотворительности известно в дореволюционной истории Шуи. Это – Киселевская больница (называемая так до сих пор по имени ее основателей), железная дорога и вокзал (купец И. И. Попов), городской водопровод (И. И. Попов, А. О. Блохин, С. М. Посылин) и многое другое.

Основная роль в становлении гражданского (недуховного) образования в г. Шуе принадлежит также купечеству.

Осень 1858 года в Шуйскую городскую думу поступил циркуляр из столицы, где повелевалось принять меры для «учреждения учебных училищ для городских обывателей», в особенности, говорилось о развитии женского образования. Шуйские думцы после недолго обсуждения приняли решение: «Шуйское общество, почетные граждане, купцы и мещане с благоговением приняв заботливость Государя Императора о благе своих подданных постановили: учредить в г. Шуе подобное заведение... второго разряда...»¹.

В ноябре 1860 г. в Шуе было торжественно открыто женское училище 2-го разряда. Это было первое из общественных женское учебное заведение в нашем городе. Меценатами в этом благородном деле выступили шуйские купцы А. А. Посылин и П. А. Борисов, а также купчихи А. И. Попова и А. В. Гарелина.

19 сентября 1869 года «Шуйские граждане по выслушании отношения Шуйской уездной земской управы ... относительно учреждения в г. Шуе прогимназии... постановили: выразить общее и полное согласие на отпусkanie ежегодно из городских расходов по 1000 руб. и из доходов банка по 3000 руб. для устройства в Шуе прогимназии и технических курсов»². Мужская прогимназия (неполная гимназия) была открыта через 4 года как классическая (таково было желание шуйского купечества). Согласно «новому» уставу гимназий (30.07.1871) выпускникам классических гимназий предоставлялось монопольное право поступления в университеты Российской империи.

Шуйские купцы отлично понимали значение гимназии для города. «Народное образование составляет... самый капитальный вопрос нашего времени. В развитии начал веры, доброй нравственности и полезных знаний лежит залог нашего общественного блага и семейного счастья...» (из письма председателя шуйской земской управы купца Т. С. Борисова шуйскому городскому голове купцу Н. Л. Калужскому)³.

В первые годы существования мужской прогимназии возникали многочисленные трудности с устройством нового здания для постоянно растущего учебного заведения. В доказательство можно привести несколько фактов. В марте 1874 года для устройства гимназии предложил свой дом шуйский купец 2-й гильдии Г. Н. Толчевский. В октябре следующего года то же делает купец И. С. Попов, в доме которого и расположилась на несколько лет Шуйская шестиклассная прогимназия.

11 мая 1877 года началось строительство нового, собственного здания Шуйской мужской гимназии. Несмотря на финансовые сложности Министерства народного просвещения (шла война с Турцией), строительство было закончено достаточно быстро (к 15 марта 1879 года). Во многом эта заслуга принадлежит купеческому сословию г. Шуи. На гимназию было пожертвовано свыше 30 тысяч рублей (более трети полной сметной стоимости строительства). Крупнейшими жертвователями были шуйские купцы: И. И. Попов (внес 5000 руб.), А. А. Посылин (4500 руб.), А. Г. Калужский (3000 руб.), А. В. Щеколдин (2500 руб.) и многие другие (всего 35 человек)⁴.

Шуйскую мужскую гимназию можно считать образцовой не только для тех времен, но и для многих последующих: в гимназии были устроены «зала» для гимнастики, баня, прачечная, погреб, во дворе тротуары, цветник и даже фонтан! В августе 1879 г. гимназию посетил министр финансов Российской Империи С. А. Грейг и остался ею доволен, высказавшись при этом, что таких зданий, занимаемых гимназиями, немного встретишь и в столицах.

Ученики гимназии сторицей оправдали затраты на гимназию. Приведем некоторые имена людей, в разное время учившихся в Шуйской мужской гимназии: С. Ф. Рыскин (1859-1895) – поэт-песенник, автор широко известной, почти народной, песни «Живет моя отрада в высоком терему...»; Н. М. Альбов (1866-1897) – ученый-ботаник и путешественник, именем которого названы озеро, горный пик и около 20-ти растений; К. Д. Бальмонт (1867-1942) – всемирно известный поэт; писатель Е. Ф. Вихрев (1901-1935), академик В. А. Бальмонт (1901-1971) и многие другие известные люди.

Если говорить о людях, сыгравших наибольшую роль в становлении и развитии гимназии, то первым в этом списке должно стоять имя Ивана Ивановича Попова, первого попечителя мужской и женских гимназий. (Уже после его смерти на капиталы, им оставленные, было начато строительство второй в городе женской гимназии). Следующим после Попова попечителем гимназии был избран шуйский фабрикант Михаил Алексеевич Павлов (1846-1915). Им было учреждено в гимназии 10 именных стипендий. Известно, что он также пожертвовал один миллион рублей на постройку в Шуе высшего технического учебного заведения, но, увы, эта мечта не сбылась.

19 января 1873 года (на полгода ранее мужской) в Шуе была открыта 4-классная женская прогимназия. Главными жертвователями здесь были уже упомянутый купец Посылин и купчиха А. И. Калужская. Первоначально прогимназия располагалась в здании Старого Гостиного двора, но вскоре переехала в отремонтированный дом купцов Киселевых.

С 1911 года на заседаниях Шуйской городской думы стал регулярно подниматься вопрос о строительстве нового здания для женской гимназии. Часть средств на его постройку предоставила Шуйская земская управа, а наиболее значительную долю пожертвовали шуйские купцы И. И. Попов (по завещанию) и Н. А. Щеколдин. Для контроля за ходом работ на экстренном заседании городской думы 30 апреля 1914 г. была утверждена строительная комиссия, куда вошли купцы И. О. Маклашин, Л. С. Романов, А. В. Рубачев, И. О. Турлапов, Н. А. Щеколдин. Уже в ноябре того же года основные строительные работы были закончены. Если бы не разразившаяся Первая мировая война, то, без сомнения, женская гимназия приняла бы первых учениц в 1915 году. Окончание строительства гимназии затянулось, а затем здесь временно расположился воинский лазарет, и лишь в 1927 году в этом здании открылась школа 2-й ступени.

Говоря о несбывшемся, можно вспомнить историю с учреждением в Шуе учительской семинарии.

Весной 1875 года из столичного Петербурга в губернский город Владимир пришло письмо с пожеланием открыть во Владимирской губернии учительскую семинарию, причем в нем указывалось, что Министерство народного просвещения «по своим соображениям признает за лучшее открыть семинарию в г. Шуе...»⁵. Выбор места во многом, если не исключительно, был сделан на основании финансовых возможностей шуйского купечества и шуйского земства. На состоявшемся вскоре заседании Шуйской городской думы опять же И. И. Попов, не раздумывая, согласился отдать свой двухэтажный каменный дом в Шуе под помещение семинарии, причем бесплатно (!) на 2-3 года, до устройства собственного здания для семинарии. (К сожалению, экстренное Губернское земское собрание постановило открыть семинарию во Владимире), Современный Шуйский педагогический университет можно считать воплощением мечтаний и помыслов купцов города Шуи конца XIX века...

В заключение хотелось бы привести замечательную фразу из письма 1874 года шуйских граждан городскому голове об устройстве в Шуе мужской гимназии: «...И будущее потомство, вместе с благодарностью достойно оценит тех деятелей, на долю которых выпало быть путеводителями к открытию такого Учебно-образовательного учреждения»⁶.

¹ Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. 21. Оп. 21. Ед.хр. 4522.

² ГАИО. Ф. 369. Оп. 1. Ед.хр. 127. Л. 6.

³ Там же. Л. 76.

⁴ Там же. Л. 235.

⁵ Там же. Ед.хр. 275. Л. 1.

⁶ Там же. Ед.хр. 127. Л. 76.

А. Ю. ГУЛИДОВ
(г. Шуя)

КАК ШУЯНЕ НЕМЦЕВ ЗАМОРОЗИЛИ, А ИВАНОВЦЫ ОТОГРЕЛИ

Суровой была зима 1915-1916 годов для немцев-военнопленных в городе Иваново-Вознесенске и окрестностях. Установившиеся морозы в 20 и более градусов были непривычны сами по себе для выросших в мягком европейском климате солдат и офицеров. Безусловно, положение пленных, попавших в Сибирь и далее, было гораздо хуже, но и во Владимирской губернии иностранцам было тяжело. Действующей армии не хватало теплых вещей и зимнего обмундирования, что касается снабжения пленных, то, очевидно, что их снабжение оставляло желать лучшего. 17 декабря 1915 года заведующий второй ротой военнопленных прапорщик Бакулин докладывает в пункт военнопленных Иваново-Вознесенска заведующему, полковнику Марковскому о сложившейся в его отряде ситуации. Дело в том, что вся рота в составе 20 человек не имела никакой теплой одежды. Солдаты до сих пор носили свое летнее обмундирование, притом пришедшее по большей части в негод-

ность. Сам прапорщик не подчинился приказу командира и просил требовать от городской управы теплые полушубки и валенки для всех работников. До того, как теплые вещи поступят, он отказывается отпускать людей на городские работы, так как несет за их здоровье моральную ответственность и не может издеваться над людьми. Подобная самостоятельность и твердость в убеждениях, однако, оказалась скорее исключением, чем правилом.

В конце декабря Иваново-Вознесенский городской голова получил от начальника городского гарнизона сообщение под грифом «конфиденциально». В нем военный, обращаясь по имени-отчеству к городскому голове как к близкому, другу описывает проблемы, с которыми столкнулся, исполняя свои должностные обязанности. В числе прочего упоминает, что в городском лазарете №6 находятся четверо военнопленных с отмороженными конечностями и ампутированными пальцами на ногах. Эти пленные рассказали его подчиненным офицерам, что они заморозили ноги в лесной даче Гарелина в Семёновском, где часть работников занималась рубкой леса. В лесу осталось еще 68 лесорубов, из них еще шестеро также обморозились, но их не отпускают в лазарет и заставляют работать под угрозой побоев. Из всех теплых вещей имеются только валенки и рукавицы, которые быстро намокают. Просушить одежду негде, так как в казармах холодно. Мороз же стоит до 30 градусов¹. Начальник гарнизона просит городского голову провести расследование, при этом не афишируя факты, дабы не волновать пленных и мирное население.

Специального расследования не потребовалось. Положение на лесных дачах настолько осложнилось, что пленные решились на забастовку (исключительный случай) – все сто человек 28 декабря 1915 года отказались работать и заявили, что больны и требуют медицинской помощи. Никакие уговоры или даже угрозы надсмотрщиков не могли заставить их приступить к рубке леса. Поэтому городской глава Иваново-Вознесенска прямо затребовал у Шуйского уездного воинского начальника выслать врачебную комиссию для прояснения ситуации². Данные о работе комиссии в январе 1916 дошли до нас только в форме косвенных приписок в различной служебной документации – в целом можно сделать вывод, что слухи о зверствах конвоя оказались правдивыми, что и доложили городскому голове в частном порядке врачи комиссии.

Необходимо сделать важное примечание о составе охраны пленных. В городских условиях для охраны пленных на территории губернии использовались как военнослужащие, так и полицейские чины. Последние привлекались к охранению при работе в городе. Если свободных полицейских не хватало, то городским властям разрешалось привлекать и добровольных помощников, которые работали вместе с полицейскими и даже получали револьверы от полиции на время дежурства. Подобный порядок благополучно функционировал на территории губернии и был официально одобрен по ведомству министерства внутренних дел губернии. Добровольные помощники не были столь эффективны как полицейские, пленные их не уважали и не слушались.

Связано это скорее всего с низкой квалификацией и уровнем развития этих добровольцев. Как следует из расчетных листов охранников, практически все они набирались из безработных крестьян или горожан. Что интересно, все 5-7 охранников в лесных дачах были добровольцами из города Шуя. Мало того, большая часть городских помощников по охране также состояла не из ивановцев, а из шуян. Что привлекало людей в такой работе – понятно: несложные обязанности, табельное оружие, никакой ответственности перед надзираемыми и возможность лично здесь и сейчас, не опасаясь мести отомстить ненавистному врагу.

Наконец, 4 февраля 1916 года приходят официально подтвержденные данные от Шуйского уездного пристава о состоянии здоровья лесных «забастовщиков». Из 77 человек, оставшихся на лесных дачах, 20 действительно очень тяжело больны (воспаление легких, отморожения, тиф, холера, грипп и прочее) и не могут отпускаться на работы, а пятеро требуют немедленной эвакуации в городские больницы и даже операции. Относительно здоровыми и годными к работам признаны только 12 человек. У многих обнаружены следы избиений, но сами пленные не жалуются на охрану³. За день до получения сведений от пристава пришло конфиденциальное сообщение от врачебной комиссии, которая сообщает, что тяжело больны все 28 человек, и все они требуют помещения в больницу. Чтобы хоть как-то оправдать свои действия, лица, ответственные за здоровье военнопленных обычно ссылались на циркуляр штаба московского военного округа за апрель 1915, предписывающий строго наказывать пленных, отказывающихся от работ по причине отсутствия кожаной обуви (замененной лаптями) или отсутствия в рационе мяса. Однако, кроме указанных требований в документе нет ничего, что позволяло воспринимать его как руководство к издевательствам над пленными⁴. Добровольные охранники были заменены более сознательными гражданами из бывших солдат, которые четко понимали разницу между врагом и пленным, а пленные отправлены на лечение в Иваново-Вознесенск.

Если «простодушные» шуяне предпочитали немцев морозить или бить по поводу и без повода, то ивановцы выбирали более тонкое обращение с ценными пленными. И если в отапливаемых казармах немцы согревались за счет города, то и отдельные горожане стремились нагреть ... руки на пленных немцах. Автором самой масштабной аферы был также прапорщик пункта военнопленных Иваново-Вознесенка.

В Иваново-Вознесенске оплата пленным за уборку улиц составляла 15 копеек в день, а за пилку дров – до 50 копеек. Деньги эти не выдавались на руки работникам, а перечислялись от наемщика пленных непосредственно на адрес войсковой части, при которой состоял пункт военнопленных. Но и после на руки выдавалась не вся сумма. Из нее вычитались 50%, которые шли «на покрытие издержек», причем непокрытое в пределах 10 рублей в месяц на человека возмещается военно-окружным советом. Подобный порядок был прописан в статье 7 правил о содержании военнопленных, подписанных 28

февраля 1915. Под «покрытием издержек» подразумевалась в основном оплата затрат земств и городов (основных потребителей труда военнопленных) на их содержание. Таким образом, городская управа, к примеру, если военнопленные работали на уборке улиц, покрывала свои убытки на их содержание (хотя бы питание в течение рабочего дня) за счет статьи расходов на оплату труда. Заведующий пунктом военнопленных в Иваново-Вознесенске, прапорщик Рябцов затребовал 29 августа 1916 года с городской управы Иваново-Вознесенска 5590 рублей, так как с 15 мая 1915 года по 30 августа 1916 года 5590 человек отлучались на поденные работы в город. Расходы он оценил в 1 рубль в день, которые и должна была оплатить городская управа, так как она выплачивала до 50 копеек в день военнопленному. Заведующий посчитал, что зарплата военнопленных составляет 50% от расходов и что не городская управа, в которой работали военнопленные, компенсирует свои расходы, а пункт военнопленных. Прапорщик довольно стойко отстаивал свою позицию, так что только вмешательство Шуйского уездного воинского исправника спасло городскую управу от уплаты значительной суммы, которая неизвестно в чей карман бы отправилась⁵. Невинны были «шалости» членов городской управы Иваново-Вознесенска, которым удавалось незаметно перепродавать выданных на очистку улиц пленных подрядчикам-извозчикам, так что некоторые ивановцы с удивлением встречали на козлах «немых» или плохо говорящих возниц, каковые сведения и просочились к заведующему пункту военнопленных, который возмущенно затребовал обратно всех работников⁶. Среди других проектов городских экономистов стоит отметить попытку переделать городскую пожарную дружину «на немецкий лад» – так и кандидатов в пожарные искать не нужно, и пожарники всегда под рукой, то есть под замком, и платить можно мало. Учитывая то, что 50 военнопленных проживало непосредственно на территории пожарной части, можно было вообще не работать над этим вопросом. А одним из аргументов было то, что тушить пожары новая дружина будет с немецкой тщательностью и быстротой. Проект был признан незаконным и хода не получил.

Зима 1916-1917 была уже не такой суровой для невольных гостей Иваново-Вознесенска и Шуи. Обыватели быстро поняли все возможности использования труда немцев и уже их не обижали, а наоборот поручали ответственные и сложные работы. Военное начальство местного уровня закрывала глаза на вызванные такими работами частые отлучки подопечных. Что касается начальства далекого, московского, то оно характеризовало ситуацию следующим образом. Поражает открытое разгуливание в городах и селах одиночных военнопленных, командированных в распоряжение земских управ и розданных этими последними по обывателям. Военнопленные состоят в городах и селах приказчиками в магазинах, ямщиками на земской почте, имеют в своем распоряжении лошадей, исполняют обязанности поваров, готовят пищу для наших раненых нижних чинов, работают в качестве садовников у частных лиц⁷.

¹ Государственный архив Ивановской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 71. Л. 171а.

² Там же. Л. 190.

³ Там же. Л. 245.

⁴ Там же. Л. 299.

⁵ Там же. Л. 397.

⁶ Там же. Л. 347.

⁷ Там же. Л. 426.

И. В. СЕМЕНОВ

(г. Шуя)

ШУЯ В ПЕРИОД НЭПа

До революционных событий Шуя была одним из фабричных центров, в котором текстильная промышленность возникла очень давно. В нем сложился особый уклад, свойственный промысловым сёлам и появлявшимся на их базе городам, жители которых занимались торговлей, отличались высоким уровнем зажиточности и грамотности. Это был один из самых развитых уездных городов Владимирской губернии, в котором до революции было 9 церквей, театр, гимназии, мужское духовное училище. Шуя соединяла в себе черты города с развитой текстильной промышленностью, боевым революционным прошлым, и одновременно с прочными православными традициями, являясь центром паломничества. Гражданская война и её последствия не смогли уничтожить тот капитал и потенциал, который был накоплен в предыдущие столетия, и введение НЭПа на этом фоне должно было облегчить и снять социальную напряжённость у обескровленного и уставшего населения. Однако, события показали обратное, в первый же год НЭПа Шуйская земля окропилась кровью верующих.

23 февраля 1922 года выходит декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей, приуроченный к голоду, охватившему Россию в 1921 г.

3 марта 1922 г. постановлением Шуйского Уисполкома была создана уездная комиссия по изъятию церковных ценностей. Изъятие предполагалось начать с пролетарских районов, где находились менее богатые церкви. В богатых же храмах планировалось сначала проверить описи церковного имущества. Председатель Губотдела ГПУ Д. И. Шорохов оптимистично прогнозировал: «...через осведомление выяснено, что при проведении декрета изъятия ценностей особых волнений среди верующих не произойдет»¹. Прогноз оказался ошибочным, и позднее вся губерния превратилась в военный лагерь.

15 марта 1922 года у Воскресенского Собора должно было произойти масштабное изъятие ценностей, дата была известна заранее. Набат, продолжавшийся полтора часа, собрал значительную массу народа. После этого было выслано два грузовика с пулеметами, из которых сначала была обстреляна колокольня, а затем был открыт огонь поверх толпы. Противостояние дошло до критической точки, когда при появлении автомобилей отчаявшиеся люди ринулись на них. Последовали выстрелы. Расстреливались безоружные люди.

К вечеру порядок был восстановлен и начались аресты. В тот же вечер представители верующих сдали в Уисполком 3,5 пуда серебра из Собора².

Проведенное вскоре следствие выявило довольно широкий социальный состав участников. Много сил было потрачено на выяснение классового происхождения обвиняемых, среди которых оказалось много бывших членов РКП(б). В материалах следствия имеется указание только на одного черносотенца, попавшего в черную сотню случайно³. Участие рабочих в шуйских событиях властями скрывалось. Сведения секретаря Губкома И. И. Короткова в Политбюро ЦК РКП(б) об остановке работ на двух фабриках служат доказательством обратного. Подтверждает это и прошедшая вскоре после событий профсоюзная конференция, которая приняла резолюцию, осуждающую присоединившихся к толпе рабочих⁴.

События в Шуе выявили одно очень важное обстоятельство, на которое следует обратить особое внимание. Выступление бывших членов РКП(б) против агрессивной политики советской власти свидетельствовало о противоречиях в самой РКП(б), обострившихся в связи с проведением различных кампаний.

Постоянные поборы угнетали народ, бороться посредством открытого выступления, как показала практика, стало опасно для жизни. Следующий этап сопротивления в условиях НЭПа выявил тенденцию: самой оптимальной защитой оказалось занятие руководящих постов в советской системе представительной власти. Зажиточное и трудоспособное население, стремясь закрепиться в Советах, заранее готовились к выборам: намечали кандидатуры, использовали подставных лиц из числа бедняков и середняков, спаивали нужных избирателей, запугивали экономически зависящих от них крестьян.

Особенно это стало заметно в 1926 году, когда наметился новый поворот в аграрной политике. Вместо ориентации на середняка был провозглашен курс «опоры на бедняцко-батрацкий кадр деревни», а нажим на зажиточных возрос. Появившаяся статистика способствовала выявлению некоторых кулацких махинаций. Так, 15 августа 1927 в Палеховской волости Шуйского уезда после того, как налоговой комиссией были составлены сводки учета неземледельческих доходов, оказалось, что по сравнению с прошлым годом получился недоучет на 23%. Недоучет вызван тем, что некоторые сельские учётные комиссии из-за боязни не обложили доходы зажиточных и кулаков, а также тем, что в некоторые учётные комиссии прошли зажиточные крестьяне, умышленно не обложившие свои неземледельческие доходы. Исправление допущенных ошибок путём повышения сумм обложения зажиточных в отдельных случаях встречало с их стороны организованный протест. Так, в селе Малые Дорки после того, как стало известно, что увеличены учетные ставки по хозяйствам зажиточных кустарей, организовалась группировка в составе председателя церковного совета, члена церковного совета и зажиточного кустика, поставившая целью воспрепятствовать проведению в жизнь этого постановления. Им удалось объединить вокруг себя часть середняков и бедня-

ков. Имея поддержку части крестьян, группировка решила открыто выступить против решения налоговой комиссии, используя для этой цели пленум сельсовета. На пленуме выступивший председатель церковного совета говорил: «Я заявляю, чтобы предсельсовета постарался понизить налог с мужиков – трудовиков, вот это нам только и нужно, а больше ничего». Его выступление было поддержано присутствовавшими, которые, подняв шум, кричали: «Власть не наша, а ваша, что хотите вы, то и делаете... Мы налог платить не будем, совласть обирает крестьян»⁵.

В Сакулинской волости Шуйского уезда председатель Соймицкого райсовета на созванном заседании сельской учётной комиссии настоял на отказе от переучёта доходов кустарей, предложенного волостной налоговой комиссией, и было вынесено постановление: «По принципам выжимания, как это было во время военного коммунизма, мы не хотим брать с мужиков налога. Работу мы признаем правильной, а если еще что нужно ВИКу, то пусть сам и делает».

В Платинском районе Шуйского уезда уполномоченные села Иваново-Ильино и Пахотино категорически отказались подписать вновь составленные волостной налоговой комиссией поселенные списки, указывая, что сумма дохода кустарей преувеличена. В этой же волости председатель Харитоновского райсовета и уполномоченные от селений точно так же отказались подписывать поселенные списки, заявляя: «Если ранее учтённые суммы заработков кустарей будут увеличены, мы с совещания уйдем домой»⁶.

Материалы избирательных кампаний рассматриваемого периода подтверждают высокую политическую активность зажиточной части деревни. В связи с этим большими темпами пополняются списки «лишенцев».

Лишали права голоса по смешным, казалось бы, поводам, например, в Кочневском районе Шуйского уезда был лишен права голоса комсомолец за то, что его отец имел кустарно-кожевенное производство и продавал свои изделия⁷.

О желании пожертвовать в фонд обороны в деревне Залесье Шуйского уезда на собрании, посвященном «Неделе обороны», вынесена резолюция: «Воевать не хотим, поэтому от всяких пожертвований отказываемся»⁸.

В заключении резюмируем: введение НЭПа – это не взмах волшебной палочки, который избавит от всех проблем в мгновение ока. Из вышесказанного видно, что жесткая репрессивная практика вызывала недовольство не только у простого населения, а даже у представителей советской власти. Оскорбленное чувство верующего человека приводило в движение его социальные и политические убеждения. К верующим присоединялись недовольные существующей властью оппозиционные силы.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 69.

² Известия ЦК КПСС. 1990. №4. С. 193.

³ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Л. 76 об.

⁴ Баделин В. И. Золото церкви. М., 1993. С. 158.

⁵ Советская деревня глазами ОГПУ. М., 2002. Т. 2. С. 577.

⁶ Там же. С. 578.

⁷ Там же. С. 521.

⁸ Там же. С. 579.

В. А. ГЛАДКОВА
(г. Шуя)

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БИБЛИОТЕКАРЯ Е. С. ГУСЕВОЙ)

К 1920-му году в Шué и Шуйском районе наряду с центральной публичной библиотекой были открыты библиотеки при клубах: Рабочем, Пролетарском и «Красная Звезда», библиотеки при фабриках (3), при тюрьме (1). При всех библиотеках были читальни. В уезде насчитывалось 85 народных библиотек. Пущены в движение 16 передвижных библиотек, планировалось доведение числа изб-читален до 60. При библиотеках организованы кружки совместного чтения и самообразования¹. Тяга к знаниям, к книге в то трудное время была просто поразительная².

В архиве Литературно-краеведческого музея Константина Бальмонта хранится небольшая ученическая тетрадь в линейку, исписанная мелким уборым почерком. В ней содержится уникальная информация по истории формирования фабричных библиотек в Шué. Записи в тетради принадлежат Е. С. Гусевой, сотруднице одной из таких библиотек. Публикуемые ниже фрагменты записей наиболее полно раскрывают роль фабричных библиотек в просвещении рабочего класса³.

«В июне 1917 года на одном из заседаний фабкома при фабриках «Т-ва Шуйской мануфактуры», было решено создать библиотеку. Фабком находился на Журовском дворе в бывшей школе Павлова. Книги в библиотеку приобретались у частных лиц, а член культкомиссии Григорьев И. А. ездил за книгами в Москву. Книги были научные и разные брошюры, но вскоре большинство пришлось изъять, так как Григорьев был эсер и он покупал то, что было в его интересах, преобладали брошюры под лозунгом «В борьбе обретаешь ты право свое» (партии земля и воля). На начало года числилось около 200 экземпляров книг, 30 человек читателей. Весной 1918 года библиотеку дополнили книги из домашней библиотеки фабриканта Павлова. Павловские книги были самые разнообразные, в них много всякого хлама, что потом больше половины выбросили. Были тут и жития святых, Читы-минеи и вроде них. Было много периодических журналов разных названий и разного формата, одной только «Русской старины» было за 28 лет, был «Русский вестник», «Русское богатство», «Вестник Европы» и так далее. Художественная литература тоже была самая разнообразная, была даже порнографическая, которую тут же пришлось сжечь. Книгами из библиотеки пользовались рабочие фабрик. Читали больше художественную литературу и иллюстрированные журналы «Будильник», «Артист», «Вокруг света»,

«Всемирная иллюстрация», «Нива», «Огонек», «Осколки» из библиотеки Павлова.

Весной 1919 года все фабричные библиотеки, а они были на каждой фабрике, были переданы в ведение отдела образования. По распоряжению отдела образования были оставлены только 2 фабричные библиотеки, нашу и библиотеку фабрики бывшего Терентьева на Нагорной улице, которая называлась им. Луначарского.

В нашу библиотеку внесли книги библиотек бывшей фабрики Рубачева 399 книг и бывшей фабрики Пасылина 440 книг. С этого времени библиотека стала называться 2-я советская районная библиотека, книгами стали пользоваться все жители заречной части города.

Массовая работа библиотеки в 20-е годы была направлена на информационное осязание и знакомство посетителей с книжными поступлениями. Библиотека участвовала во всех клубных вечерах и лекциях, делались плакаты, выставки книг, рекомендательные списки. Участвовали в клубной стенгазете, где продвигали ту или иную книгу, давали на неё полную рецензию. На новые книги делали плакаты с карманчиками, в которые вставляли обложки книг, или карточки с рецептами. Отмечали все проводимые компании, революционные даты, а также и юбилеи писателей Н. А. Островского, А. С. Серафимовича, Л. Н. Толстого, М. Горького.

Книги по производствам продвигали по средствам «кругов чтения» например по ткачеству или по прядению, по ситцепечати и т.д. Для этого организовывались книжные выставки и создавались тематические плакаты. Из подписных газет делались вырезки для альбомов, особо важные статьи и записки подчеркивались красным карандашом, чтоб читатели увидели и прочли. Делались настенные тематические каталоги и рекомендательные списки.

Раз в неделю выходили с книгами в рабочие общежитие. Мужское общежитие на бывшем монастырском дворе, а женское общежитие в доме Анагорского. Передвижниками, членами кружка «друзей биб-ки» состоящих из студентов педагогического техникума (тогда института еще не было) в этих общежитиях проводились громкие читки. По желанию жительниц (в женском общежитии) проводились занятия по русскому языку и по математике. Члены кружка помогали и писать всевозможные плакаты. Часто проводились «вечера книги».

Во время пожара случившегося 10-го октября 1926 года пропало много книг, пропала часть каталога, читательские формуляры, несколько художественных альбомов, например альбом о жизни и деятельности Л. Н. Толстого. В 1927 году к Октябрьскому празднику были пущены среди читателей анкеты «Что дало вам чтение книг?», библиотеки получили от читателей ряд положительных ответов на это.

Устраивались библиотечные базары, особенно на вечерах молодежи, в виде викторины. Проводились вечера самообразования, для чего был устроен

уголок «самообразование», где указывались литература, плакат, как читать, как изучать книгу, как делать посредством вышитых в книгу маленьких тетрадей с рядом вопросов, в эти тетради читатели писали свои отзывы о книгах.

В 1926 году для детей у нас уже был выделен отдельный день суббота, по которым и обменивали книги ребятам. В зимнее время с детьми проводились громкие читки. Эти читки дети посещали очень охотно, далее завязывалась беседа о прочитанном.

Велась у нас и справочная работа через «книгу вопросов и ответов», которая находилась в читальном зале, так же висели ящики куда опускались вопросы. Вел работу с малограмотными, посредством громких читок, а потом их закрепляли за библиотекой.

В трудные 1990-е годы библиотеки при фабриках перестали существовать. Книжный фонд библиотек был расформирован и большей частью утрачен.

¹ Иваново-Вознесенский губернский ежегодник. Календарь справочник на 1920 г. Иваново-Вознесенск, 1920. С. 216.

² Назаров В. В., Назаров О. В. Театр и вся жизнь Екатерины Мазуровой. Шуя, 2008. С. 69.

³ Печатается без купюр и в орфографическом подлиннике.

Д. Ю. ЛИСТОПАДОВ

(г. Шуя)

ИЗ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ШУИ И ШУЙСКОГО УЕЗДА в 20-е годы XX века

Шуя, будучи сравнительно зажиточным городом с развитой инфраструктурой, в начале 1920-х годов стала своеобразным центром по приему детей и подростков в детские дома. Присылали и беспризорников и беженцев из голодающих губерний. А. Отводный¹ пишет о восемнадцати детских домах «в 1920-1921 году по Шуе». О том, какого рода «социальное воспитание» получали в детских домах в то время, мы узнаем далее: «Бедно было вначале с бельём и оборудованием. Дети спали на полу – на тюфяках, обедали в 3-4 смены из-за отсутствия посуды, одевали мальчиков в женское белье, случайно поступавшее в детдом. ...Ребята ходили «промышлять» на базар, соседние дома, огороды. Процветала иногда картежная игра: проигрывали ворованное. Проигрывали обеды, ужины»².

Число детдомов и количество воспитанников постепенно сокращалось, так, согласно докладу на пленуме шуйского укома РКСМ «О работе комсомола в детских домах»³ в Шуе в 1922 г. работало 15 детских домов с количеством детей 750 человек. В Отчете горсовета⁴ на 1-е октября 1924 года детдомов указывается 7, в которых числится 500 учащихся. В 1930 году детдомов в Шуе было уже всего два с числом воспитанников 133⁵. Однако некоторое улучшение материального положения не намного повлияло на качество вос-

питательного процесса, по крайней мере еще в 1927 году в газете «Серп и Молот» № 2 от 05.01.27 была помещена заметка про один из детских домов под названием «Цветы жизни», в которой фиксировалось: «Низко проделанную в окне форточку воспитанники обращают в писсуар... не менее 50% страдают половыми извращениями... Одна воспитательница с гордостью говорит о своих «достижениях»: “меня еще ни разу не колотили...”».

Впрочем, не только воспитанники колотили воспитателей. В заметке «Уоно замалчивает непорядки»⁶ рассказывается о визите независимой женской комиссии в детдом №2. Вот конспективно их впечатления: 40 детей от 10 до 17 лет ничему не учатся, вместо шарфов носят на шее полотенца, наволочки не стираны 6 месяцев, работники детдома воспитанников «угощают пинками».

Впрочем, тяжелая жизнь была не только у детдомовцев. В том же 1927 году специальная комиссия провела обследование бытовых условий школьников в 4-х школах Пестяковской волости (обследованы 202 ученика). Вот, например, в каких условиях сельские дети в то время спали дома: 156 спят на полу, 3 на полотах, 5 на печи, 38 на кроватях. Постельное белье есть у 19, причем меняется у пяти⁷.

Совершенно очевидно, что такие условия не могли не породить резкую криминализацию в детско-молодежной среде, о чем также много и часто пишет и городская газета и другие источники. Об уровне проблемы говорит, например, тот факт, что в 1921 году в отчете в Совет Труда и Оборона (!)⁸ есть особый абзац: «Для борьбы с детской преступностью имеется штат сестер по борьбе с детской преступностью и Комиссия о несовершеннолетних и дефективных детях, которая в зависимости от степени преступления отдает несовершеннолетнего под надзор его родителей, или под наблюдение обследователей - воспитателей, или в один из детских домов, или в детскую исправительную колонию или передает в Народный суд».

Впрочем, помогает это мало, и ни Комиссия, ни милиция, ни тюрьма малолетних преступников не пугают⁹. Впрочем, голодных разутых-раздетых детей можно понять. Что уж говорить о детдомовцах, если, как пишет «Серп и Молот», квартплата у обычной семьи составляет около 30 рублей¹⁰ при условии, что зарплата слесаря или токаря по тарифу – от 1 рубля 47 копеек до 1 рубля 93 копеек в день¹¹.

Школьные подколлективы не могут противостоять уличному хаосу даже в зданиях школ. Вот выписка из Протокола №1 заседания Школьного Совета Шуйской школы 2-й ступени: «В виду того, что устройство спектаклей и концертов, заканчивающихся танцами, проходит обыкновенно при большом скоплении посторонней публики и влечет за собой порчу внутреннего помещения школы и школьной мебели – никаких вечеров, заканчивающихся танцами, в здании школы не разрешать...»¹².

Довольно часто в газетных хрониках того времени фигурирует Южа – и очень часто именно с точки зрения роста хулиганства и других негативных

проявлений. Так, в заметках о южских рабочих казармах пишут о том, что «9-10 летние мальчуганы играют в карты всю ночь напролет»¹³, что «можно встретить 6-летнего малыша, который, как большой, рассказывает по коридору с папиросой в зубах»¹⁴.

А что же делает в то время пионерская организация? В общественном сознании (во многом с подачи художественной литературы и кинофильмов) утвердился стереотип, что в 20-е годы пионерская организация в СССР переживали небывалый подъем, была крайне активной в борьбе с негативными проявлениями, перевоспитывала хулиганов. Анализ публикаций в прессе того времени ставит (по крайней мере по отношению к Шуге и Шуйскому уезду) этот стереотип под сомнение.

19 мая 1927 года «Серп и Молот» пишет, что прошло уже четыре года, как «в детдоме среди хулиганов» был создан первый в Шуге пионерский отряд. Памятуя о нравах в детдомах того времени, мы, не оспаривая эту информацию (создать пионеротряд по команде сверху – дело не хитрое), весьма сомневаемся в успешной деятельности данного пионерского отряда. В качестве оснований для своих сомнений приведем выборку материалов о пионерах даже не из детдомовцев, а из «нормальных семей» в городской газете «Серп и молот» за два года – за 1924-й – первый год реальной работы пионерской организации в Шуге и за 1927-й, когда оргпериод должен бы уже закончиться.

Вот что писали в «Серпе и Молоте» в 1924 году (приводим краткое содержание заметок с нашими комментариями в сносках):

- от 23.05. Открыт отряд пионеров, «принято 100 человек исключительно детей рабочих», «родители пионеров поняли, что отдали своих детей туда, куда следует»¹⁵.
- от 03.06. Проводили Октябрины новорожденного (вместо крещения) и сразу записали младенца в пионеры¹⁶.
- от 04.07. На выделенные деньги сшили для пионерского отряда такие костюмы, что «вместо пионерских костюмов получились костюмы клоунов»¹⁷.
- от 09.09. Передали 50 чел из пионеров в комсомольцы, 100 человек приняли в пионеры.
- от 14.10. пионеры бегут из отряда с мотивировкой: «потому что у нас в отряде не ведется никакой работы».

А вот что мы читаем о шуйских пионерах в 1927 году:

- от 13.01. В Ключковской школе был организован отряд юных пионеров. Записалось 25 человек. Через неделю пионеры спросили вожатого: почему у нас не ведутся занятия? Вожатый (учительница) ответила, что не знает, кто у них вожатый, теперь многие пионеры стали выписываться¹⁸.
- в этом же номере: В 5-м отряде при школе 2-степени провели пионерский суд и исключили из пионеров хулигана, от которого никому нет житья – «подняли дисциплину»¹⁹.

- от 16.02. 15-я конференция Шуйской организации ВЛКСМ констатирует: «пионерорганизация у нас сейчас переживает трудный период ...налицо не рост, а утечка... Вожатые курят, плюют, нарушают свои законы... Убыль, развал отрядов вызывает у актива серьезные опасения... Пионеры у нас предоставлены сами себе...».
- от 18.03. «Пионерия должна расти. Попыткам искусственно сдержать рост ячеек должны дать дружный отпор».
- от 24.03. «Отряды хоть и работают, но так их в деревнях и незаметно. В отрядах нет звеньев, никакой инициативы в работе сами дети не проявляют».
- от 24.06. Поставлен вопрос о проведении курсов по подготовке вожатых отрядов Юных пионеров²⁰.
- от 21.08. В Борковском монастыре близ Холуя в пионерском лагере «160 ребятшек из пыльной Шуи».
- от 04.08. «Сегодня в пионерлагерь под Холуем уезжает вторая партия».
- от 20.08. «В лагере пионеров замеченные ранее недостатки изживаются быстро. В лагере организованы стрелковый и рыболовный кружки. Уком предоставил учебную винтовку и тысячу малокалиберных патронов. В рыболовном кружке большое участие принимают девушки, просиживая на берегу реки....от утра до обеда»²¹.
- от 22.09. «Скучна была до сих пор работа нашей пионерорганизации... значительно больше уходило, чем вступало вновь...» «В укоммоле 20.09 открылся кабинет по вопросам пионерской работы»²².

Объективности ради отметим, что «положительные моменты» газета тоже скрупулезно отмечает: пионеры Сехского отряда посыпали улицу песком, пионеры провели спектакль и на вырученные деньги купили облигации займа, пионеры ходят в кружки ...Однако таких публикаций намного меньше.

¹Отводный А. «В кузнице нового человека». Опыт работы шуйского детдома №2. Москва - Иваново-Вознесенск. Партиздат, 1933. С. 5.

²Там же. С. 5.

³ Государственный архив Ивановской области. Ф. 288. Оп. 1. Д. 105(27). Л. 95. Протокол от 07.09.1922.

⁴Отчет Шуйского городского совета и уездного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за время с декабря 1923 по 1-е октября 1924 года. Типография К-го Т-ва «Основа». С. 43.

⁵Рыжов В. Город Шуя и Шуйский округ. Шуйская типография. 1930. С. 303.

⁶«Серп и Молот», №56 от 06.03.1928.

⁷«Серп и Молот» № 6 от 11.01.1927.

⁸Отчет Шуйского Уездного Экономического Совещания Ив.-Вознесенской губернии Совету Труда и Оборона с 1-го января по 1-е октября 1921 года. Государственное издательство. 1921. С. 56.

⁹См., например, заметку «Вожди малолетней гольтыбы», «Серп и Молот», №93 от 24.04.1928.

¹⁰«Серп и Молот», №43 от 19.02.1928.

¹¹«Серп и Молот», №39 от 15.02.1928.

¹²Шуйский городской архив. Ф. 126. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

¹³«Серп и Молот», №37 от 12.02.1928.

¹⁴ «Серп и Молот», №58 от 08.03.1928.

¹⁵ Любый педагог скажет, что если собрать 100 детей разом при условии отсутствия обученных вожатых, нескольких комнат для работы, материальной базы – добра не получится. Это мы и видим из дальнейших заметок.

¹⁶ Рассказы об Октябринах есть еще в номерах от 19.08 и от 13.12, разница в том, что одному младенцу подарили пионерский костюм, а другому – «10 аршин на пионерский костюм». То есть мы вообще наблюдаем вопиющее непонимание сути пионерской организации – новорожденных принимают в пионеры!

¹⁷ Опять же – любой педагог, занимающийся с детским коллективом, если ему выделяют деньги на форму – не допустит, чтобы пошили «костюмы клоунов». Вполне очевидно, что с детьми, в общем, никто не занимается.

¹⁸ Этот сюжет повторяется постоянно, например, в номерах

- от 28.04. «Вожатый Новогоркинского отряда ЮП Мокин И.К., во время занятий постоянно поет хулиганские прибаутки, ничуть не стесняясь присутствия мальчиков и девочек. Бывает, что в отряд приходит навеселе. Занятия нередко срываются».
- от 03.06. «В Пустоши отряд пионеров, который существует с 1925 года, но работы в нем до сих пор никакой нет»... «отряд развален».
- от 23.06. «В Новогоркинском отряде никакой работы не видно. Вожатая (девушка 16 лет) увлекается ребятами, активно участвует в танцах».
- от 08.09. «По Новогоркинской волости насчитывалось 5 пионеротрядов. В числе их был один производственный. Было до 300 пионеров. Теперь... деревенских отрядов нет ни одного. В производственном отряде ...работа замерла.. Вожатый отряда Малышев А. с пионерработой не знаком. В течение нескольких недель ни разу не собрал пионеров».
- от 13.10. при Князьковской ячейке весной с.г. организовался отряд юных пионеров, но «уехал вожатый – дело развалилось», «в 2-х Васильевских отрядах ...было 2 вожатых, а работы никакой».

¹⁹ Тема пионеров-хулиганов постоянно освещается в газете, например, в 1927 году в номерах:

- от 01.04. пишут о пионеротряде в школе-семилетке: «Не смена готовится, а хулиганье».
- от 02.12. статья «Хулиганский отряд» о том, как проводят время дети в 14-м пионеротряде при фабрике № 1 «матюкаются на чем свет стоит, не стесняясь никого, не говоря уж о курении».

²⁰ Только поставлен вопрос. Когда же будут сами курсы? До сих пор вожатых, очевидно, никто не учил.

²¹ Из этого делаем вывод, что в первой «партии» не было вообще никакой осмысленной воспитательной работы. Да и из этой заметки вполне понятно, что представляет из себя рыболовный кружок, да и стрелковый тоже – что такое одна винтовка и тысяча патронов на целый лагерь, в котором находится 160 детей.

²² То есть через несколько лет после того, как начали в массовом порядке создавать пионерскую организацию.

И. Н. МОТЫГИНА

(г. Шуя)

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ В ШУЕ в 20-30-е годы XX в.

В первые годы Советской власти по всей стране широко развернулось культурное строительство, борьба с неграмотностью, делались первые шаги по формированию рабоче-крестьянской интеллигенции. Особенно актуальными эти проблемы были для Иваново-Вознесенской губернии. Так, на совещании в губернском отделе народного образования в сентябре 1918 года подчеркивалось, что особенностью губернии в сфере идейной и культурно-просветительской работы является то, что «в губернии полностью отсутствуют культурные и идейные силы, близкие к рабочим и крестьянам, почти вся

интеллигенция стоит в стороне от идейного рабочего движения»¹. Это заставило власти начать работу по созданию сети рабоче-крестьянских курсов, народных университетов, курсов по переподготовке учительских кадров. В июле-августе 1919 года губернский отдел народного образования организовал краткосрочные месячные педагогические курсы для учителей школ I ступени, цель которых «всколыхнуть учительство», способствовать их общению, а также пополнению их методических наработок. Такие курсы были открыты для учителей Шуи, Кинешмы, Юрьевца, через них прошли около 600 человек. Для преподавания на них привлекались научные и педагогические силы Иваново-Вознесенска, преподаватели политехнического и педагогического институтов, приглашались лекторы из Москвы².

Подготовка новых учительских кадров развернулась в городе Шуе. В 1920 году в городе и уезде, который по территории был больше, чем Шуйский район сегодня, было 165 школ, в которых училось около 16 тысяч учащихся, 70 школ по ликвидации неграмотности³, потребность в учительских кадрах была очень велика. Поэтому по решению Шуйского уездного отдела народного образования в январе 1920 года были открыты педагогические курсы для подготовки учителей массовых начальных школ, которые стали своеобразной кузницей учительских кадров в городе. Через год, в 1921 году на базе этих курсов открылся Шуйский педагогический техникум, в 1939 году он преобразован в Шуйский учительский институт, с 1952 года ставший высшим учебным заведением по подготовке педагогических кадров.

В истории Шуйского педагогического техникума немало интересного и поучительного. Педтехникум располагался в здании бывшего Духовного училища, имел девять кабинетов, мастерские, ленинский уголок, комнату для завтрака. В начале в нем работали 18 преподавателей, 9 из них имели высшее образование, к преподаванию приглашались опытные учителя города в качестве совместителей, такие как Иорданский Н. А., Метельская М. Ф.⁴ Педагогический техникум имел опытно-практическую школу-семилетку, для проведения педпрактики за техникумом были закреплены 4 школы в Шуе и одна – в сельской местности. Среди преподаваемых дисциплин, кроме привычных сегодня дисциплин, были история классовой борьбы, педология, мироведение, для проведения уроков гигиены приглашались врачи. При техникуме работал Огородный Совет, занимающийся подсобным хозяйством, учащиеся разводили кроликов⁵. С начала своей деятельности техникум ориентировался на подготовку учителей для сельских школ, и уже в конце двадцатых годов президиум Шуйского городского Совета отметил, что такая ориентация была оправдана, техникум выполнил свою задачу, переключение приема на крестьян дало свои результаты: 89% выпускников техникума работали в деревенских школах⁶. Вся работа техникума четко планировалась. Например, каждое утро перед занятиями в общежитии начиналось с физической зарядки, а занятия в техникуме – с политлинейки. Особенно актуальной, кроме учебы, была проблема повышения культурного уровня учащихся. Был разработан

план борьбы за культуру студентов, составлен график проверок. Этот план включал задачи повышения общекультурного уровня, развития эстетического вкуса учащихся, а также художественное оформление кабинетов, стенгазет, уголка ударников учебы. В план включались мероприятия по украшению общежитий, борьба за чистоту помещений, а также ежедневная чистка зубов, физическая зарядка, вечерние прогулки, сдачи норм ГТО. На каждый месяц составлялся список художественной литературы для внеклассного чтения, каждому студенту рекомендовалось прочитать в месяц «не менее одного крупного художественного произведения»⁷. На совместных совещаниях студентов и преподавателей подводились итоги участия студентов в общественной работе. Детально подсчитывалось количество студентов, выполняющих общественную работу и тех, кто уклоняется от нее. Например, по данным 1934 года из 273 студентов техникума общественную работу выполняли 203 человека, не имели общественных поручений 64 человека, не выполняли их 6. Регулярными были проверки успеваемости, прогулов, были цифры о студентах, которые списывают на занятиях. Вот еще интересные цифры: по данным 1934 года художественную литературу читали 246 человек, не читали 27, газеты читали 201 человек, не читали – 72. Посещали театр один раз в месяц – 57 человек, не посещали совсем 148 человек. Подсчитывалось количество студентов, занимающихся художественной самодеятельностью, сдавших нормы ГТО и т.д. Для каждого студента, который по данным показателям отставал, разрабатывались специальные задания⁸.

Разнообразной и постоянной была работа техникума со школами. В техникуме было образовано специальное Бюро для связи с выпускниками, которые собирались для встреч со студентами, привлекались к вербовочной кампании. Преподаватели техникума разрабатывали для каждой школы свой план методической работы, он включал: посещение уроков школьных учителей с последующим их анализом, особенно это касалось уроков педмолодняка, так называли начинающих учителей; график консультаций, разработку методических пособий для школ, помощь в составлении планов уроков, организацию учительских методических конференций, организацию и проведение образцовых уроков, помощь в изготовлении наглядных пособий и т.д.⁹ Педтехникум помогал в организации обмена опытом между образцовыми школами и перенесении его на массовое учительство. Большую помощь техникуму оказывали власти города Шуи. Каждый год педтехникум обследовался губернской комиссией, неблагоприятных отзывов о работе учебного заведения не было.

¹ Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

² ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 187. ЛЛ. 30, 31.

³ Бугрова А. Этапы большого пути // «Знамя коммунизма». - 1971. -2 октября.

⁴ ГАИО. Ф. Р-2278. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

⁵ Там же. Д. 22. ЛЛ. 3-8, 52.

⁶ Там же. Д. 68. Л. 22.

⁷ Там же. Д. 25. Л. 76.

⁸ Там же. ЛЛ. 80-84.

⁹ Там же. Д. 90. ЛЛ. 26-29.

Е. Н. ШАШНЕВА

(г. Шуя)

К. Д. БАЛЬМОНТ И «КИКИМОРА»

Тема нечисти и прочей неведомой силы в русской литературе почти не тронута критиками и, кажется, не совсем прочувствована читателем. Многочисленные и удивительно разнообразные бесы, русалки, кикиморы, водяные, упыри, домовые, лешие, черти и прочая «нежить» давно и прочно поселились в поэтических строках, на страницах романов, повестей, рассказов и очерков – от М. В. Ломоносова до М. А. Булгакова. Русская литература затронула, однако, лишь самую малость чрезвычайно богатого пласта народной культуры – мира нечеловеческого, но очеловеченного, одновременно неведомого и знакомого, страшного и полезного, чужого и своего. И мы будем говорить об актуальной теме в русской литературе и славянской мифологии, находящихся в тесной взаимосвязи.

Первое знакомство с таинственным миром «нелюдей» у многих писателей состоялось в детстве. В русской семье (от бедной крестьянской до богатой купеческой и дворянской) няни, кормилицы – крепостные, родственницы или женщины пели колыбельные песни, говорили обережные приговоры с обращениями к малышу, чтобы успокоить, убаюкать его. Героями этого жанра были полуночники, криксы, плаксы, дрема, бабай, угомон, кикимора, запечальная Мара, которые крепко проникали в детское сознание. Тексты авторских колыбельных, наряду с ангелами, котиками, мышками, добрыми феями, любимыми детскими игрушками, включают и персонифицированные образы сна, близкие мифическим существам: «Старый Дрема старичок – Острый, серый колпачок», Сон-Дрема, «Тихий старый Угомон, Сон Дремович», «дочка сна, колдунья Дрема» и другие¹.

Едва ребенок «входил в разумок», няни рассказывали сказки и истории, в которых волшебное перемежалось с таинственным и герои сказок соседствовали с домовыми, лешими, овиинниками, кикиморами, злыднями и прочими персонажами быличек и верований.

Образы лубочной сказки, когда-то пленившие В. А. Жуковского, воскресли под пером зрелого поэта:

Не скачет витязь, а летит,
Громя Зилантов, и Полканов,
И ведьм, и чуд, и великанов;...
То тяжкий филина полет,
То вранов раздается рокот;
То слышится русалки хохот;
То вдруг из-за седого пня
Выходит леший козлоногий.

(«К Воейкову»)

Подобную ситуацию воспроизводит И. С. Тургенев в «Бежином луге». Приведем слова Н. С. Лескова: «Сверстниками моими были крестьянские дети, с которыми я жил и сживался душа в душу. Простонародный быт я знал до мельчайших подробностей». Старый мельник «имел довольно близкое отношение к водяному, который заведовал нашими прудами, – писал, вспоминая об этих годах, Лесков, – верхним и нижним, и двумя болотами».

Как сказка – мир.
Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне.

Русалочка в «Фейных сказках» К. Д. Бальмонта – совсем не страшная, детски непосредственная... Русалка в «Будем как Солнце» – это образ стихии воды. Образ кикиморы является нам в стихотворении «Забавы шишиморы». Это стихотворение было отправлено Бальмонтом в «Сегодня» 12 октября 1933 г., однако напечатано не было. Обиженный тем, что редакция не опубликовала, кроме того, написанное им стихотворное «Приветствие Шмелеву» (к 60-летию писателя), Бальмонт в письме от 9 ноября 1933 г. просил редакцию газеты вернуть ему «осенний стих» «Забавы шишиморы». Повторно опубликовано стихотворение в книге «Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву»².

Приведем стихотворение Бальмонта полностью.

Забавы Шишиморы

Шишимора, кикимора,
Шатуший чуя срок,
Шушукается с лешими,
Со стаею сорок.
Калины наглотается,
Скрипит седым груздем,
Сухим листом швыряется
Во весь кругообъем.
Лохмотья облак склизкие
Шишимору ярят,
А мухоморы алые
Ей в щеки мечут яд.
Хоть малая, да шалая,
Умосводящий вид,
Ширяет по осиннику,
Кустами шелестит.
Низы кустов облезлые,

Все сарафаны летние —
Одно рунье во рву,
Их любо злой шишиморе
Распарывать по шву.
В болоте раздышавшемся
Осока та жива,
Резучая, шершавая,
Шуршит шатун-трава.
Нарвет ее шишимора,
Косматый скрутит жгут,
Пасутся в логе лошади,
Морока тут как тут.
Вдруг шпиганет их шильница,
И промелькнет, какмышь,
Стреноженные лошади —
Бежать, не убежишь.
Щекочет жгут и жалит он,
Как шершень, как слепень.

Там спят змея и уж,
Пожар прошел, пролом прошел
Сквозь всю лесную глушь.

Шатуший срок. Томящий час.
Белесоватый день.
(1933. 26 сентября)

В восточнославянской мифологии кикимора (шишимора) – это один из видов домового, злой дух в облике карлика или маленькой женщины, голова у которого с напёрсток и тело тонкое, как соломинка. Кикимора живёт в доме за печкой и занимается прядением и тканьем, а также проказит по ночам с веретеном и прялкою хозяев дома (например, рвёт пряжу). Кикимора может вредить домашним животным, в частности, курам, бросает и бьёт посуду, мешает спать, шумит по ночам. Избавиться от кикиморы чрезвычайно трудно. Оберегом от неё служил «куриный бог» – камень с естественным отверстием или горлышко разбитого кувшина с лоскутом кумача, которое вешали над насестом, чтобы кикимора не мучила кур, а также можжевельник, пояском из которого обвязывали солонки. Считалось, что кикиморами становятся младенцы, умершие некрещёнными. Также крестьяне верили, что кикимору могли «напустить» при строительстве дома плотники или печники, желающие по какой-либо причине навредить хозяевам. Для этого мастера делали из щепок и тряпок куклу (фигурку «кикиморы») и закладывали её под матицу (главную балку) или в переднем углу дома.

В славянской мифологии известны две кикиморы: Шишиги-Кикиморы домовые и Кикимора болотная – «жуткое создание, живущее в болотах и топях. Она принимает внешность старухи, закутавшейся в ряднину, сотканную из мха и водорослей. На болотах можно услышать вой кикиморы. Заблудившихся на болотах людей она криком зазывает на трясину, откуда нет возврата. Поверхность трясины, состоящая из спутавшихся мхов, неожиданно раскрывается... и появляется кикимора, чтобы любоваться жуткой агонией медленно погружающегося в топь несчастного»³.

В стихотворении «Забавы Шишиморы» Бальмонт описывает кикимору болотную и ее забавы. Бальмонт уже забавится с названием и со значением. Даже как Бальмонт насмешливо называет ее морока, при этом отлично разбираясь в славянской мифологии. Мара, маруха, мора, кикимора в славянской мифологии злой дух, первоначально, как и Марена, воплощение смерти.

Многие болезни приписываются кикиморе и разным демоническим существам. Такое происхождение приписывается и кликушеству, т.е. разновидностям падучей и истерики. Как известно, кликуши во время припадков называют по имени (выкликают) тех, кто напустил на них злого духа, их истязавшего. Появление кликуш в значительном числе и в настоящее время производит большое впечатление на народ, а в старину это являлось настоящим общественным бедствием, потому что их выкликивания принимались за «чистую монету» и сопровождались свирепым судебным преследованием тех, кого они обвиняли. Вследствие этого завелся обычай фальшивого кликушества, т.е. такого, при котором совершенно здоровая баба выкликала на кого-

нибудь из мести, зная, что этому человеку несдобровать, что его схватят, будут судить, подвергнут страшным истязаниям и даже казнят. Из кликушества извлекалась еще и другая выгода. Разные корыстолюбивые лица из тогдашней администрации, воеводы, дьяки и т.п., нарочно подучали разных баб притворяться порченными и при этом выкликать разных местных богатеев, которых можно было после того обобрать⁴.

В 1669 г. в г. Шуе разыгралось очень громкое дело в этом роде. Там объявился некто Григорий Трофимов, на которого поступили жалобы, что он портит людей и что его надо за это «в срубе сжечь». В ответ на запрос, присланный из Москвы, от шуян поступило подробное донесение о злодействах этого Трофимова и других лиц: «В прошлых и нынешних годах, – говорилось в этом челобитье, – приезжают в Шую к чудотворному образу Пресвятой Богородицы Смоленской со многих городов и уездов всяких чинов люди молиться – мужеский и женский пол и девич, а привозят с собою всяких чинов людей, различными скорбями одержимых и которые приезжие люди и шуян посадских людей жены и дети одержими от нечистых духов, страждущие, в божественную литургию мечтаются всякими различными кознодействы и кличут в порче своей стороны на уездных людей, что-де их портят тот и тот человек. И в прошлом году страдало от нечистого духа шуянина, посадского человека Ивашкова, жена Маурина, Иринка Федорова, а кликала в порче своей на Федьку Якимова, и по твоему, великого государя, указу, по тое Ивашкова жены выкликке, Федька Якимов взят в Суздаль и кончился злою смертью (т.е. был замучен пыткой), а ныне та Иринка и уездные люди, страждущие от нечистых духов, кличут в порчах на иных шуян – на Ивашку Телегина с товарищи». В заключение злополучные шуяне выражают в своей челобитной опасение, «чтобы нам всем шуянам, посадским людишкам, в том не погибнуть и в опале не быть, а кто тех страждущих, скорбных людей портит, про то мы не ведаем».

Вслед за тем из той же Шуи раздались другие жалобы, и так дело тянулось около 16 лет. Дело происходило при Петре Великом, которому, наконец, надоели эти жалобы и в 1715 году он велел хватать всех кликуш и производить следствие, выяснять, действительно ли они больны или нарочно напускают на себя порчу. В объяснение такого распоряжения в указе царя был приведен любопытный случай, бывший в Петербурге в 1714 г. Некая Варвара Логинова, жена плотника, начала выкликать, что ее испортили. Но когда ее схватили и подвергли допросу, то она сейчас же и призналась, что кричала нарочно. Была она где-то в гостях вместе со своим деверем. Публика, как водится, перепилась, поднялась ссора, и деверя жестоко избили. Варвара была добрая родственница, горячо приняла к сердцу обиду, нанесенную деверю, и решила отомстить за него. С этой целью она и начала выкликать на тех, кто его бил, обвиняя их в том, что они ее испортили.

Таких примеров можно привести множество. Провинциальный город богат сказами и былинами о нечисти домашней и лесной.

¹ Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. – М., Индрик, 2003. С. 622.

² Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926 – 1936 / Сост., вступ.ст., коммент. Л. М. Азадовского, Г. М. Бонгард-Левина; отд. ист-филол. наук РАН. – М.: Наука; Со-
брание, 2005. С. 162.

³ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

⁴ Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.

А. М. СЕМЕНЕНКО

(г. Иваново)

ШАНСОНЬЕ РОДОМ ИЗ ШУИ: О ПРЕДКАХ ДЖО ДАССЕНА

29 лет назад, 20 августа 1980 года, на одном из островов архипелага Таити за столиком ресторана «У Мишеля и Элиан» скончался популярный французский шансонье Джо Дассен.

К тому времени 80-й, олимпийский, год уже успел унести из жизни двух замечательных исполнителей. 12 апреля умер выдающийся русский блатной бард Аркаша Северный, он же Аркадий Дмитриевич Звездин, уроженец Иванова, его родители проживали в Шуе, но как выяснилось позже, появился он на свет 12 марта 1939 года в ивановском роддоме¹. А 25 июня в возрасте 42-х лет в разгар олимпийских ристалищ и московской жары ушёл из жизни Владимир Семёнович Высоцкий². Уход Аркаши Северного власти постарались оставить незамеченным, как, в общем, и к смерти Владимира Высоцкого они пытались не привлекать внимания. Но не смогли. Высоцкий в самом Иванове не был. Однако он вместе с популярным актёром Владимиром Ивашовым³ приезжал летом 1977 года на утиную охоту в районе деревни Гоголи, что в 25 километрах от старинного села Мыт Верхнеландеховского района Ивановской области. Кроме того, в нашем городе в те времена гремел легендарный театр-студия имени великого поэта, барда и актёра под руководством ныне покойной Регины Михайловны Гринберг, ушедшей в мир иной, как и ее кумир в жарком июле⁴. Так что, можно считать, хоть и с натяжкой Высоцкого почти нашим земляком.

А что же Джо Дассен? И к Иванову, и к России он имел отношение самое прямое. Его дед – одесский еврей⁵. А одна из прабабок по фамилии Бланк родилась в Шуе (в те времена уездный центр Владимирской губернии, куда и входил Иваново-Вознесенск; а ныне Шуя – райцентр Ивановской области). Затем она переехала в Кострому. Сведения о том, что предки Джо Дассена обретались до революции в наших краях обнаружил в Государственном архиве Костромской области А. А. Григоров⁶. А из Костромы, видимо, они уже отбыли в Одессу. По крайней мере, родители отца Джо Дассена – Жюля Дассена, в своё время известного кинорежиссера, родом из Одессы⁷. Сам Джо Дассен вначале учился на врача, но далее пошёл по пути изучения гуманитарных дисциплин (лингвистика и этнология), выучил несколько языков, включая русский, защитил диссертацию и попробовал себя в литературе. Но вскоре он оставил эти занятия. Популярность ему принесла французская пес-

ня, точнее шансон⁸. Его учителем стал гениальный французский шансонье Жорж Брассенс⁹. Тут нельзя не сказать, что Джо Дассен снялся и в нескольких кинолентах, но они особой славы ему не принесли¹⁰.

Песни Джо Дассена стали особенно популярными и любимыми в СССР. Они до сих пор звучат на многих радиостанциях – «A toi», «Salut», «Suffler sur la colline», «L'ete indien», «L'Ameriique»... И, конечно, одна из самых лиричных его песен «Et si tu n'existais pas». Их даже некоторые российские исполнители перепевают, например, под очередной Новый год в «Старых песнях о главном» шлягер «Et si tu n'existais pas» как раз «перепел» некий Алексей Кортнев.

Судьба Джо Дассена трагична и типична для поп-идола тех лет – алкоголь, марихуана, инфаркты, и, как следствие, ранняя смерть, а родился он только в 1938 году. Так что и Северный, Высоцкий, и Дассен ушли из жизни в 42, так же как Гоголь, Мусоргский, Хармс, Пресли, Юрий Богатырев, Евгений Мартынов, Аполлон Григорьев, Ван Дейк, Эндре Ади...

В 1979 году Дассен выступал и в Москве в гостинице «Космос», ее, кстати, строили французы. Без его песен не обходились «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», появлявшиеся на голубом экране после новогоднего огонька на исходе новогодней ночи.

Мотив песни «Salut» звучал в фильме Сергея Соловьева «Асса». А популярные «Поющие гитары» спели с русским текстом песенку «Suffler sur la colline» («Насвистывая на холме»)...

Так в чем же обаяние творчества Джо Дассена? Гением он не был, пел не на английском языке, сильным голосом не обладал... Дело, видимо, в особой искренности и душевности, в неповторимом обаянии его голоса и тембра, идущих от классики французского шансона. Ему удалось передать щемящую грусть любви, приостановленное увядание и тепло бабьего лета... Мелодии лучших его песен по-особому грустны... А потому не забываемы. Помните:

... Et si tu n'existais pas
Dis-moi pourquoi j'existerais?
Pour trainer dans un monde sans toi
Sans espoir et sans regret
Et si tu n'existais pas
J'essayerais d'inventer l'amour
Comme un peintre qui voit sous ses
Doigts
Naitre les couleurs du jour
Et qui n'en revient pas...

⁸ Аркадий Северный (Аркадий Дмитриевич Звездин; 12.03.1939, Иваново – 12.04.1980, Ленинград) – исполнитель песен городского фольклора, авторских неподцензурных песен, романсов и стилизаций. Обладал очень оригинальным тембром голоса и экспрессивной артистической подачей песни. В 1956 г. окончил среднюю школу № 25 города Иваново, а в 1965 г. – Лесотехниче-

скую академию имени С. М. Кирова. В 1968-1969 гг. служил в Советской Армии (лейтенант ВВС СССР).

²Высоцкий Владимир Семёнович (25.01.1938, Москва – 25.07.1980, Москва), русский советский поэт, певец и актёр, автор нескольких прозаических произведений, заслуженный артист РСФСР (1986, посмертно) и лауреат Государственной премии СССР (1987, посмертно), автор стихотворных сборников «Нерв» (вышел в 1981 г.) и «Я, конечно, вернусь...» (вышел в 1988 г.). Сыграл около тридцати ролей в фильмах (в том числе, «Место встречи изменить нельзя», «Вертикаль», «Служили два товарища», «Хозяин тайги», «Опасные гастроли», «Маленькие трагедии», «Короткие встречи»). Актёр Московского театра Драмы и комедии на Таганке с 1964 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

³Ивашов Владимир Сергеевич (28.08.1939, Москва – 23.03.1995, Москва), народный артист РСФСР (1980), кавалер Серебряных медалей им. А. П. Довженко (1975, за участие в фильме «Пламя», 1982 – за участие в фильме «Право на выстрел»), лауреат Государственной премии Монгольской народной республики (1982, за участие в фильме «Через Гоби и Хинган»), лауреат Приза «За воплощение на экране образа защитника Отечества» (за роль в фильме «Баллада о солдате») - Международный актерский фестиваль «Созвездие-99» (Тверь), лауреат премия «Ника» в номинации «Честь и достоинство» 1993 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

⁴Гринберг Регина Михайловна (01.03.1927, Киев – 11.07.2005, Иваново), основатель и главный режиссёр Ивановского молодежного музыкально-поэтического театра-клуба имени Владимира Высоцкого (создан 2 марта 1957 г.), заслуженный работник культуры России, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат театральной премии «Белая ворона» 2003 г. В Иваново с 1949 г. Окончила экономический факультет МГУ. Театр посещали многие выдающиеся деятели отечественной культуры, например, Олег Ефремов, Галина Волчек, Булат Окуджава, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский. В 1985 году театр поставил спектакль «Мы вращаем Землю» по стихам В. С. Высоцкого. 14 февраля 1996 г. в здании клуба фабрики имени С. И. Балашова, где долгие годы работал театр, произошёл пожар. Театр лишился всего оборудования, музыкальных инструментов, музея, фонотеки, костюмов, декораций, архивных материалов и двух сцен.

⁵Джо Дассен (фр. Joe Dassin; полное имя Джозеф Айра Дассен, англ. Joseph Ira Dassin; 05.11.1938 – 20.08.1980), тогда ещё Дассин, родился в Нью-Йорке. Его отец тогда был актёром еврейского театра, а его матерью являлась венгерская скрипачка Беатрис Лонер (Béatrice Launer; родилась 18 июня 1915 г., работала с испанским композитором и виолончелистом Пабло Казальсом). Его дедушка по имени Шмил (Сэмюэл), еврей, во главе многодетного семейства (всего 8 детей) эмигрировал из Одессы потому что, как он говорил, в Америке стоит только наклониться, чтобы золото черпать руками. На корабле, прибывшем в Америку, проводилась регистрация эмигрантов. Когда плохо знавшего английский деда Дассена спросили о его фамилии, он не понял вопроса и ответил, что родом из Одессы. Так появилась фамилия «Дассин». Во время маккартистской «охоты на ведьм» семья переехала из США в Европу. Джо Дассен учился в колледже Ле-Розей в Швейцарии, затем вернулся в США, где окончил университет в Анн-Арборе (штат Мичиган).

⁶Александр Александрович Григоров (19(06).03. 1904- 08.10. 1989), известный историк и генеалог, почётный гражданин города Костромы (май 1989 г.). Детские годы прошли в усадьбе Александровское-Пеньки близ села Спас-Заборье Кинешемского уезда Костромской губернии. Получив домашнее образование, он был принят в Московский кадетский корпус в 1916 г., окончить который не пришлось. В 1918-1922 гг. семья Григоровых находилась на Украине, проживая у родственников. С 1922 г. – А. А. Григоров в селе Спас-Заборье работает на химзаводе «Шугаиха» рабочим, агентом по переписи «объектов сельхозобложения», бухгалтером на бумажной фабрике. В 1924 г. А. А. Григоров женился и переехал в Кострому. В 1927-1930 гг. он, окончив лесной техникум Наркомата земледелия, работал в посёлке Липовка Потрусовского лесничества в Кологривском районе. В 1930 г. был арестован по обвинению в причастности к Промпартии, но через полгода освобождён за недоказуемостью обвинения. В 1930-1940 гг. работал в леспромхозах Костромской, Вологодской, Рязанской областей и Мордовии. В 1940 г. арестован в городе Кадам Рязанской области и приговорён к 10 годам заключения. Отбывал срок в лагерях на строительстве второй очереди Беломорканала в Карелии, железной дороги Котлас-Воркута, БАМа на участке от станции Пивань на Амуре до порта Ванино, Комсомольска-на-Амуре. В 1951-1956 гг. вместе с женой Марией Григорьевной был в ссылке в Казахстане. В 1956 г. реабилитирован.

Григоровы возвратились в Кострому в 1959 г. А. А. Григоров работал бухгалтером на Костромском хлебокомбинате до 1964 г. Выйдя на пенсию, он начал заниматься историей и генеалогией и более 20 лет работал с архивными документами, исследуя историю российских дворянских родов, костромских усадеб, русского военно-морского флота. Им опубликовано множество статей в газетах области и в сборниках, вышли книги (в соавторстве): «Вокруг Щелыкова» (1972 г.), «Костромичи на Амуре» (1979 г.) и посмертно — его книга «Из истории костромского дворянства» (1993 г.). С 1990 года в день смерти А. А. Григорова ежегодно проводятся Григоровские краеведческие чтения.

⁷ Жюль Дассен (18.12. 1911, Миддлтаун, округ Миддлсекс штата Коннектикут (США) – 31.03. 2008, Афины (Греция)), режиссёр театра и кино, лауреат премии Каннского кинофестиваля за лучшую режиссуру (1955 г.) – фильм «Рифифи». Жюль Дассен родился под именем Джулиус (Джулз) Дассин (уменьшительно Джулии). После кратковременного обучения в Европе он начал свою профессиональную артистическую карьеру в 1934 году в составе нью-йоркской еврейской пролетарской труппы ARYEF (или «АРТЕФ» (идиш: Арбэтэр Театэр Фарбанд – рабочее театральное объединение), показывавшей спектакли на идиш в Нью-Йорке. Его отец Шмил (Сэмюэл) Дассин был парикмахером, мать Берта Фогель – домохозяйкой. В конце 1930-х гг. Жюль Дассен начал сниматься в кино. Работал ассистентом режиссера Альфреда Хичкока. В 1940-е гг. снял фильмы «Brute Force», «The Naked City and Thieves' Highway» (всего поставил 26 кинофильмов). В 1947 г. Ж. Дассен вернулся из Голливуда в Нью-Йорк, работал на Бродвее. В 1959 г. Ж. Дассен перебрался в Грецию, женившись вторым браком на известной греческой актрисе Мелине Меркури (1920-1994), депутате греческого парламента, министре культуры Греции (1981-1989, 1993-1994), авторе книги «Я родилась гречанкой» (1971). У Ж. Дассена, кроме известного сына-шансонье, были и другие дети - Ришел (Рики) Дассен (Richelle, или Ricky, Dassin, род. в 1940 г.), автор слов к песням Вангелиса (альбом «Earth», 1973), Демиса Руссоса и своего брата Джо; Джули Дассен (Julie Dassin, род. в 1945 г.), снялась в ролях второго плана в лентах своего отца, Питера Устинова и некоторых других режиссёров.

⁸ Шансон (франц. chanson – «песня») – вокально-музыкальный жанр; в узком смысле – французские эстрадные песни конца XIX–XX вв., исполненные в стилистике кабаре. Шансоном также называются французские полифонические песни XV–XVI вв. В самой Франции этот термин в данных значениях не употребляется.

⁹ Жорж Брассенс (фр. Georges Brassens, 1921–1981) – французский поэт, композитор, автор и исполнитель песен.

¹⁰ Фильмография Джо Дассена:

1957 – Тот, кто должен умереть \He Who Must Die (исполнил роль Беноса)

1958 – Закон \Where the hot wind blows (исполнил роль Нико)

1964 – Топкапи \Topkapi (исполнил роль Джозефа)

1965 – Леди Л. \Lady L.

1965 – Красный клевер (исполнил роль Яноша)

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

А. Ю. КАБАНОВ

(г. Иваново)

ПОЛУДЕРЖАВНЫЙ ВЛАСТЕЛИН ИЗ ЛУХА

Наш край тесно связан со многими известными фигурами «Смутного времени». Достаточно вспомнить царя Василия Шуйского, князя Д. М. Пожарского, членов «семибоярщины» князя Б. М. Лыкова и боярина Ф. И. Шереметева, кровавого польского авантюриста А. Лисовского и одного из лидеров Первого ополчения А. З. Просовецкого. На этом фоне практически забыта оказалась фигура Никанора Михайловича Шульгина, на протяжении трех лет бывшего одним из самых влиятельных людей в России и единолично управлявшего территорией бывшего Казанского ханства.

Н. Шульгин происходил из «детей боярских» Луховского уезда. Его отец владел там крупным поместьем. Валашский господарь Богдан Александрович, лишенный турками престола и получивший во владение бывшее Луховское удельное княжество передал часть поместий Михаила Шульгина Луховской Тихоновой пустыни. Среди них было большое село Сокольское, существующее и поныне¹.

Тем не менее, Шульгины оставались помещиками Луховского уезда и далее. Родной брат Михаила Шульгина Федор владел, например, окрестностями современной деревни Слободки. Там и сейчас находится деревня Шульгино².

Старший сын Михаила Шульгина – Никанор избрал чиновничью стезю. В 1606 году только что вступивший на престол царь Василий Шуйский назначил его дьяком Казанского царства. Это было весьма высокое назначение для простого «сына боярского». Ему предстояло не только управлять казенными делами на всей территории Среднего Поволжья, но и присматривать за поведением наместника и воеводы Б. Я. Бельского, для которого воеводство в Казани было своего рода ссылкой.

Богдан Яковлевич Бельский, родной племянник знаменитого опричника Малюты Скуратова, был любимцем и одним из самых доверенных лиц царя Ивана Грозного. После смерти последнего из царей Рюриковичей – Федора Ивановича, он выступал одним из претендентов на царский престол. Будучи окольничим и воеводой города Царево-Борисова, фактически не признавал нового царя Бориса Годунова, за что был подвергнут опале, ссылке, даже телесному наказанию.

В 1605 году он активно поддержал восстание против Годунова и получил от Лжедмитрия I боярский чин. После свержения самозванца Василий Шуйский сослал Б. Бельского воеводой в Казань, помощником его был, как сказано выше, назначен Никанор Шульгин³.

Казанское царство находилось в стороне от главных событий Смутного времени. Оно избежало разорения, которому подверглись центральные, южные и северо-западные районы страны. Вплоть до отречения Василия Шуй-

ского, казанцы твердо держали его сторону. Летом 1610 года Василий Шуйский был насильно пострижен в монахи и вывезен в Польшу. Временное московское правительство-«семибоярщина» передало русский престол польскому королевичу Владиславу. В Москву вступил польский гарнизон. Б. Я. Бельский принес присягу новому самодержцу и призвал казанцев последовать за ним. Однако последние восстали под руководством Н. Шульгина.

7 марта 1611 года разъяренная толпа казанцев ворвалась в Кремль. Воевода был сброшен «с роскату» и погиб. Казанцы были приведены к присяге другому претенденту на трон – самозванцу Лжедмитрию II. Им не было известно, что еще в декабре 1610 года Лжедмитрий II был предательски убит в Калуге своим телохранителем князем Петром Урусовым⁴.

Никанор Шульгин в одночасье превратился в одного из самых могущественных людей на Руси. Он полновластно распоряжался на территории бывшего Казанского ханства, вмешивался в дела других городов, казнил своих противников, жаловал сторонников и вел себя все более независимо по отношению к противоборствующим силам в Центральной России. В его распоряжении находились крупные отряды казанских дворян, стрельцов, многочисленные служилые татары и черемисы, превышавшие по численности Первое и Второе ополчения вместе взятые⁵.

Власти поляков он не признал и стал одним из главных организаторов и вдохновителей Первого ополчения. Он сыграл выдающуюся роль в присоединении к антипольскому движению Свияжска, Арзамаса, Чебоксар, Перми, Вятки и других городов восточной окраины государства⁶. Поздней весной 1611 года собранные в Казани значительные силы под командованием второго казанского воеводы окольничего В. П. Морозова были двинуты к Москве. В это время у стен города уже собрались дворянские отряды из Рязани, Ярославля, Калуги, остатки сторонников Лжедмитрия II, многочисленные казачьи отряды. В июле к ним присоединились казанцы. С их помощью ополченцам удалось занять Новодевичий монастырь. Готовился последний штурм города. Однако 22 июля в результате спровоцированного поляками заговора погиб главный руководитель восставших Прокопий Ляпунов. С его смертью Первое ополчение начало терять инициативу и распадаться.

Тогда нижегородцы во главе с Козьмой Мининым и казанцы во главе с Н. Шульгиным выступили с почином организации нового ополчения. Шульгин к тому времени знал о смерти Лжедмитрия II и вместе с нижегородцами поддерживал идею свержения власти поляков и выборов нового царя Земским Собором. Этому во многом способствовало письмо архимандрита Троице-Сергиевой Лавры святого Дионисия к свату Шульгина строителю Амфилохию Рыбушкину с призывом о помощи против поляков⁷.

В это время остатки Первого ополчения во главе с казачьими атаманами И. Заруцким и А. Просовецким (кстати, бывшем воеводой г. Луха) присягнули на верность очередному самозванцу, Лжедмитрию III, фигурировавшему в историографии под прозвищем «Псковский вор». Благодаря энергии и авторитету Шульгина город Курмыш, присягнувший было Лжедмитрию III,

не только отошел от него, но и вперед казанцев направил большой военный отряд в Нижний Новгород на помощь К. Минину и Д. Пожарскому. Однако сам Никанор Михайлович медлил с отправкой ратных людей, ссылаясь на отсутствие денежных средств⁸.

Нижегородцы отправили к Шульгину посольство во главе с протопопом Саввой и одним из ближайших сподвижников Д. М. Пожарского стряпчим Иваном Петровичем Биркиным, а сами начали движение к Ярославлю. И. Биркин, прибыв в Казань, попал под влияние Шульгина. Тот в свою очередь был недоволен тем, что не царственная Казань, главный город Поволжья, а второстепенный Нижний со своим земским старостой стал во главе восстания. Вместе с Биркиным они считали, что успех ополчения сомнителен и Московскому государству суждено разложиться. А поэтому есть возможность утвердить свою власть в отдаленной Казани.

И все же отложиться от ополчения тогда Шульгин не рискнул. На помощь восставшим была направлена большая казанская рать во главе с И. Биркиным и головой татарских стрельцов Лукьяном Мясного, которая присоединилась к ним в Ярославле. Иван Биркин по своим военным заслугам претендовал на вхождение в сформированное в Ярославле правительство. Однако никто кроме казанцев да смолян его не поддержал. Дело чуть не дошло до вооруженного столкновения. Получив от Биркина сообщение о событиях в Ярославле, Н. М. Шульгин увидел в этом вызов всем «худородным» людям, выдвинувшимся в период Смуты, поэтому немедленно отозвал казанцев обратно⁹. Лишь головы Л. Мясной и Посник Неелов, двадцать татарских князей и мурз, тридцать дворян и сто казанских стрельцов остались с ополченцами и решились послушаться могущественного временщика. Они участвовали в освобождении Москвы от поляков и были награждены за свои ратные подвиги. Любопытно, что среди них был и родной племянник Шульгина Федор, удостоенный за участие во Втором ополчении деньгами¹⁰.

А Никанор Михайлович в это время завладел поместьем Нетесовых в Арзамасском уезде, казнив Семена Нетесова и «утаив вдову Семена и детей, будто поместье было за ним одним»¹¹.

В ноябре 1612 года он умудрился получить от Второго ополчения грамоту на это поместье. В то же время, когда руководители Второго ополчения обратились к Шульгину с просьбой оказать помощь деньгами и продовольствием разоренной Москве, то получили отказ. А казанцев, вернувшихся домой из-под Москвы, Шульгин заключил в тюрьму, где Л. Мясной и П. Неелов едва не погибли от голода¹².

Однако разрывать отношения с нарождавшейся центральной властью Шульгин не спешил. Когда в конце 1612 года один из лидеров Первого ополчения И. М. Заруцкий поднял мятеж в пользу сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек – Ивана и захватил ряд южнорусских городов, то казанские дьяки Н. Шульгин и С. Дичков сообщили в Алатырь, что Шульгин вскоре выступит во главе казанской рати на «земскую службу».

В декабре 1612 года войска Заруцкого осадили острог Серебряные Пруды под Рязанью. Шульгин двинул под Рязань отряд из 4600 свияжских татар во главе с головой И.Чуркиным и князем Аклымом Тугушевым, что резко изменило соотношение сил на юге России. Заруцкий был вынужден снять осаду с острога в Серебряных Прудах и отступить, но разбить его не удалось.

Вскоре после избрания на царство Михаила Федоровича Романова выяснилось, что надежды на казанскую рать не оправдались. Хотя по требованию земского правительства казанцы во главе с Никанором Шульгиным, которому было присвоено звание воеводы, и выступили против Заруцкого, сражаться с казаками они не спешили, несмотря на просьбу Земского Собора «идти на вора, на Ивашка Заруцкого, не мешкая, и над ним промыслиати». Дойдя до Арзамаса «добре мешкотно» многочисленное войско Шульгина остановилось там в полном бездействии¹³.

По словам Шульгина, 7 марта 1613 года по приговору «казанских всяких служилых людей» войско выступило обратно в Казань, так как взятые на три месяца «запасы» подошли к концу. Еще до этого, если верить Шульгину, он сам и русские служилые люди целовали крест новому царю, а нерусские воины были приведены к шерти¹⁴.

Правительство приняло объяснения Шульгина и даже обратилось к нему с новой просьбой отобрать 600 лучших ратников и послать их в Рязань против Заруцкого¹⁵. Одновременно Шульгин узнал, что в Казань и Свияжск направлены новые царские воеводы – князья Юрий Ушатый и Василий Щербатов. Шульгин, отправивший в Москву перед этим своего племянника Федора с заверениями о полной лояльности, был взбешен¹⁶. Он стал склонять арзамасцев к отказу от присяги царю Михаилу в связи с тем, что Казанское царство не участвовало в выборах. Его агитация успеха не имела. Тогда он направился в Казань с тем, чтобы поднять мятеж против московского правительства.

В столице понимали, к каким последствиям может привести появление Шульгина в Казани, поэтому по прибытии в Свияжск он был арестован и отправлен в Москву¹⁷.

В Москве Н. Шульгин находился до 8 августа 1618 года. Его поместье в Луховском уезде было конфисковано и пожаловано другому крупному деятелю Смуты, родственнику нового царя князю Б. М. Лыкову-Оболенскому. Самого же опального дьяка в момент подхода к столице польских войск, сослали в Тобольск. Бывший полудержавный господин вынужден был обходиться содержанием «по два алтына в день». В Сибири Шульгин и умер¹⁸.

¹ Илинский П. А. Луховская Тихонова пустынь Костромской губернии. Исторический очерк. Кострома, 1898. С. 133.

² Лукичев М. П. Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612-1613 гг. В кн: Лукичев М. П. Боярские книги XVII века. М., 2004. С. 199.

³ Скрынников Р. Г. Три Лжедмитрия М., 2004. С. 195.

⁴ Лукичев М. П. Указ. соч. С. 202.

⁵ Там же. С. 209.

⁶ Из собрания государственных Грамот и Договоров. Ч. II, М., 1819. С. 541-542.

⁷ Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611-1612 гг. Т. 9. С. 423.

⁸ Там же. С. 149-150.

⁹ Скрынников Р. Г. Смутное время. Крушение царства. М., 2007. С. 461-462.

¹⁰ Памятники истории нижегородского движения... Т. 9. С. 463.

¹¹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI-XVII вв. М., 1975. С. 585.

¹² Памятники истории нижегородского движения... Т. 9. С. 391-392.

¹³ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII века. М., 1990, с. 63

¹⁴ Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 163-164.

¹⁵ Отписка Земского Собора царю Михаилу Федоровичу о присяге ему ратных людей Никанора Шульгина. В кн: Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 341-342.

¹⁶ Дворцовые разряды. Т. I. Стб. 1117—1118.

¹⁷ Там же. Стб. 1121-1124.

¹⁸ Лукичев М. П. Указ. соч. С. 208-209, 224-225.

Л. Е. ТАКТАШОВА

(г. Владимир)

ИСТОРИЯ ОДНОГО «ПАШКВИЛЯ»

В 1764 году в городе Переславле-Залесском по жалобе помещицы Палицыной было начато расследование одного запутанного и пикантного дела. Прасковья Ивановна Палицына в жалобе своей доносила, что 5 декабря 1763 года к ней явился Авраамий Дрождин, подал ей запечатанное письмо и вышел. Письмо она распечатала, прочла — и нашла в нём «превеликий пашквиль к поношению её дворянской чести».

Письмо-«пашквиль» в XIX веке хранилось в архивных делах. Впервые его опубликовал владимирский краевед Н. В. Малицкий, оно заинтересовало его «как образчик литературных опытов ученика семинарии... в области чисто свободного творчества»¹. Письмо очень длинное, приведи мы его полностью, оно заняло бы не менее двух страниц. Написано письмо витиевато, вкрадчиво, туманно и путанно. Для лучшего понимания приводим текст в современной транскрипции и в сокращении, лишь самое главное.

«Высокопочтеннейшей и благороднейшей госпоже Прасковье Ивановне сердечно желаю многолетнего здоровья и всесчастливого пребывания, низайший отдаю поклон. Покорно прошу Вашего Благородия не воспринять сего за зло, что я отважился Вам самим сим посланным толь скудным и неучтивы письмецом поклон отдать... Покорно прошу меня не лишить своей милости и все мои в сем письмеце недостатки терпеливо снести, а меня в число своих рабов высокоприсяженно включить. Я же буду тщиться сию особливую приязнь с возможным показанием услуг заслужить; а ничего больше не ожидаю, кроме Вашего повеления, в котором бы я своё прилежание показать мог... А о имени своём упоминать ещё не смею...»².

Можно представить, с каким удивлением Прасковья Ивановна Палицына прочла любовное послание от неизвестного адресата, который уверял, что отвечает на её любовное письмо. Она немало оскорбилась, так как была

вдовой и любовных писем никому не писала. Особенно подозрительными, а потому оскорбительными показались приписанные в конце письма латинские слова, смысл которых остался для неё абсолютной тайной, (как и для нас, написали их, вероятно, для большей важности).

Началось расследование, точнее распутывание событий, больше похожих на анекдот, чем на преступление.

В ходе расследования, которое волокитили более года, выяснили, что всё началось с семинариста Максима Коноплёва, жившего неподалёку от помещицы. Именно он поручил мужикам, ехавшим в Переславль, во-первых, передать письмо; во-вторых, забрать сапоги в доме столяра, где жил раньше. Однако из-за квартирных долгов жена столяра отдать сапоги отказалась. Мужики вручили ей письмо, читать она не умела, воткнула письмо в стену между брёвнами деревянного дома.

Вскоре к жене столяра явился семинарист Игнатий Дрождин, он пришел за рубашкой, которую та стирала. Игнатий увидел письмо, прочитал и забрал; оно, очевидно, было адресовано ему. В послании некая особа женского рода анонимно признавалась ему в любви. На следствии выяснилось, что Игнатий похвалялся друзьям по семинарии: «Натко де, какие письма ко мне пишут».

При встрече И. Дрождин спросил друга, от кого письмо. Коноплёв загадочно намекнул на ту, что живёт рядом с ним, то есть на помещицу Палицину. Дрождин воспринял ответ серьезно, а поскольку помещица была молода и хороша собой, засел писать ответ; однако, как признался на допросе, успел написать не более десяти строк – заболел. Завершил любовное послание его товарищ Пётр Рязанцев, он же отдал его Араамии Дрождину для вручения адресату.

Итак, в ходе следствия стало ясно: письмо – розыгрыш друзьями-семинаристами девятнадцатилетнего ловеласа Игнатия Дрождина. Всех за «тайное сочинительство ругательных писем» публично по очереди выпороли розгами. Шутнику Коноплёву суд повелел просить у вдовы прощение.

Однако Палицына извинений не приняла, судом осталась не довольна. «Пашквиль» – любовное письмо, полное нежных чувств и туманных заверений в преданности, Прасковья Ивановна в консисторию не отдала. Во всяком случае, в консисторских делах об этом ничего не сказано. Впрочем, её можно понять...

История, конечно, курьёзная, но для историка искусства вполне серьёзная, так как все обвиняемые в «пашквиле» были не просто семинаристы, но ученики иконописного класса. Ярko, почти зримо она воссоздаёт провинциальные нравы и повседневную жизнь духовной семинарии, – ту среду, в которой формировалось провинциальное искусство XVIII столетия. В семинарию, как правило, шли дети священнослужителей; что касается иконописания, то им занимались из рода в род. Семинария была, пожалуй, единственным учебным заведением в провинции, которое давало широкое по тем временам гуманитарное и художественное образование.

В указанное время из среды иконописцев вышло немало светских художников, например, портретист Пётр Семёнович Дрождин (1745-1805), работы которого хранятся в Русском музее в Петербурге³. Возможно, он был родственником Авраамия и Игнатия Дрождиных. Во всяком случае известно, что первоначально П. С. Дрождин занимался в иконописной мастерской Троице-Сергиевой Лавры, т.е. в непосредственной близости от Переславля.

В XVIII веке не меньшим спросом, чем икона, у помещиков и мещан пользовался жанр портрета. Заказные портреты в провинции писали иконописцы. Именно они подготовили своим творчеством провинциальное общество к восприятию нового светского искусства.

Возможно, имена участников «пашквильного» дела: Максима Коноплёва, Авраамия и Игнатия Дрождиных, Петра Рязанца, Сергея Степанова подтолкнул историков искусства к поиску живописных работ указанных мастеров в запасниках музеев. И наконец, несомненно, что «пашквильное» дело в какой-то мере заполнит белую, но очень важную страницу истории русского искусства, рассказывающую о жизни художников русской провинции XVIII века.

¹ Малицкий Н. В. История Переславской Епархии. Вып. 2. Владимир, 1917. С. 121.

² Там же. С. 121-122.

³ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII – начало XX века. Каталог. Ленинград, «Аврора», «Искусство», 1980. С. 109.

М. В. РУКАВИШНИКОВА

(г. Шуя)

ДВОРЯНСКИЕ ГНЕЗДА В РОССИИ КАК ХРАНИТЕЛИ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ

Дворянская усадьба с момента своего зарождения насчитывает почти шесть столетий. Вотчины в XVI-XVII веках еще мало привлекали владельцев. Затем, в XVIII столетии они постепенно становятся постоянным местом жительства. А с «золотого века» дворянства усадьба приобретает свой законченный вид. Полностью же она формируется в первой четверти XIX века. И в таком своем сложившемся виде воспевается во многих литературных произведениях.

В журнале «Старые годы» отмечается, что «...при Екатерине II начинается строительство усадеб – резиденций, удаленных от центров»¹. До этого времени крупные землевладельцы предпочитали жизнь при дворе, в столице.

«О надежности бытия, о доброжелательно-уважительной атмосфере дворянской усадьбы повествуют почти все русские писатели-дворяне... Проходят десятилетия, а дух любви и порядка сохраняется в усадебных покоях»². И не богатые, широко известные Кусково, Абрамцево, Останкино, а усадьбы средней руки поддерживали культурный уровень. Туда приезжали известные поэты, художники, музыканты. «Это В. В. Тарновский, известный коллекционер казацко-украинской древности, обладатель прекрасной Качановки, Чер-

ниговской губернии, в которой бывали Гоголь, Шевченко, Костомаров, Глинки и сам Репин...»³.

Хранителями и творцами культуры на протяжении двух предыдущих столетий были, прежде всего, дворяне. «Обломовщина» вовсе не такое уж распространенное явление как может показаться. Когда нужно было, дворянские отпрыски, как Петруша Гринев или толстовский Андрей Болконский, шли на поле брани и вели там себя вполне достойно, как чеховский Песоцкий разводили изумительные по красоте и, одновременно, доходные сады («Черный монах»), содержали образцовые конные заводы, поставлявшие скакунов в Европу (А. И. Эртель «Гарденины»)»⁴.

Жизнь в усадьбе напрямую зависела от мужика. Отношения между ними и баринком складывались непросто. До реформы они были более жесткими. После 1861 года положение несколько меняется. Людей не продают, не проигрывают в карты, не дарят.

Возникала и тоска по прошедшему времени не только у барина, но и у мужика. Особенно это свойственно было старым слугам. «У барина, например, не одна тысяча душ, а во дворе каких-нибудь десять-пятнадцать человек – и дворней-то нельзя назвать... – до какой срамоты дошли, что и сказать нельзя: заложат куцу лошаденку в каку-то чухонску одноколку, сядет лакей с барином рядом – сам руки крестом, а барину вожжи в руки... – Вот до какого унижения дошли!...»⁵.

В новых условиях многие помещики стали служить в городе. Энгельгардт отмечает, что, не научившись вести хозяйство, они оказались не готовы к новым условиям. Постепенно, без хозяйского глаза, имения приходят в упадок. Старосты, зная некомпетентность господ в хозяйственных вопросах, бессовестно обманывают и барина и крестьянина.

Но нет правила без исключения. В имении Самариных Измалкове, расположенном в Звенигородском уезде московской губернии, реформы, проводимые по Уставной грамоте 1861 года, значительно улучшили положение крестьян: не только больше чем в половину увеличился земельный надел, но и крестьяне были избавлены от чересполосицы и получили возможность внести подати в два срока. Это сильно помогло крестьянам «поправиться». Сложившиеся в Измалкове отношения со временем принесли плоды: с января по октябрь 1905 года по стране набирает силу «движение протеста против существующего строя»⁶. Забастовки в городах, на селе жгут господские постройки, но в Измалкове крестьяне не бунтовали. Как отмечает в своих «Письмах...» Энгельгардт «... все зависело от духа, который сложился в доме»⁷. В тех местностях, где уровень жизни крестьян был достаточно высоким, эксцессов не было вообще, или они были крайне малочисленны. Поддерживать тот дух, о котором говорит Энгельгардт, так, как это делали Самарины, могли позволить себе далеко не все. Измалково не только не давало дохода, напротив, – помещики ежегодно вкладывали в свое поместье 5 - 9 тыс. руб.

«Участие», по выражению Ф. М. Самарина, в крестьянской свадьбе, помощь погорельцам, подготовка крестьянских детей к школе, содержание с

1872 года сельского начального училища, с 1880 года и библиотеки – вот далеко не полный перечень действий Самариных в деревне. В иные годы на благотворительные цели приходилось около шестой части всех расходов»⁸. Культурный, нравственный уровень Самариных не позволял видеть в мужике лишь «черную кость». Хозяева Измалкова воспринимали крестьян как равных по возможностям и предоставляли средства к их развитию.

Была библиотека и во Владимирской губернии. «Просвещенный наукою прихожанин, представлял себе прежнее состояние церкви и сравнивая его с теперешним, тем еще больше должен воодушевиться ко Творцу благодарностию, что в учрежденной при Зиминковской церкви библиотеки, видит живительную умственную силу, имеющую много способствовать во всеобщей образованности»⁹. Чихачев, написавший эти строки, интересовался многим. Андрей Иванович – самый заурядный, не блещущий ни особым умом, ни особым образованием человек, но – методичный, добросовестный, он горячо брался за любое дело, прикладывая максимум усилий для того, чтобы достигнуть оптимального результата. Его небольшое и малодоходное имение находилось в Дорожаевской местности Шуйского уезда Владимирской губернии. В Ивановском областном архиве сохранилось большое количество бумаг из личного архива А. И. Чихачева и его родных. Прежде всего при знакомстве с этими документами поражает их совершенная бесхитрость и простота, но они не потеряли своей прелести, из них можно почерпнуть много полезного и сейчас. Причем это были самые обыкновенные, среднестатистические помещики, которые составляли основную массу дворянства в провинции.

Необходимо отметить еще одну примечательную черту – глубокую религиозность всей семьи. Причем ею жили и дышали. Как мы не замечаем своего дыхания, т.к. оно часть нас самих и иначе мы просто умрем, так и Чихачевы не замечали своей религиозности. Она была их воздухом, их ежеминутной и ежесекундной жизнью. «Удивляют меня молодые люди. Никогда не молятся, ни утром, ни вечером, ни за столом. Могут ли к таковому иметь доверенность? Конечно, ханжить нехорошо. Но должное следует исполнять»¹⁰. Буквально во всех жизненных вопросах Чихачев, так же, как и его брат Чернавин, обращается к Божьей помощи и поддержке.

Андрей Иванович потерял ребенка, и, чтобы суметь справиться с этим горем, он уезжает в монастырь, где проводит почти шесть недель. Там он принимает предложение священника и становится ктиторм в Зименках. Церковь в селе была практически разрушена. Церковные старосты, прежде избираемые из крестьян, не могли что-либо для нее сделать. Чихачев горячо взялся за дело. Помимо хлопот о церкви, он еще заботился о восстановлении Боровской пустыни (в Вязниковском уезде). Андрей Иванович пишет письма почти всем губернским головам с просьбой о помощи в восстановлении пустыни и храма. Ответа же он ждал почти полгода и, увы, напрасно. Не откликнулся никто! Но он не сложил рук. С упованием на помощь Господа он совершает поездки в Москву, пишет письма на имя императрицы, листовки, рассылаемые вместо писем, со временем дали результат. Деньги шли отовсюду

ду. Один из фабрикантов, пожелав остаться неизвестным, прислал в общей сложности около трех тысяч рублей. Милостью императора «... событие неслыханное: Государь Император Всемиловитейше счастливит сельскую библиотеку и притом дважды своею монаршею милостью»¹¹. В рекордно короткие сроки восстанавливается и пустынь, со строгим уставом, и церковь (зимняя и летняя).

В Зименках строится и вторая церковь «Иконы «Споручица грешных». Поводом послужило следующее: жена Чихачева, находившаяся при смерти, отслужила молебен перед списком этой иконы, после чего наступило резкое улучшение с последующим выздоровлением. Два списка этой иконы (один лично Чихачеву, другой для храма) были присланы неизвестным жертвователем (фабрикантом, о котором говорилось выше). Принимая во внимание глубокую веру Чихачева, его религиозность, не переходящую в ханжество, совершенно естественно выглядят поступки и хлопоты Андрея Ивановича. Он пишет: «Прошу потомков моих беречь сию рукопись, может быть она со временем возбудит в коем-нибудь охоту к подражанию»¹².

Повседневные расходы были достаточно велики, даже в деревне. За свой счет помещики содержали и дворню, платя им при этом жалованье, причем часто делались подарки к праздникам или по случаю каких-либо событий. Дорого стоили похороны. Поминальные службы и обеды, различные жертвования по завещанию составляли достаточно крупную сумму. После смерти брата жены Я. И. Чернавина было определено: «В пособие майору Амосову 10 р. 50 к... за свечи и нищим 2 р. 10 к., в Золотниковскую пустынь 44 р., крестьянам покойного по его завещанию 125 р.»¹³. Как правило, помещики не забывали в своих духовных тех, кто служил им не за страх, а за совесть. Награждали деньгами, вещами, иногда давали вольную. Большие суммы шли на поминальные службы. «В Афанасово за сорокоуст 39 р...»¹⁴. Столько же еще в пять деревень, в пользу Березовской церкви 42 р. 62 к., читальщикам 30 р. Читали молитвы до и после похорон круглые сутки, попеременно отдыхая. Иногда это делали чернички, тогда стоимость была ниже. «...Черничек – так называли девушек..., оставшихся в безбрачии по обету родителей или своему собственному. О таком намерении полагалось завить смолоду, до двадцати лет, пока еще сватались женихи. В противном случае в глазах односельчан девушка была вековухой... Объявка намерения быть черничкой происходила в доме девушки, затем отец ее извещал об этом сход... Они отличались смирением, трудолюбием, славилась набожностью, соблюдали посты и усердно посещали церковь. Отмечается грамотность большей части черничек, чтение ими религиозных книг, знание службы православной церкви... Плата за одевание и обмывание покойника и чтение по нему Псалтыри обычно была основным источником существования черничек. Нередко ими совершался весь обряд похоронно-поминального цикла. Крестьяне охотно обращались к черничкам, т. к. за сорокоуст – сорокодневное чтение Псалтыри по умершему – принято было платить им меньше, чем священнику»¹⁵.

Неизвестно, какие книги были в Самаринской и Зименковской библиотеках, и кто их читал. Но М. М. Горомыко отмечает наличие «крестьянских библиотек из покупных книг, включающих беллетристику, нравственно-религиозные сочинения и справочные или научно-популярные издания»¹⁶.

События, связанные с восстанием в Польше, потрясли и огорчили семью Чихачевых. «7 февраля. Суббота. День ужасный, во всем превосходящий 19 января, чрез 19 дней времени ужасное повторение, доводящее меня до сумасшествия!!! День, который убил меня, который бы я желал истребить из моей памяти (сего числа приходило, кажется, первое сведение о возмущении поляков)...18 февраля... в "«Северной пчеле" манифест о войне с поляками»¹⁷. Первым сведением о восстании Чихачев не поверил вообще. А после того, как они стали поступать постоянно, его смятение только возросло. О польском вопросе были все разговоры в семейном кругу и в гостях. «26 января. Понедельник. До обеда разговор общий об поляках!»¹⁸.

В те дни, когда приходили сведения о волнениях, в дневнике, который вел Андрей Иванович, не было записей, кроме одной строки: «19 апреля. Волнения! 20 апреля. Сильное волнение! 21 апреля. Сильное волнение!.. 20 августа. Ужасные волнения!»¹⁹. «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный» приводил в ужас. Боялись в Дорожаеве не «красного петуха» или смерти, шок был вызван фактом покушения на Богом данную самодержавную власть. Из дневников Чихачева видно, насколько для дворян из провинции идея самодержавия была естественна и органична, другого вида правления они не признавали и не желали.

Польское восстание надолго осталось темой для разговоров, об этом спорили дома и в обществе. Удаленность от центра, жизнь в глухой провинции не отрывали дворян от общественно-политических вопросов. «25 января. Воскресенье... (в доме маленькое общество – автор). Мы, мужчины, рассуждали целый вечер об испорченности наших нравов и худом состоянии дворянских имуществ»²⁰.

Переживания по поводу падения нравов и дурного воспитания всерьез беспокоили Чихачевых. Уроки своему сыну он давал самостоятельно, причем сокрушался невозможностью сделать еще интенсивнее. Помимо многих обычных предметов дети Чихачева Алексей и Александра брали уроки музыки, Алексей продолжал заниматься скрипкой и после поступления на службу в городе Вильно.

Андрей Иванович в своих дневниках рассуждает о необходимости образования и, в первую очередь, образования души. «...Человек должен во время младости своей учиться и образовывать свою **душу** и сердце, чтобы, хотя маленькое поприще жизни своей совершить так, чтобы оставить хорошее о себе воспоминание. Молю Бога, да дарует мне Великую Свою Милость на таком основании воспитать моих детей твердыми в религии, преданными царю, любящими Отечество... – добродетельными и чувствительными, и сострадательными к ближнему»²¹.

- ¹ Бондаренко Е. Московские дворцы XVIII века // Старые годы 1912 март. – С. 3.
- ² Мещеряков В. П. Труды и дни минувших лет // Дворянское гнездо. Картины поместных нравов и быта в произведениях русских писателей XVIII – начала XX вв. – С. 9.
- ³ Мир русской усадьбы: очерки. – М., 1995. – С. 42.
- ⁴ Мещеряков В. П. Указ. соч. С. 10.
- ⁵ Мельников-Печерский П. И. Старые годы. – С. 19.
- ⁶ Верт Н. История советского государства 1900-1991. – М., 1992. – С. 33.
- ⁷ Энгельгардт А. И. Из деревни. 12 писем 1872-1887. – С. 152.
- ⁸ Мир русской усадьбы: очерки. – С. 23.
- ⁹ Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 100. Л. 4 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 98. Л. 30 об.
- ¹¹ Там же. Д. 100. Л. 4 об.
- ¹² Там же. Л. 1.
- ¹³ Там же. Д. 83. Л. 23 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 8.
- ¹⁵ Громыко М. М. Мир русской деревни. – М., 1991. – С. 120-121.
- ¹⁶ Там же. С. 294-295.
- ¹⁷ ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 54. Л. 19 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 83. Л. 154-195 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 54. Л. 14.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 8.

Е. Б. МАНЕРЦЕВА

(г. Иваново)

АВРИКУЛ, КАЛУФЕР И «НЕЗНАЙКИ» (О МАЛОИЗВЕСТНЫХ УВЛЕЧЕНИЯХ КОВРОВСКИХ ДВОРЯН)

«Весна в деревне для меня удовольствие неизъяснимое: и будь я распорядитель целых миллионов талеров, я бы на четвертой неделе поста, никак не позже, выезжал бы всегда из города, ибо какая превеличайшая разница смотреть на грязную мостовую, на забрызганные экипажи и цоколи домов, запачканные сапоги, калоши и концы платьев и ничего не видеть далее соседнего дома или любоваться открывающимися постепенно обширными полями, уничтожением необозримых масс снега, внимать мистическому шуму весенних вод, видеть большое их сегодня собрание и через ночь вступившую речку в свои берега. ...А первые развернувшиеся листья зелени? А первая трель соловья? Не в клетке, не в охотном ряду, нет, - там песня Его, песня узника, а здесь в кустах, в леску, в роще – это торжественнейшая ода всей Природе, самое великолепнейшее торжество Свободы. В городе величайший из богатей имеет под жилищем своим десятину, здесь мы, люди слишком средней руки, утомились до усталости, дойдя до границы своего владения. Одним словом, весну встречать непременно в деревне надобно».

А. И. Чихачев¹.

Интерес к истории нашей страны, к истории «малой Родины» в последнее время все увеличивается, открывая новые темы для исследований. Изменение менталитета россиян, возникший интерес к эстетическому, а не утилитарному восприятию природы, распространение знаний о ландшафтном ди-

зайне сделал востребованной тему истории развития садово-паркового искусства в России. Как отмечают исследователи, сад при русской усадьбе XV – XVI вв. был исключительно плодовым, даже в придворцовых садах и загородных царских и боярских усадьбах преследовались, в основном, практические цели. В XVII в. начинают возникать декоративные увеселительные «красные» сады. Примерами могут служить сады в Коломенском и Измайлове, к исходу XVII в. начинают появляться декоративные цветники. Господствовавший с начала XVII в. в европейском садово-парковом искусстве регулярный стиль (геометрическая планировка, использование приема стрижки растений для получения различных геометрических фигур и ландшафтных объектов и т.д.), к середине XVIII столетия начинает появляться и в русском паркостроении. Привлекшие внимание Петра I сады голландского барокко с обилием цветов и воды были также геометрическими, но не требовали огромных пространств. На рубеже XVIII – XIX вв. все большую популярность начинают приобретать сады пейзажного или «английского» стиля, что привело к коренному переустройству парков России. В этот период закладываются общие принципы планировки русских усадеб, сохранившиеся вплоть до начала XX в., в основе которых лежит соединение регулярного и пейзажного стилей, своеобразное совмещение в парковых объектах хозяйственных и эстетических функций. Так, например, красивый пруд служил еще и водоемом для разведения рыбы, уединенная романтическая беседка могла быть расположена над погребом. Русские усадьбы отличала большая свобода и естественность, чем английские пейзажные парки. Парк мог постепенно перейти в лес. Несомненно, большой интерес вызывают крупные усадьбы, связанные с именами царских особ, государственных деятелей, творческих личностей. Но, на наш взгляд, архивные находки, связанные с жизнью небогатых провинциальных помещиков, не менее увлекательны и важны.

Творческое взаимодействие двух помещиков Ковровского уезда Владимирской губернии Андрея Ивановича Чихачева и Якова Ивановича Чернавина в области садового дизайна и цветоводства открывают ту часть культурной среды провинциальной дореволюционной России, которая еще мало известна широкой публике. А. И. Чихачев, подпоручик Дворянского полка, в частности, известен тем, что, построил в с. Зименки Ковровского уезда Ильинскую церковь и основал в этом же селе первую во Владимирской губернии бесплатную общественную библиотеку. Проживал он с семьей в с. Дорожаево, что в 32 верстах² от уездного города (ныне Шуйский район Ивановской обл.), а Я. И. Чернавин, капитан-лейтенант флота, в 70 верстах от Коврова в с. Березовик (ныне Тейковский район Ивановской обл.), что не мешало им часто видаться. Активную переписку между собой помещики вели с помощью тетрадей «Почтовых сношений»³, которые передавали, в частности, с помощью Сашки Нетранки⁴, прозванного так за неправильное им произнесение слова «тетрадка». Об их тесных родственных взаимоотношениях (А. И. Чихачев был женат на родной сестре Я. И. Чернавина Наталье Ива-

новне) свидетельствуют многочисленные документы, сохранившиеся в государственном архиве Ивановской области.

В начале апреля 1835 г. у Якова Ивановича болели грудь и горло, и он чувствовал себя нездоровым. Но к началу работ по созданию нового цветника в палисаднике у дома по плану, придуманному братом (так звал Яков Иванович мужа своей сестры), поправился, правда, еще не окреп⁵. Творческие способности Андрея Ивановича ярко проявились в составлении различных планов, в том числе и ландшафтных. Но здесь мы остановимся только на одном – цветнике в палисаднике у дома Чернавина. Следует упомянуть, что творческие замыслы Чихачева подкреплялись работой его садовника, хотя и сам Андрей Иванович не чурался работы с землей и растениями.

«Мысль делать приращение собственное, не касаясь уничтожения старины родительской»⁶, была высказана Андреем Ивановичем в тетради «Почтовых сношений» и, по всей видимости, легла в основу плана. Речь шла о больших кустах «синели» (так часто называют венгерскую сирень, которая повсеместно растет и в нашем крае, цветет немного позднее сирени обыкновенной душистыми лиловыми цветами, собранными в кисти). Посажены они были еще отцом Якова Ивановича Иваном Яковлевичем Чернавиным. Рассматривалось два варианта планировки: во-первых, кусты выкопать, убрать лестницу и произвести перепланировку по своему вкусу (поддерживалась эта версия и садовником), во-вторых, произвести планировку цветника, «ничего не трогая».

Работы, судя по дневнику Якова Ивановича, начались 26 апреля⁷. «Приезжал брат с Алешей⁸, брат разбивал у меня в палисаднике цветник. Предположено вскопать землю уступами».

Попытаемся воспроизвести план цветника по словесным описаниям Чернавина и Чихачева. Цветник разбит на шесть рабатов, круг и отдельно выделены кусты «синели»⁹. Обрамлением рабатов служили пластины дерна, которые по мере отрастания травы стриглись. Дорожки были засыпаны песком. Андрей Иванович дает такое определение рабатов: рабатка есть всякая отдельная фигурка цветника: таковы суть треугольники, квадраты, круги, прямоугольники и тому подобные фигуры (даже неправильной формы)¹⁰. Современное определение рабатки более лаконичное: «рабатка – форма цветника, представляющая собой узкие полоски шириной от 50 см и произвольной длины. Обычно их располагают перед группами кустарников, вдоль дома и дорожек. Вдоль дома рабатку целесообразно создавать из продолжительно цветущих высокорослых и низких, ступенчато расположенных многолетников»¹¹.

У нас имеются указания расположения рабатов: первая – против погребов, вторая – между 1 и 3 рабатками, третья – у бильярдной, четвертая – у девичьей, пятая – между 2 и 3 кустами синели, шестая – к каменному флигелю¹². План дома в с. Березовик, составленный Я. И. Чернавиным в 1844 г.¹³, к сожалению, отражает только внутреннее устройство дома, но в своей записной книжке он упоминает, что цветник был разбит в 1835 г. перед окнами

кабинета, тогда же были поставлены в новом палисаднике новые лестницы¹⁴. Размеры работок нигде не обозначены, но, судя по количеству и ассортиментному перечню растений (37 наименований в количестве 100 штук) палисадник не был маленьким.

Самое увлекательное – это знакомство со списком, предполагавшихся к высадке растений. В перечне растений перечислены не только их наименования, но и отмечена их устойчивость к климатическим условиям: «зимующие, всегдашние или высаживаются»¹⁵.

Чем же любовались провинциальные дворяне, а заодно и их крепостные крестьяне 170 лет назад? Представьте себе, что в апреле – гордо заявляли о приходе весны крокусы, эстафету подхватывали «нарцисы» (нарциссы), тюльпаны и фиалки, бело-розовым ковром расстилались маргаритки, гордо смотрели на всех свысока касатики (ирисы). Нельзя с уверенностью сказать, что перечисление растений в рабатках соответствует посадочным схемам, но в центре и близко к центру каждой из работок фигурируют высокорослые растения, цветущие в разные летние месяцы, такие как «дельфины» [дельфиниумы], флоксы, мальвы. Из известных и в наше время растений в цветнике встречаются: турецкая гвоздика, колокольчики, маки, бархатцы («шапочки»), однолетние астры [каллистефус], кориопсис, резеда, циния. Следует заметить, что в графе, где описываются свойства цветов, всегда стоят вместе два определения – «зимующий, всегдашний». Такие пометки, в частности, стоят напротив турецкой гвоздики, крокусов, пиона, тюльпанов, маргариток. Но способность быть «всегдашними» у этих растений разная. Пион действительно относится к многолетним растениям, а применительно к таким растениям как турецкая гвоздика, маргаритки и мальвы, которые являются двулетними растениями, подмечена способность за счет высокой всхожести семян постоянно возобновляться на одном месте, поэтому кажется, что они «всегдашние». В списке растений фигурируют разные мальвы: «зимующие» (цветовая гамма, к сожалению, не указана) и «розовые и белые», которые «высаживаются». С большой долей вероятности можно сказать, что последние – это лавatera, которая имеет очень схожую с мальвой форму цветка, в основном имеет белую и розовую окраску, широко используется в цветниках и выращивается как однолетник.

Любопытно использование в цветнике растений, которые сейчас известны (но редко используются в качестве декоративных) как лекарственные и пряно-вкусовые травы. Это – «лимон-мелис» (думается – это мелисса лимонная), калуфер и «исоп душистый» (иссоп).

Исследовательский азарт вызвала целая группа растений, названия которых едва угадываются или уже забыты. Перелистав несколько справочников по цветоводству и народной медицине, возникли некоторые варианты расшифровки. На 4-ой рабатке планировалось высадить один куст «медвежьего ушка». В перечне растений, использовавшихся в народной медицине оказалось и «медвежье ушко» и «медвежье ухо», соответственно – это толокнянка и коровяк. Первое – низкорослое, растущее куртинами растение, чаще ис-

пользуемое сейчас как лекарственное, второе – крупное, относящееся к, так называемым, «архитектурным» растениям, его часто включают в декоративное озеленение. На 5-ой рабатке должен был красоваться куст «голубого цветка». Одно из старых народных названий цикория – «синий цветок» (в середине лета по обочинам дорог и на полях разливается сине-голубое море цветущего цикория). По своим декоративным качествам, думается, он вполне мог быть использован в цветнике. Искра предположений коснулась и таких растений как «беспредостанний цвет» и «розан». Первое растение описано так: «Зелень сердечками. Растение сие имеет свойство виться вокруг колышка аршина на 3 вверх, цветы имеются рюмочками, бывают белые, розовые и пурпурные»¹⁶. Перед глазами возникают выюнки. Но так ли все просто? Розаном часто называют гибискус, но он не зимует в открытом грунте (в списке отмечен как «зимующий») и сейчас используется в озеленении как комнатное или однолетнее растение. Первые сорта чайно-гибридных роз были выведены во Франции гораздо позже, поэтому в своих изысканиях мы ставим не точку, а многоточие.

Если про «аврикул», «римские ромашки» и «денную красавицу» можно строить какие-либо предположения, то полными загадками остаются «малиновые рожи», «крыжанты», «барская спесь» и «незнайки», хотя некоторые из них имеют описания. Так, например, «рожи – слишком известные цветы осенние высоко растущие, они бывают белые, фиолетовые темные и розовые»¹⁷.

Кроме нового цветника в палисаднике большое количество цветов было и в саду: белые, пунцовые, бледно-розовые, багровые, малиновые махровые маки, люпины розовые и желтые, астры однотонные и «расписные», васильки, колокольчики, турецкая гвоздика, «рожи малиновые и беспредостанний цвет пурпурный»¹⁸.

Знакомясь с ассортиментом цветов, радовавших людей более полутора столетий назад, ловишь себя на мысли, что осуществить связь времен и поколений не так уж сложно. Можно посадить у себя под окном васильки и колокольчики, турецкую гвоздику и лаватеру, мелиссу лимонную и цикорий, пристальнее присмотреться к нашим лесам и полям и впустить в свою душу то восхищение и любовь к природе, которую так ярко выразил Андрей Иванович Чихачев, ковровский помещик средней руки, встречая весну 1835 года.

¹ ГАИО. Ф.107. Оп.1. Д.59. Л.58-58 об.

² Списки населенных мест Российской империи. - СПб, 1863. – С.103, 112.

³ ГАИО. Ф.107. Оп.1. Д.57. Л.2. Д.59. Л.4.

⁴ Там же. Д.59. Л. 62 об.

⁵ Там же. Д.60. Л.31 об., 32 об., 33 об.

⁶ Там же. Д.59. Л.59 об.

⁷ Там же. Д. 60. Л. 34 об.

⁸ Сын А.И. Чихачева.

⁹ ГАИО. Ф. 107. Оп.1. Д. 59. Л. 70-71 об.

¹⁰ Там же. Л. 60 об.

¹¹ Авадьяева Е.Н. Энциклопедия русской усадьбы. – М., 2000. – С.159-160.

¹² ГАИО. Ф. 107. Оп.1. Д. 59. Л. 70 об.

¹³ Там же. Д. 139. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 60. Л. 36 об.

¹⁵ Там же. Д. 59. Л. 70.

¹⁶ Там же. Д. 57. Л. 82 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАИО. Ф. 107. Оп.1. Д. 59. Л. 73.

Т. А. ДОБЫЧИНА

(г. Шуя)

**СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ
КОРПОРАТИВНОМ БЫТЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА
2-й пол. XIX – нач. XX в.**

Родовое самосознание было краеугольным камнем, на котором строились деловые отношения и бытовое поведение в предпринимательской семье русской провинции второй половины XIX – начала XX в. Родовая память связывала поколения, благодаря чему сохранялись и передавались не только семейные традиции и нравы, но и профессиональные навыки. Фамильная преемственность проявлялась во всем: от вывески с названием предприятия, до надгробных эпитафий.

В предпринимательской среде существовало особое отношение к истории своего рода, то есть к «памяти предков». Одной из форм сохранения родовой памяти в предпринимательском мире были родословные записи, содержащие генеалогическую информацию и фиксирующие важные события истории рода. Генеалогические хроники велись едва ли не в каждой российской предпринимательской семье. Порой они составлялись на протяжении нескольких поколений. Среди подобного типа документов одним из характерных является родословная предпринимательского рода Гандуриных¹, содержащая сведения о представителях этого рода более чем за столетний период (1802-1911 гг.). Кроме обычных для данного документа сведений о рождении-смерти, он дает подробную матримониальную информацию, сведения о месте проживания, о деловых контактах, о принадлежности к вере, о причинах смерти, месте погребения представителей рода. Сведения «родословной» дополняют метрические выписи, выданные Духовной Консисторией на членов семьи Гандуриных².

Аналогичны и родовые записи семейства шуйских предпринимателей Поповых³. Они велись в свободной форме, приближенной к личным дневниковым записям. Первые записи сделаны основателем «дела» – Ф. Г. Поповым (1781-1852), дальнейшие велись потомками.

Подобные родовые записи велись если не в каждой, то в наиболее крупных предпринимательских семьях⁴. Некролог купца Гаврилова-Посада Владимирской губернии И. А. Недошивина косвенно свидетельствует о существовании родословных записей и в этом семействе: «Слишком 90 лет доброй воздержной жизни дали покойному Илье Алексеевичу многочислен-

ное потомство. Его родословная, со включением умерших, изчисляется в 232 человека»⁵.

Достойная родословная становилась предметом гордости для последующих поколений. Так, шуйский купец И. Лядов опубликовавший заметку об истории своего рода, в Губернских Ведомостях⁶, не без гордости сообщал, что его род известен с 1609 года.

Предприниматель из Иваново-Вознесенска Д. Г. Бурылин в 1910 г. опубликовал материалы собственной родословной в «Трудах Владимирской ученой архивной комиссии»⁷. Располагая финансовыми возможностями, он выделил значительные средства для учреждения «Родового союза Бурылиных, потомков Диодора Андреевича Бурылина», который должен был поддерживать между членами рода Бурылиных чувство родственного единения и общности интересов, способствовать поддержанию родовой чести, достоинства и благосостояния⁸.

Сознание ценности истории своего рода прививалось в предпринимательском мире с детства. Свидетельством тому являются дневниковые записи купеческого сына И. К. Коновалова (Кинешемский уезд Костромской губернии)⁹. Дневник, начатый в юности, составлялся Коноваловым на протяжении нескольких лет (1887-1914) и составил девять томов записей. Первые строки дневника автор посвятил истории своего рода, которую воспроизводил по рассказам и воспоминаниям родственников.

О важности традиций семейно-родовой преемственности в предпринимательской среде свидетельствуют некрологи представителей сословия. Обязательная для жанра так называемая биографическая часть сообщала о «добром имени предков почившего» и их роли в воспитании делового человека. Так, некролог шуйского купца А. А. Посылина говорит о его родителях, что они были известны «...в свое время великою добротою сердца и христианскою любовью к ближним»¹⁰. Аналогичное свидетельство встречаем в некрологе И. Ф. Попова, достойно воспитавшего детей собственным примером¹¹.

На бытовом уровне в предпринимательской семье установки на сохранение родовой памяти, выражались в традиции давать имена предков своим детям. Так, известные фабриканты села Тейково Владимирской губернии – Василий и Ульяна Каретниковы, назвали своих детей именами собственных родителей – Степан и Анна получили имена в честь родителей Василия Степановича, а Александра и Иван названы в честь шуйского купца Ивана Федоровича Попова и его супруги Александры Васильевны – родителей Ульяны Ивановны¹². Те же самые традиции поддерживались и в семействах предпринимателей Киржача Соловьевых и шуйских Посылиных.

Память о предках в предпринимательских семьях нередко «завещалась». Так шуйский купец Е. Леонтьев в завещании просил своего старшего сына о том, чтобы «в течение всей жизни своей равно и детям своим, если будут, поставить в обязанность о поминовении нас прежде скончавшихся»¹³. Аналогичное предписание давал своим потомкам и покровский купец Д. Ф. Ефредкин¹⁴. В более кратких формах подобные наставления потомкам о

хранении памяти предков «в род и род» содержится практически во всех предпринимательских духовных завещаниях.

Еще одной формой «родовой памяти» в предпринимательской семье была семейная портретная галерея. Многие исследователи долгое время не рассматривали всерьез это явление, видя в нем не совсем удачное подражание дворянству. Однако, предприниматели вкладывали в это свою идею, если не сказать идеологию. Так же как и дневниковые, родовые и метрические записи эти источники свидетельствуют о важности семейно-родовой самоидентификации в предпринимательской семье.

Семейная портретная галерея была не только визуализацией представителей рода. Она являлась отражением религиозности сознания предпринимательской среды. Это выражалось в художественных приемах, которыми исполнялись портретные произведения: в застылости позы, фронтальной обращенности к зрителю, характерности посадки фигуры в пространстве картины, в условной плоскостной манере самой живописи. Перечисленные художественные приемы аналогичны иконописной манере. Приемы, характерные для иконописи, видны и в условности фона, полуфигурном (поясном) варианте изображения, напоминающем аналойные варианты икон святых, а также в присутствии надписей на фоне изображения.

Названные художественные особенности долгое время некоторые исследователи объясняли как непрофессиональным характером творчества провинциальных мастеров, обычно самоучек, нередко выходивших из среды провинциальных иконописцев, так и отсутствием должного художественного вкуса и воспитания у провинциального купечества. Однако в недавнее время исследователи-искусствоведы, обратившиеся к изучению такого явления отечественного искусства, как провинциальная портретная живопись, пришли к выводу, что характерные для иконописи приемы автоматически переносились в портретную живопись потому, что были привычны религиозному сознанию заказчика, в жизни которого строго сохранялись крепкие христианские устои. Кроме того, нередко по пути подобной стилизации шли и художники-профессионалы из столицы (в том числе и сам В. А. Тропинин), когда им заказывали свои портреты купцы-провинциалы. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что художники вынуждены были считаться с религиозным сознанием и учитывать «каноничное» восприятие заказчика¹⁵.

Еще один «невербальный» источник, свидетельствующий о религиозной идее предпринимательского семейного самосознания – это традиция писания «семейных» икон с изображением тезоименитых святых всех членов семьи. Такие иконы бытовали в каждом предпринимательском семействе, особенно в среде старообрядцев. Они переходили в семье от предков к потомкам (как и портреты) и являлись своего рода «небесной» родословной. Практически каждое из рассмотренных и привлеченных к исследованию духовных завещаний представителей предпринимательского сословия говорит о наследовании подобных семейных икон. Особо показательно завещание шуйского купца Е. Леонтьева, который, завещав старшему сыну «образ большой

местный Пресвятой Богородицы Шуйской-Смоленской в медном посеребренном окладе с серебряным вызолоченным венцом», сделал распоряжение о том, «...чтобы ему оный из моего рода никогда и никому не отчуждать, а предоставить детям своим, а не будет оных брату Ивану Егорычу или его детям»¹⁶.

Кроме названной традиции наследования семейных икон «на молитвенную память о предках», в предпринимательской среде существовала и такая форма сохранения памяти о предшествующих поколениях, как церковные пожертвования и вклады «на молитвенное поминовение». Так, шуйские купцы Болотовы на отлитом по их заказу колоколе для единоверческого храма города Шуи, пожелали изобразить лики святых: «Иоанна, ученика св. Григория Декаполита, св. прав. Елизаветы, св. блаж. Клеопатры, св. человека Божия Алексия, св. прмчч. Евдокии, св. Апостола и Евангелиста Иоанна Божьего, св. мц. Ульянии, св. Петра Афонского, св. наречен. мц. Прасковьи и священномуч. Александра»¹⁷. Указанные святые являлись небесными покровителями всех членов семьи жертвователя.

О святости хранения родственных связей поколений и уважительном отношении к родственникам в купеческой среде говорят такие документы, как поздравления с праздниками, тезоименитством, приглашения на сватовство или сговор, соболезнования по поводу кончины родственников, сообщения о похоронах, крестинах и т.д.¹⁸ «Рядовые» родственные встречи и общения купеческих семей происходили в основном, по свидетельству обширной семейной переписки, по церковным праздникам¹⁹.

Родовое самосознание предпринимательской семьи было основой не только личных взаимных контактов, но и для деловых отношений. Родовая память связывала поколения, благодаря чему сохранялись и транслировались профессиональные традиции и навыки. В предпринимательском мире русской провинции второй половины XIX - начала XX вв. деловое предприятие (производственное, или торговое) зачастую представляло собой семейную фирму. Потому названия предприятий нередко содержали указания на родственные отношения владельцев и наследственную преемственность предприятия. К числу наиболее известных предприятий, получивших подобного рода названия, относятся следующие: «*Оптовый склад вина и спирта Наследников Шуйской купчихи Феклы Максимовны Листратовой*» в городе Шуе; Товарищество Мануфактур «*Никанора Дербенева Сыновья*» в Ковровском уезде; Товарищество Никольской Мануфактуры «*Саввы Морозова Сын и К^о*» в местечке Никольском Покровского уезда; Товарищество Мануфактур «*Ивана Гарелина с Сыновьями*» в городе Иваново-Вознесенск; Товарищество Мануфактур «*Прасковьи Витовой с Сыновьями*» в г. Иваново-Вознесенск; Товарищество Мануфактур «*А. Каретниковой с Сыном*» в селе Тейкове Шуйского уезда; «*Кирпичный завод Владимирских купцов Братьев Муравкиных*» в городе Владимире; «*Ситце-печатная фабрика Николая и Лаврентия Михайловичей Гандуриных*» в Иваново-Вознесенске; «*Платочно-набивочная фабрика Василия и Михаила Васильевичей Рубачевых*» в городе Шуе и другие.

Указанием на то, что «дело» передано по наследству или партнерами являются сыновья, подчеркивалось стремление к преемственности торговых традиций российских купеческих династий²⁰. В провинции, где «все всех знают» не требовалось лучшей рекламы, чем доброе имя владельца, скрепленное авторитетом имени и опыта его предков.

В купеческой семье внутриродовая связь реализовывалась не только в одностороннем направлении – память предков. Важной характеристикой предпринимательской семьи как родового делового клана, с особыми внутри-семейными отношениями является понимание значимости потомства.

Благословение потомков, как «знаемых», так и «незнаемых», встречается в духовных завещаниях. Так, в завещании купца из единоверцев С. И. Борисова (Вознесенский посад, Шуйского уезда) присутствует не только благословение всего своего семейства, но и наставление потомкам: «Завещаю всем сыновьям моим неуклонно продолжать христианскую жизнь в страхе Божиим, в правилах строгой чести и благонравия, любить друг друга взаимно, а к матери своей сохранять ненарушимую любовь и уважение. Благословение бо отчее, по словам Сираха, утверждает чадо, клятва же матерняя искореняет до основания»²¹. Конечными словами завещания предпринимателя Е. И. Леонтьева стали слова: «оставляю всем жене моей и сыновьям моим свое и Божие благословение и молю Бога, да утвердит их в сей жизни, пребывают мирно, согласно, в любви и благоустроении»²².

Особое значение в патриархальных предпринимательских семьях придавалось наследникам мужского пола. Сыновья, как правило, становились помощниками, а со временем и преемниками отца в «деле». Показательна в этом отношении ситуация, изложенная в завещании предпринимателя из города Шуи Владимирской губернии Е. Леонтьева: «Капитал денежный какой по кончине окажется предоставляю старшему сыну Ивану Егорычу одному, потому, что он один пособлял мне в делах торговых, равно и благоприобретенное им самим жалованье за труды свои доставлял мне сполна»²³.

Аналогичное распоряжение сделал предприниматель из Вознесенского Посада Владимирской губернии С. Борисов в пользу своих двух старших сыновей Петра и Тимофея Борисовых, которым по кончине родителя предоставлялось и вменялось в обязанность «...принять к себе капитал ... в наличных деньгах, товаром и долгах состоящий, потом вступить немедленно в полное хозяйственное управление и распоряжаться всем движимым и недвижимым имуществом, какое ... останется, а также ситцевую фабрикою и всюю вообще торговлею и промышленностью»²⁴.

Стремление сохранить семейную преемственность в деловой сфере было характерно и бездетным предпринимателям. Нередко в таких случаях наследниками состояния становились ближайшие родственники мужского пола – братья или племянники. Показательно в этом отношении завещание переславльского (Владимирская губерния) купца Алексея Чечелева, который, «будучи холост и не имея у себя никого ближе», сделал распоряжение о своем имуществе в пользу детей своего родного покойного брата Василия. Купец

Вознесенского посада И. В. Кузнецов, по-видимому, также был бездетным. В своем завещании, сделанном «при расстройстве здоровья», он, подчеркивая, что питает «истинно братскую любовь своему родному брату», распоряжается выдать ему и его сыну, который приходился завещателю крестником, из собственного капитала пятьсот рублей серебром. Сто рублей серебром были завещаны им своему дяде, лавки в Ирбитской и Крестовской ярмарках в Сибири были переданы компаньону купцу Вознесенского посада А. Е. Дудкину, приходившемуся завещателю шурином. Все оставшееся имение переходило к жене завещателя²⁵.

Понимание многочисленности потомства как благословения Божия проявлялась в патриархальных купеческих семьях в многодетности. В истоиво религиозной среде первых поколений предпринимателей дети считались главным нравственным оправданием брака. Это мнение поддерживалось в обществе церковью. Многочадие рассматривалось как особое благословение рода, аналогично тому, как в Ветхозаветные времена благословлялись множественным потомством непорочные пред Богом «колена израильские». Благочестивое воспитание детей считалось своего рода свидетельством благодетельности жизни предпринимателя. Некролог гаврилово-посадского купца Ильи Недошивина особо отмечает многочисленность потомства. «После его смерти осталось трое сыновей и три дочери, из которых одна имеет уже двоих правнуков... всех потомков, оставшихся по смерти Ильи Алексеевича в живых, насчитывается ровно 100 человек»²⁶. Аналогичное свидетельство в некрологе киржачского предпринимателя П. А. Соловьева. Автор некролога напрямую связывает множественность потомства с добродетельностью жизни почившего: «...плодом которой явилось у него многочисленное потомство (живых 7 человек, кроме них 27 внуков, внучат и 3 правнука), благодаря которому он вполне заслуживает имя патриарха»²⁷.

Традиции семейно-родовой преемственности купеческого сословия проявились и в характере предпринимательских захоронений. Некрополи провинциальных городов были бессловесными, однако захоронения предпринимательских семей не редко обособливались и отличались рядом характерных черт. Обычно членов одной семьи хоронили рядом. Иногда под одним надгробием находилось несколько захоронений. Самый простой тип родового купеческого захоронения представлял собой погребение из трех-пяти человек, как правило, это были представители одной семьи – супруги и их дети (сын). Довольно часто встречаются захоронения из 5-9 человек. К числу едва ли не самых крупных родовых захоронений на провинциальных некрополях Центральной России можно назвать захоронение купцов Болотовых на Троицком кладбище города Шуи. В их усыпальнице было погребено 19 человек. Крайние даты захоронений представителей этого рода относятся к 1795 – 1912 гг. По данным краеведа Н. А. Звездина усыпальница купцов Калужских в Шуе насчитывала 18 захоронений. Усыпальница купцов Корниловых – 17 захоронений.

Особый характер отличает эпитафии купеческих надгробий. Кроме типичной информации о персональных данных погребенного, датах рождения и смерти, надписи нередко давали информацию о том, кто устроил памятник. Шуйский купец И. Д. Киселев засвидетельствовал свою благодарную память предкам в короткой строке эпитафии: «Посвящается потомком их Иваном Киселевым»²⁸. Купец И. М. Воронов, установив надгробие на месте погребения нескольких поколений своих предков в селе Петровском Ковровского уезда, обозначил эпитафией посвящение «Любимым моим родителям временно 2-й гильдии купцом Игнатием Михайловичем Вороновым»²⁹. Подобного рода эпитафия: «От сына и внука»³⁰, присутствовала на надгробии А. Е. Треумова, отца ковровского фабриканта И. А. Треумова. Надгробие на могиле шуйского купца В. Л. Калужского было установлено дочерью, о чем свидетельствует одна из многочисленных надписей: «Незабвенному родителю от любящей дочери». Аналогичная надпись «Незабвенному родителю от признательного сына» была сделана на надгробии шуйского лесоторговца И. В. Шапошникова.

Сильней семейных привязанностей у предпринимателей было желание быть погребенными при храме. Так, несмотря на уже имеющееся многочисленное (18 погребенных) родовое захоронение на Троицком кладбище города Шуи, купец Н. Г. Калужский предпочел быть погребенным при Никольской соборной церкви, находящейся рядом с Воскресенским собором, в котором он исполнял при жизни обязанности старосты. Аналогичная ситуация с потомственным почетным гражданином П. П. Кокушкиным, погребенным в 1907 г. в ограде Ильинской церкви города Шуи, которой он щедро благоотворил при жизни. В уже имеющемся на момент смерти П. П. Кокушкина родовом захоронении у другой городской церкви – Покровской, были погребены его отец, брат и мать. Шуйская купеческая вдова Е. В. Крайкина оказывала благотворительную помощь Спасской церкви города Шуи. Рядом с этим храмом она и была похоронена в 1892 г., несмотря на то, что муж и свекор – шуйские купцы Б. Ф. и Г. Б. Крайкины, были похоронены на Троицком кладбище Шуи. Семейство шуйского купца А. Г. Кувшинова – его отец, мать и жена, было похоронено на Троицком кладбище, сам же он был погребен в 1902 г. при Крестовоздвиженской церкви. То же самое и с захоронениями шуйских купцов Терентьевых. В 1905 г. в ограде Покровской церкви был похоронен купец И. М. Терентьев. На момент его смерти на Троицком кладбище города Шуи имелось захоронение троих представителей этой семьи.

Однако и одиночное предпринимательское захоронение, устроенное рядом с церковью, со временем превращалось в семейное. К числу таких можно отнести усыпальницы в ограде Крестовоздвиженской церкви города Шуи купцов Листратовых (3 захоронения), Посылиных (4 захоронения), Романовых (6 захоронений). Последнее из упомянутых семейных захоронений в количественном отношении является довольно значительным для предпринимательских захоронений на церковных некрополях.

Таким образом, типические черты предпринимательской среды – религиозность и семейная преемственность нашли отражение не только в бытовом и деловом укладе жизни, но и в характере их захоронений.

¹ Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. 81. Оп. 1. Д. 1.

² ГАИО. Ф. 101. Д. 48.

³ Шуйский историко-художественный и мемориальный музей (Далее – ШИХММ) 2914/70

⁴ ГАИО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 127. Л. 16.

⁵ Владимирские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1881. № 12.

⁶ Лядов И. Род Шуйских граждан Лядовых // ВГВ. 1879. № 26.

⁷ Труды ВУАК. Кн. XII. Владимир, 1910. С. 29-36.

⁸ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 4. Д. 3854. Л. 4.

⁹ ГАИО. Ф. 636. Оп. 1. Д. 1-9.

¹⁰ Правдин Е. Памяти потомственного почетного гражданина, шуйского 1-ой гильдии купца-фабриканта Алексея Александровича Посылина // ВЕВ. 1884. № 18. С. 566.

¹¹ Слово при погребении почетного гражданина, шуйского первой гильдии купца Федора Герасимовича Попова, говоренное в Шуе в Старом Покровском соборе протоиереем И. Субботиным. М., 1852. С. 9.

¹² Шуйский краеведческий музей (далее – ШКМ) Ф. 8. Оп. 1. ШКМ 2479/1306; Оп. 2. ШИХММ 2914/16, 2914/40.

¹³ ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Д. 327. Л. 285.

¹⁴ ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Д. 392. Л. 216 (об.)

¹⁵ Лебедев А.В. Тщанием и усердием. Примитив в России XVIII-середины XIX вв. М., Традиция, 1998.

¹⁶ ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Д. 327. Л. 282 (об.).

¹⁷ ШКМ 2490/270.

¹⁸ ШКМ Ф. 8. Оп. 1. ШКМ 2479/1306.

1155, 1159, 1174, 1183, 1188, 1191, 1194-1199, 1201-1206, 1209, 1211, 1216, 1218, 1224, 1227, 1228, 1230, 1232-1237, 1271-1279, 1281, 1283, 1287, 1349; Оп. 2. ШИХММ 2914/16, 40. ШКМ и другие фонды.

¹⁹ Письма приглашения к праздникам.

²⁰ Касатых Е. Ценности торгового мира Владимирской губернии в зеркале вывесок и объявлений. Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории / Сб. ст. Вып. 5. Шуя, 2005. С. 61.

²¹ ГАВО. Ф. 92. Оп. 5. Д. 327. Л. 201об.

²² Там же. Л. 282об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 201об.

²⁵ Там же. Д. 350. Л. 2-3.

²⁶ ВЕВ. 1881. № 12. С. 356.

²⁷ Владимирские губернские ведомости. 1903. № 9. С. 6.

²⁸ ШКМ. Ф. 11; ШКМ 2669.

²⁹ Фролов Н. В., Фролова Э. В. Ковровско-Судогодский некрополь. – Ковров, 2005. С. 17.

³⁰ Там же. С. 67.

А. И. ЕВСТРАТОВА
(г. Кострома)

**РОЛЬ ЧАСТНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ в сер. XIX – нач. XX в.**

В 60 – 70-е гг. XIX в. образование превратилось в одно из основных направлений приложения частной благотворительной инициативы. Объяс-

нялся этот процесс объективными потребностями общественного развития и поддержкой благотворительных усилий в образовании со стороны государства. Однако подобное единение власти и общества продолжалось недолго. В середине 80-х общество в лице своей интеллектуальной и бизнес-элиты (главных действующих лиц благотворительности) явно разошлось с правительством в оценке образовательных нужд и перспектив страны. И развитие технического образования, и поддержка способной молодежи малоимущих слоев населения, и улучшение быта учителей, – все, что объективно способствовало усилению социальной мобильности общества, облегчению выхода наиболее способных представителей податных сословий к вершинам образования и успеха, – все это было открытым противодействием слепому укреплению сословной структуры общества, которого добивалось Министерство народного просвещения.

В развитие благотворительности в области народного просвещения во вторую половину 90-х годов XIX – начале XX века можно отметить важные особенности. Во-первых, это значительное расширение видов и форм непосредственной помощи учащимся. Так на одно из первых мест в 90-е гг. выдвигается забота о здоровье учащихся. То, что в стране, только что пережившей катастрофический голод, унесший около 300 тыс. жизней, и едва ли не ежегодно сотрясаемой голодовками в отдельных районах, здоровье подрастающего поколения есть национальная проблема №1, благотворители не только осознали раньше и острее правительства, но и сделали больше, практически с нуля создав еще один институт, без которого нельзя себе представить жизнь современного общества – летние оздоровительные лагеря. Костромское попечительное об учащихся общество, по данным которого 35% учащихся отличались недостаточным физическим развитием, малокровием и начальными формами туберкулеза, открыло летом 1898 г. небольшую летнюю дачу для учеников городских училищ¹. Столичные общества, располагавшие более значительными средствами, существенно опережали провинциальные. «Общество школьных дач для С.-Петербургских средних учебных заведений» еще в 1896 г. смогло потратить на летний отдых детей свыше 5 тыс. руб., организовав в Куоккале дачу для 99 мальчиков, а в Ораниенбауме – для 40 девочек, отобранных «по рекомендации начальства учебных заведений и на основании врачебного освидетельствования». На следующий год общество планировало удвоить расходы². Еще раньше летним отдыхом школьников занялись благотворители Москвы. В 1896 г. у них уже было 14 летних колоний для 146 девочек и 100 мальчиков из городских начальных училищ³.

Провинциальные общества брали на себя и поддержку земляков, учащихся в учебных заведениях столиц.

Но наиболее яркой составляющей благотворительной помощи народному просвещению к концу века оставалась деятельность благотворителей в области ремесленного и технического образования. Благотворительные общества к этому времени содержали 933 заведения «дешевого и бесплатного

обучения». Особенно заметной была деятельность Русского технического общества, умело аккумулировавшего частные пожертвования и поступления от городов (в 1893 г. общество имело 34 школы на 3336 учеников, а к концу века 52 на 5339)⁴, и образованного в 1881 г. Общества по улучшению народного труда в память царя-освободителя Александра II, которое в соответствии со своим уставом открывало низшие ремесленные заведения, сельскохозяйственные школы и рукодельные классы при общеобразовательных школах⁵. Так в 1900 г. в Ярославле было открыто бесплатное трехгодичное механико-техническое училище на 120 человек и ремесленная школа при нем. На строительство здания, оборудование мастерских и классных помещений купец Н. П. Пастухов издержал 500 тыс. рублей. Он также учредил капитал в 100 тыс. руб., проценты с которого должны были идти на обеспечение бесплатного обучения. Еще 60 тыс. руб. он завещал на развитие училища. Училище и капиталы были принесены в дар Министерству народного просвещения. Для сравнения: в том же 1900 г. министерством на устройство технических и ремесленных училищ по всей России было выделено всего 54 тыс. руб.⁶ Однако, несмотря на такие поддержки, несмотря на ясное понимание того неоспоримого факта, что «прогрессивный рост промышленности идет впереди школьного дела, вызывая спрос на людей, обладающих специальными знаниями, побуждает к дальнейшему настойчивому распространению промышленного образования», Министерство осуществляло свои надзорно-контрольные функции таким образом, что благотворители требовали только одного: чтобы оно «не стесняло частной инициативы в деле устройства на частные средства промышленных училищ»⁷. Политика министерства была тормозящим фактором в деле благотворительного участия в народном просвещении.

Что касается богатого купечества, то оно также понимало ценность образования для хозяйственного развития и немало делало в этом направлении, хотя предпочитало менее обезличенные формы благотворения.

Славились своей благодарностью женщины из купеческих семей. Воспитывая своих дочерей, богатые московские купцы откровенно ориентировались на аристократию: девиц обучали чтению, письму, началам арифметики, игре на фортепиано, европейским языкам. Вопреки хрестоматийным представлениям о купеческой среде как о «темном царстве», мода на воспитание существовала уже, видимо, с 1830 – 1840 гг.

Мать известного коллекционера Павла Михайловича Третьякова, Александра Даниловна, 1812 года рождения, по купеческим меркам «имела образование». В юности брала уроки на фортепиано и уже, будучи старушкой преклонных лет, играла внукам знаменитый полонез Огинского. На иностранных языках А. Д. Третьякова не говорила, но немного понимала. У Третьяковой было одиннадцать детей. Шесть из них умерли от жестокой скарлатины, но остальным пятерым она сумела дать приличное образование. Дети получили прекрасное домашнее образование, знали великолепно языки, литературу, имели самых известных в то время учителей.

Купцы охотно использовали богатство для завоевания видного общественного положения, прочной положительной репутации, и естественно предпочитали те виды благотворительности, которые на данный момент пользовались максимальным общественным признанием. На пике любого благотворительного движения база его становится особенно широкой и многосоставной.

Благотворительной деятельностью занимались и предприниматели. Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры, главным пайщиком которой были братья Третьяковы, регулярно печатало «Отчеты по благотворительным учреждениям» своих фабрик. В Костроме первым начинает благотворительную деятельность хозяин фабрики В. А. Зотов. В 1879 г., вернувшись с промышленной выставки в Петербурге, он составляет прошение на высочайшее имя: «Наши малолетние рабочие наполняют небольшие домики, расположенные на улицах близ фабрик. Помещения их по тесноте более чем неудобны, они бывают скучены до 30 человек обоего пола в одной маленькой комнате....Сознавая вполне всю безвыходность их положения, я намерен приступить к устройству жилищ для рабочих, которые были бы удобны в гигиеническом отношении». Еще раньше, весной 1869 г., при фабрике Зотовых было открыто одноклассное училище, а так как конкуренция есть конкуренция, то 5.09.1871 г. мануфактура братьев Третьяковых получает разрешение на открытие собственного двухклассного училища. Весной 1874 г. двухклассное училище открывают и Зотовы, к тому же – «с ремесленными для мальчиков и рукодельными для девочек классами». Осенью Третьяковы уже ходатайствуют о льготах по воинской повинности для выпускников своего училища, а всего двумя месяцами позже, с таким же прошением обращается Зотов⁸. Казармы для рабочих также становятся предметом конкурентной борьбы. Зотов открывает свои раньше, но Третьяковы возводят шестизэтажную громадину, где в коридорах у каждой комнаты устроены «харчевые шкафы», а в конце коридоров – комнаты для игр детей, родители которых ушли на работу⁹. Продолжалось это соревнование почти до самой революции.

Характеризуя благотворительность российских предпринимателей, христианское человеколюбие сливалось здесь с трезвым расчетом на снижение социальной напряженности, а стремление соответствовать передовым стандартам с конкурентной борьбой за наиболее квалифицированные и старательные рабочие руки. С точки зрения строго объективных критериев, такая деятельность была, безусловно, благотворительной: во-первых, как добровольная и факультативная, а во-вторых, потому, что хотя наиболее дорогая часть подобных проектов – недвижимость, – оставалась в собственности фабриканта, безвозмездная передача материальных ценностей в виде образовательных и бытовых услуг также имела место.

Главным источником, определившим размах этого удивительного движения, оставались внутренние побуждения российских жертвователей, постепенно приводившие их к осознанию личной ответственности перед обществом. Судьбы многих из них самым драматичным образом определялись

осознанием этого, может быть, наиболее болезненного противоречия всей русской жизни – противоречия между личным богатством и общественным благом. Это был долгий, мучительно трудный путь к современному цивилизованному сознанию и высшим культурным достижениям от психологии крепостнического рабства и сословной ограниченности – путь, который прошли многие известные предприниматели. И тем, что особенно сильно содействовало этому пути, было широкое, свойственное России развитие меценатства и благотворительности в их среде.

¹ Бердова О. В. Благотворительность и детское попечение в Костромской губернии в XIX – начале XX вв. // Благотворительность в России. – СПб: «Лики России», 2003. – С. 201.

² Вестник благотворительности. 1897. №7. С. 72-73.

³ Там же. №9. С. 67-69.

⁴ Техническое образование. 1893. №8. С. 49.

⁵ Вестник благотворительности. 1897. №7. С. 72-73.

⁶ Там же. №9. С. 67-69.

⁷ Российский государственный исторический архив. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 205. Л. 4.

⁸ Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 444. Оп. 1. Д. 8 Л. 2, 8-9.

⁹ ГАКО. Ф. 137. Д. 1613. Л. 12-15.

Н. Ю. НОВИЧКОВА

(г. Иваново)

МОНАРШИЙ СЛЕД НА ЮРЬЕВЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Жизнь в российских провинциальных городах в середине XIX века заметно отличалась от столичной своей неспешностью и монотонным однообразием. Любое, даже самое незначительное событие, немедленно вызывало массу разговоров, нарушая тем самым привычную тишину. Одним из многих таких городов был и Юрьевец. Утро 15 августа 1866 года для его жителей выдалось невеселым. Накануне прошел сильный дождь, заливший не только улицы, но и огороды, добавив хлопот хозяйкам. Начавшийся день, казалось, не предвещал никаких неожиданностей, как вдруг город облетела весть о том, что, путешествуя из Костромы в Нижний Новгород, Их Императорские Высочества Государь Наследник Александр Александрович и Великий князь Владимир Александрович изъявили желание побывать в Юрьевце и посетить городской Собор¹. Никогда ранее члены царской фамилии не устаивали юрьевчан такой милостью.

Визит был намечен на 16 августа, что привело городское руководство почти в шоковое состояние. На подготовку к торжественной встрече волею судьбы отводился всего один день. Этого времени было явно недостаточно, чтобы привести город в надлежащий вид. Проезжая часть улиц и в сухую погоду оставляла желать лучшего, а так нехстати прошедший дождь и вовсе превратил дорожное покрытие в грязное месиво. Территория пристани была завалена всевозможным хламом. Но пока городской голова вместе с уездным исправником лихорадочно обдумывали план действий, юрьевчане, не дожи-

даясь указаний сверху, в порыве вернопопдайнейших чувств приступили к работе.

К вечеру вся соборная улица, немощенная и грязная, была уже в полном порядке: вода, стоявшая в лужах спущена, низины засыпаны песком, а от ухабов не осталось и следа. На этом чудесные превращения в городе не закончились. Уличный мусор, годами лежавший на тротуарах, исчез, как по волшебству, украшенная разноцветными флагами городская пристань засверкала свежей краской, прибрежная полоса была выровнена и радовала глаз начальства первозданной чистотой. Все это было сделано жителями без всякого к тому принуждения или, как сегодня принято говорить, на голом энтузиазме.

Особое усердие при подготовке к встрече дорогих гостей проявил владелец пристани купец С. И. Духинов. По его распоряжению значительная часть береговой зоны была очищена от дров, в срочном порядке изготовлены новые сходни, а пол пристани устлан коврами, заботливо принесенными обывателями. Весь день в городе царила суета, но и с наступлением сумерек жизнь не вошла в привычное русло. До поздней ночи в домах не стихали разговоры о предстоящем визите. По случаю приезда Их Императорских Высочеств из сундуков доставалась праздничная одежда. Всем хотелось предстать перед взором августейших особ в наилучшем виде.

Наступившее утро порадовало жителей ясной погодой. К полудню на пристани собралась огромная толпа. Там же находилось и все местное «высшее общество»: предводитель дворянства, председатель земской управы, городской голова с представителями от купечества, уездный исправник, а также множество нарядно одетых дам, которые держали в руках букеты цветов. Все духовенство в полном облачении ожидало гостей в храме, ярко освещенном свечами и лампадами.

Пять часов прошли в томительном ожидании, однако, несмотря на усталость и вполне естественное чувство голода, ряды встречающих не поредела. Наконец в начале шестого на горизонте показался пароход с царским флагом. Когда он приблизился к пристани, над городом разнеслось громкое многоголосое «ура!». Уездный исправник вместе с городским головой и купцами прошли на корабль, где от лица всех жителей Юрьевца преподнесли Их Высочествам традиционные хлеб-соль.

Толпа на пристани с нетерпением ожидала появления Цесаревича и Великого Князя, но оказалось, что высокие гости приняли решение проследовать далее без задержки. Тогда С. И. Духинов, бывший в числе купцов, допущенных на царский корабль, встал перед Государем Наследником на колени и со слезами на глазах начал умолять его сойти вместе с Великим Князем на берег, чтобы оставить свой след на юрьевецкой земле². По щекам и широкой бороде Духинова, как впоследствии рассказывали очевидцы, катились крупные слезы. Его мольбы были услышаны, и долгожданные гости сошли с парохода на пристань. Их появление сопровождалось приветственными возгласами, а к ногам тотчас же полетели цветы.

Далее события начали развиваться по явно незапланированному сценарию. Прибытие парохода вызвало прибрежную волну, которая не только размыла, но и загрязнила часть берега у самых мостков. Все труды по уборке пошли прахом. Очутиться на берегу, не испачкавшись в грязи и не замочив ног, стало просто невозможно. Но жители вновь встали на защиту городской репутации и сумели найти выход из, казалось бы, безнадёжного положения. Как только августейшие особы вступили на мостки, юрьевчане начали снимать с себя одежду и в считанные минуты забросали ею всю неожиданно появившуюся грязь³. Это позволило гостям беспрепятственно сойти на берег, где торжественная встреча была продолжена. Длилась она недолго. Вскоре царский пароход отчалил от пристани, оставляя за бортом маленький волжский городок, взбудораженный его появлением.

Пережитые волнения дали обывателям новую пищу для разговоров. Повсеместно началось обсуждение знаменательного события. Купец Духинов единодушно был признан земляками героем дня и долго еще выслушивал хвалебные отзывы в свой адрес. Еще не один день юрьевчане продолжали обмениваться впечатлениями от увиденного, но постепенно ежедневные заботы о хлебе насущном восстановили обычный ритм городской жизни, и над домами вновь нависла дремотная тишина.

¹ Костромские губернские ведомости. 1866. №33. С. 153.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С.155.

О. А. МОНЯКОВА

(г. Ковров)

«КАЗУС» В СЕЛЕ ШАПКИНО КОВРОВСКОГО УЕЗДА В 1913 ГОДУ

С Ковровом и Ковровским уездом связан значительный отрезок жизни Николая Михайловича Иорданского (1870-1934) – известного общественного и политического деятеля начала XX века. Хотя его нельзя отнести к числу исторических фигур первого ряда для своего времени, тем не менее, его «послужной список» выглядит внушительным для провинции: активный деятель «Союза Освобождения», член ЦК и секретарь конституционно-демократической партии, депутат II Государственной думы, сотрудник крупной либеральной газеты «Русские ведомости». При этом он являлся гласным Владимирской городской думы и с 1906 года – Ковровского уездного земства¹. Последние годы своей жизни, уже в советское время, он также провел в Ковровском районе, в д. Репники, где и писал свои воспоминания о прожитой жизни и политической деятельности. В рукописном виде они хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства².

После окончания в 1893 году юридического факультета Московского университета Н. М. Иорданский был назначен судебным следователем в Ковров и работал в этой должности до 1903 года. Именно с Ковровского периода жизни и начинаются его мемуары, одна глава которых названа «Из прошлого.

Воспоминания судебного следователя»³. Главный акцент своих воспоминаний автор сделал на иллюстрации эпизодами из своей практики «бедной» и «бескультурной», по его мнению, жизни русской деревни.

Начинаются они так: *«Население Ковровского уезда Владимирской губернии, где я в 90-х годах служил судебным следователем, жило довольно бедно. Земля не могла прокормить: своего хлеба хватало только до половины зимы. Население занималось промыслами (портняжничество, тележный промысел, разработка камня и т. д.) и работало на фабриках (Ковров, Иваново-Вознесенск, Шуя, Тейково, Лежнево, Горки, Камешки и др.). Город в то время давал мало деревне, как в экономическом, так и в культурном отношении. Прошлое из деревень население часто приобщалось к отрицательным сторонам городской жизни. Пьянство было настоящим бичом населения. На пути культурных начинаний стояли полицейские рогатки. Соприкосновение с деревней культурных людей (учителей, врачей, агрономов) находилось под бдительным надзором полиции, сельские же батюшки были крайне невежественны, стяжательны, зачастую очень порочны, к тому же они выполняли функции полицейского ока».*

Именно иллюстрации последних слов автора о безнравственности сельских священников посвящен фрагмент его воспоминаний, который мы предлагаем вашему вниманию. Случилось это, согласно мемуарам, в с. Шапкино Алексинской волости Ковровского уезда 7-9 сентября 1913 года во время визита на родину митрополита Московского и Коломенского Макария (Невского), родившегося в этом селе в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 1835 году и крещенного с именем Михаил. Он являлся шестым ребенком в бедной семье причетника сельского храма Рождества Пресвятой Богородицы Андрея Парвицкого (фамилия Невский у будущего святителя появилась в Тобольской семинарии). В 2000 году, как известно, митрополит Макарий был канонизирован в ряду других новомучеников и исповедников Российских.

Что же случилось в селе Шапкино во время посещения его высоким гостем, читаем в мемуарах: *«Был еще один попик, пользовавшийся широкой известностью в уезде – о. Павел (Авроров. – О. М.) из с. Шапкина. Это был необыкновенно ловкий и пройдошистый человек. Он добился себе прихода в с. Шапкино, потому что из этого села был родом тогдашний митрополит Московский Макарий, от которого можно было заполучить великие и богатые милости. Водворившись в с. Шапкине, он стал через разных вхожих к митрополиту людей зазывать его побывать на своей родине, посетить могилки своих усопших родителей, о которых-де он, о. Павел, неусыпно заботится. Митрополит собрался побывать, и о. Павел приложил все старания, чтобы обворозжить его высокопреосвященство. У местных кулаков были собраны деньги, из города был приглашен хор певчих, были приготовлены опочивальня и обильная трапеза для именитого гостя и его свиты. Но особенно много надежд о. Павел возлагал на могилки усопших родителей. В действительности этих могил и в помине не было, к тому времени даже никто*

и не знал, где они были. О. Павел наугад соорудил в ограде около церковного алтаря две могилки и разукрасил их цветами. Митрополит прибыл в село Шапкино к вечеру со своей старушкой сестрой и, разумеется, с целым синклитом диаконов и иподиаконов. Была отслужена торжественно всенощная. Митрополит всем остался доволен. После молебствия высокий гость со старушкой сестрой проследовал к могилкам и, конечно, только умилился по поводу забот о. Павла. Было темно, и разглядеть всего, как следует, нельзя было. Однако, старушка сестра митрополита все силилась всматриваться и потом вдруг заявила, что «могилки-то, словно, как бы не тут были, а вон около той березки». О. Павла даже в жар бросило от неожиданности, митрополит Макарий промолчал. Однако, о. Павел нашелся, как выйти из затруднений. Целую ночь, пока высокие гости почивали, он трудился по перенесению могил к «березке», а на другой день объяснение такой метаморфозе нашлось в том, что старушка в темноте вечером не могла все хорошо заметить. Разумеется, о. Павел пошел в гору, благополучно пережил революцию и потом подвизался по устройению обновленческой церкви».

От себя добавим, что мы пока не нашли подтверждения фактам, изложенным в воспоминаниях Н. М. Иорданского в других источниках. Но священник Павел Авроров действительно оказался весьма предприимчивым человеком – в 1914 году в Санкт-Петербурге он уже выпустил брошюру, посвященную визиту митрополита Макария в родное село⁴, а позднее являлся активным участником обновленческого движения в Русской Православной Церкви.

В заключение, скажем, что такая определенная тенденциозность мемуаров известного политического и земского деятеля либерального толка, интеллигента Н. М. Иорданского, объясняется общим критическим настроем интеллигенции в России на рубеже XIX-XX вв., особенно радикальной, по отношению к церковным деятелям, когда между ними нарастало взаимное отчуждение⁵.

¹ Печ. по: Монакова О. А. Н. М. Иорданский – гласный Ковровского земства и депутат Государственной думы // Рождественский сборник. Вып. XI. Ковров, 2004. С. 169-170.

² РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 84а; 84б.

³ Там же. Д. 84б.

⁴ Авроров П., свящ. Пребывание Высокопреосвященнейшего митрополита Макария Московского на своей родине. СПб., 1914.

⁵ Иванов Ю. А. Уездная Россия: местные власти, церковь и общество во второй половине XIX – начале XX в. Иваново, 2003. С. 96.

КАК ТАРАБАРСКИЙ ЯЗЫК ОФЕНЯМ ТОРГОВАТЬ ПОМОГАЛ

(К вопросу об особенностях применения арготического языка офеней-иконщиков в общении со старообрядцами: социально-экономический аспект)

Обслуживание старообрядческого благочестия, в том числе и за пределами Российской империи, породило специфическую форму торговых отношений, скрытых от официальной государственной бюрократической машины. Поскольку основным компонентом этой торговли являлась икона, необходим был и особый тип юрких, оборотистых посредников между иконописцами-подстаринщиками и старообрядческой средой. Этот тип – офеня-старинщик и офеня-иконщик и будут являться объектом исследования данной статьи. По определению – «Офеня – бродячий торговец в дореволюционной России, продававший по деревням галантерею, мануфактуру, книжки и т.п.»¹. Именно такую трактовку приводит большой словарь русского языка, в котором уместился весь мир офенского промысла, позволявшего, в XVII – XIX в.в., обслуживать многомиллионное крестьянское население Российской Империи. Однако офеня-старинщик из Владимирской губернии, это особый тип торговца, складывающийся столетиями.

Этимология слова «офеня» до конца не ясна. К. Тихонравов наиболее вероятным считал его происхождение от «афинян» – так называли странствующих греческих торговцев, которых много появилось на Руси, особенно во второй половине XV в. С течением времени их прозвище могли усвоить местные торговцы-ходебщики. «Это тем более вероятно, – писал он, – что и доньше в искусственном офенском языке много слов, взятых прямо с греческого»². В. И. Даль предлагает иное объяснение: на тайном офенском языке слово «офениться» значит «молиться», «креститься»; «офеет» – крест. Отсюда «офеня» – «крещеный», «православный»³. По наблюдениям Ф. Броделя, тип торговца-разносчика всегда распространялся там, где в рыночной экономике наблюдались «пустоты», то есть отсутствие развитых механизмов торговли. Заполняя эти «пустоты», торговцы-разносчики в XVII – XVIII вв. появлялись повсюду, и везде им сопутствовал определенный механизм рыночного общения.

Прежде всего в офенстве мы сталкиваемся с особым типом социального поведения – странничеством. Эта черта бросалась в глаза многим наблюдателям, которые отмечали, что, несмотря на трудности промысла, офени были «неисправимые, закоренелые скитальцы, у которых бродяжничество вошло в плоть и кровь, обратилось в органическую потребность»⁴. «Вся жизнь офеней, – есть скитание по чужим домам и дорогам»⁵.

По наблюдению Ф. Броделя, тип торговца-разносчика всегда распространялся там, где в рыночной экономике наблюдались «пустоты» то есть отсутствие развитых механизмов торговли. Заполняя эти «пустоты», торгов-

цы-разносчики в XVII – XVIII вв. появились повсюду, и везде им сопутствовал длинный ряд названий: во Франции их называли *colporteur*, в Англии – *hawker*, на болгарском языке их название звучало от турецкого – серьги – это *сергиджия*, то же и на сербохорватском – *торбор* (от турецкого – *торба* – мешок)⁶. Этот ряд баз труда продолжается относительно России: мадебщики, кантюжники, картинщики, коробейники, книгоноши, фарисеи, масыки, обестильники, наконец, офени, офени-иконщики, офени-старинщики⁷.

В этом перечне видно, что у офеней-иконщиков было много собратьев по ремеслу: продавали не только иконы. Но сразу необходимо выделить, что очевидно только в России ремесло торговца в разнос было так тесно связано с иконным делом и народной религиозной жизнью. Эта связь способствовала установлению для торговцев особых прозвищ, особые обычаи, культуру поведения, тип внешности и даже свой арготический язык.

Набор прозвищ офеней-иконщиков – веское доказательство не только необъятной торговой географии. В наборе прозвищ скрывалась и особая иерархия. Н. А. Трохимовский, проживший среди офеней около года, услышал от них два основных прозвища: «мазыки» и «боготаскатели». «Мазыками», по его объяснению, народ называл как самих иконников, так и торговцев иконами: от сочетания «мазать иконы». Это прозвище, кроме того, может указывать и на тесную связь мастера и торговца. «Боготаскателями» называли тех офеней, которые занимались исключительно заказами икон в Палехе, Мстере и Холуе и их перепродажей⁸. Отсюда, будучи включенными в систему «мастер – заказчик», офени-«боготаскатели» регулировали развитие иконного дела относительно разных видов благочестия. Они проникали везде и, без сомнения, были осведомлены, что, например, староверы «австрийского священства» и «преображенского согласия» почитали образы «под Новгород» и «под Москву», а староверы «Спасова согласия» и «поморцы» особо почитали образы «под северные» или «под строгановские» «письма»⁹. Таким образом сама техника офенской торговли выступала в тесной связи с религиозной жизнью народа.

Надо сказать, что правила поведения, обычаи и арготический язык офеней-иконщиков – это условие и следствие полуполюгального распространения суздальских икон среди староверов. Иконы, провозимые офенями, как правило, не отличались особой изощренностью стиля и качества работы, но с другой стороны, дешево продавать их также не было смысла. Поэтому офени, как правило, заранее выбирали и готовили свой будущий «сегмент рынка», ориентируясь на запросы и интересы той группы населения, куда они отправлялись. Неоднократно отмечалось, что проездные документы и бумагу на право торговли, офеня оформлял на небольшую партию недорогих, расхожих икон официального, одобренного Священным Синодом, Никонианского благочестия, что обходилось дешевле и не вызывало подозрений у полиции. Тогда как на Севере, за Уралом и в Европейских погостах, пользовалась спросом икона старообрядческого, дониконианского благочестия, торговля которыми официально была запрещена. Поэтому офеня мог вести с собой 15-20

икон новоправославных и 150-200 старообрядческих, ориентируясь опять же на особенности староверческого «согласия». Иногда партии икон могли исчисляться сотнями и даже тысячами.

В повседневной жизни офени воспринимались замкнутой кастой и выдерживали «остраненную» линию поведения. В 1843 году «Владимирские губернские ведомости» сообщали, что в Суздальском округе «живут и отсюда расходятся по всем краям России деятельные и ловкие промышленники, известные везде под именем офеней. Эти мелочные торговцы составляют какую-то особую промышленную касту, имеют даже свой разговорный язык искусственно ли составленный или сохранившийся у них от древних поколений»¹⁰. В это же время В. П. Безобразов отмечает, что «особый язык, которым славятся офени, придает им некоторый оттенок таинственности, загадочности и сектаторской замкнутости и весьма характеризует ту степень коммерческого развития, к которой принадлежит офенство»¹¹.

«Арго» – как условно-профессиональный язык офеней-иконщиков «иногда применяется дома, в кругу родных»¹². Видимо лишь в этом аспекте можно говорить об «остраненности» офеней¹³. Вряд ли данный язык мог применяться офенями в традиционных выкриках разносчиков, которые служили знаками устной рекламы и которые «выполняли ту же функцию, что и вывески магазинов, лавок и ремесленных мастерских»¹⁴. Однако полулегальное распространение староверческих суздальских икон практически исключало какое-либо их рекламирование.

Можно предположить, что основное назначение арготического языка офеней-иконщиков – засекречивание в процессе торговли старообрядческими образами: эта торговля приравнивалась официальными властями к пропаганде раскола. Арго мог быть как устным, так и письменным. Известно, что для деловой переписки староверы применяли три тайных языка: «тарабарский», «офенский» и «иносказательный». По П. И. Мельникову, в первом языке заменяли только согласные. О втором он пишет: «Это язык владимирских ходебщиков, которые ходят от Кяхты до Варшавы... Язык этот подобно языку петербургских мазуриков, приволжских прахов и т.п. – искусственный: слова придуманы»¹⁵. В иносказательном же языке каждое слово имело не прямое, а условное значение.

В случае ходебщиков не исключена и комбинация всех трех языков, хотя, по наблюдениям очевидцев, офенский язык употребляется преимущественно в устных разговорах. Так, например, фраза «образа по селам идут, глядишь, и много продашь на одном базаре и по домам товаришка побирают» на жаргоне торговцев звучала: «стоды по турлам хлят и скенна пропулиш на сном ошаре, и по рымам шиваришка побиридут»¹⁶. О том, что все это засекречивание было связано со старообрядческой культурой, можно судить по характеристикам офеней в столичной прессе. Журнал «Изограф» в 1885 г. писал, что офени «эксплуатируют» крестьянское население: они «распространяют массами иконы старообрядческих изделий», т.е. те бесконтрольные

«холуйские и суздальские письма», которые «не могут быть достойны православия», они «сеют смуту»¹⁷.

В свете вышесказанного нельзя не упомянуть и о «маркетинговых» методах ведения торговли офенями. Сегодня, входя в рыночную экономику мы часто сетуем на то, что нас обманывают как в государственной, так и в частной торговле, ссылаясь на «сложности переходного периода» и нечистоплотность торговцев. Однако, даже сегодня, редко можно столкнуться с тем вероломством, каковое было присуще офеням-иконщикам ради увеличения оборота и повышения прибыли. Н. Лесков, в своей работе «Адописные иконы» приводит следующий пример. «Ради увеличения сбыта, один иконщик заказывает так называемые подделки «под древность» с чертиками на грунте (*левкасе*, прим. авт.) и, набрав такого товара, едет и распродает иконы с чертиками, а следом за ним вскоре непременно по тем же местам, которые он только что снабдил своими иконами, едет другой иконщик, состоящий с первым в плутовской сделке; но у этого уже все иконы без чертиков. Приехав в село, следующий за первым второй плут предлагает свой товар, но ему отвечают, что «уже накупились»; тогда он просит показать ему, «чем накупились», и, зная, где искать потайных чертиков, объявляет, что это у них иконы «не христианские, а *адописные*», и в подкрепление своих слов тут же сколупывает на иконе, проданной его предшественником, краску и открывает изумленным крестьянам дьяволенков по всем их иконам. Крестьяне бывают по этому случаю в большом ужасе и отдают этому пройдохе все свои «адописные» иконы, на которых открыты чертики, чтобы только увез их подальше, а у него покупают или обменивают себе другие, на которых такого сюрприза для себя не ожидают»¹⁸. Как правило, подновив полученные «адописные» иконы, предприимчивый пройдоха продавал их снова, договариваясь о следующем «торговом обороте» с напарником. Вообще, мотив «переодевания» офени-старинщика, постоянной смены своего лица – устойчивый мотив его «дела», в котором благочестие соседствует с обманом и плутовством и является естественным его состоянием. Офеня ради своей выгоды может за просто сменить светский костюм на рясу чернеца-старовера, отрастить или подстричь бороду и волосы по требованию «согласия», что позволяло войти в доверие и часто выгодно обменять свой товар на старинные, даже византийские образа. Таким образом, преуспевший на блуднях офеня часто становился зажиточным человеком. Он покупал или строил новый, чистый дом, в котором стремился устроить те нововведения, которые видел в своих путешествиях. Одевались офени также отлично от крестьян, особенно это было заметно в городе. Например, Холуйский офеня-иконщик покупал светскую, дорогую одежду, но высшим шиком считался шелковый азиатский халат, который офеня рассматривал «самым передовым франтовством в мире. Этот халат – восточный, на вате. Выходивший на прогулку офеня надевал его поверх черных панталон, галстука и жилета с часами и бронзовой цепочкой»¹⁹. Таким можно нарисовать типичный портрет преуспевающего торговца в раз-

нос из среды холуйских или мстерских крестьян-предпринимателей – офеней-иконщиков.

¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984. Т. 2. К – О. 1982. С. 726.

² Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857, С. 23.

³ Даль В. И. О наречиях русского языка. СПб., 1852, С. 58-59.

⁴ Пругавин А. Книгоноши и офени (Встречи, наблюдения и исследования) // Северный вестник. 1893. №4. С. 96.

⁵ Безобразов В. П. Из путевых записок // Русский вестник. 1861. Т. 34. С. 287.

⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. Т. 1 – 3. М., 1986 – 1992. С. 60.

⁷ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890 – 1907. С.483 – 485.

⁸ Трохимовский Н. А. Офени // Русский вестник. 1866. Т. 63. С. 560, 569.

⁹ Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: очерки икононого дела в императорской России. М., «ПРО-ГРЕСС – КУЛЬТУРА», «ТРАДИЦИЯ», 1995. 496 с.

¹⁰ Владимирские губернские ведомости (ВГВ). 1843, № 21.

¹¹ Безобразов В. П. Из путевых записок // Указ. Соч. С. 291.

¹² Гольцеев И. Проводы офеней в дорогу из дома для торговли и разговоров на своем искусственном языке // «Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета». Владимир. 1880. Т. 3. С. 231.

¹³ Ревзин И. И. К семиотическому анализу «тайных языков» // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. АН СССР. 1962. С. 33 – 37.

¹⁴ Богатырев П. Г. Выкрики разносчиков и бродячих ремесленников – знаки рекламы // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962. С. 38.

¹⁵ Мельников П. И. Старобрядческие архиереи // Русский вестник. 1863. Т. 45. С.18.

¹⁶ Гольцеев И. Проводы офеней в дорогу из дома для торговли и разговоров на своем искусственном языке // Указ. Соч. С. 231.

¹⁷ Изограф, Т.1, вып. 8 – 10, 1885, С.63.

¹⁸ Лесков Н. Адописные иконы. // «Русский мир». СПб., № 192. 1873. С. 1.

¹⁹ Безобразов В. П. Из путевых записок // Указ. Соч. С. 287.

Н. Б. ФЕДОТОВ

(г. Павлово)

КАК «РУССКИЙ МАНЧЕСТЕР» С «РУССКИМ ШЕФФИЛДОМ» СВЯЗАТЬ ХОТЕЛИ

XX век село Павлово встретило как центр крупнейшего в России района производства сталеслесарных изделий с населением в 160 тыс. человек и ежегодным товарооборотом в размере 36 млн. руб.

По всей стране расходился различный «павловский товар»: висячие замки, складные и хозяйственные ножи, ножницы, напильники, весовые коромысла. Одних висячих замков изготавливалось ежегодно примерно 37,5 млн. шт. Еще больше (72 млн. шт. в 1907г.) выпускалось ножей и вилок¹.

В то же время существовало серьезное препятствие для дальнейшего развития «русского Шеффилда» – в районе отсутствовали железные дороги. Это обстоятельство приводило к целому ряду негативных последствий: затруднялся приезд иногородних покупателей и заказчиков, запаздывала почта, осложнялась отправка товаров наложенным платежом, гужевая перевозка

грузов делала нерентабельным использование в местном производстве каменного угля. В период ледохода и весенней распутицы сообщение Павлова с окружающим миром иногда совсем прерывалось на недельный и даже более значительный срок. В результате местные металлисты медленно, но неуклонно проигрывали конкурентную борьбу своим основным соперникам – прибалтийским фабрикантам стальных изделий².

В 1901г. в Петербурге возникла идея строительства большой железнодорожной магистрали, которая должна была соединить столицу со Средним Поволжьем, а позднее достигнуть среднеазиатских владений империи³. Если бы проектируемая трасса пересекла Оку не у Нижнего Новгорода, а в Павлове, это соединило бы сталелесарный район с общероссийской транспортной сетью. Местные предприниматели решили использовать выпавший им шанс.

В ходе межведомственного совещания, посвященного проекту Петербургско - Волжской железной дороги, представители Павлова предложили направить её по маршруту ст. Ермолино – Шуя – Гороховец – Павлово – Алатырь⁴. Для активного лоббирования местных интересов в Павлове организовали специальную железнодорожную комиссию.

Её главой был избран крупный фабрикант сталелесарных изделий горбатовский купец Н. В. Первов. Душой же всего предприятия стал депутат Государственной думы третьего созыва, директор расположенного в с.Ворсма «Товарищества Л. и А. Завьяловых» А. Е. Фаворский⁵.

Одной из важнейших задач комиссии был поиск доводов в пользу павловского, а не альтернативного варианта Ермолино – Нижний Новгород, способных заинтересовать коммерсантов Шуи и Иваново-Вознесенска. И такие доводы были найдены.

В результате осуществления павловского направления магистрали Шуйско-Ивановский промышленный район получал доступ к лесным богатствам Вязниковского и Гороховецкого уездов и сокращение путей подвоза хлопка из Средней Азии, бакинской нефти, хлеба из Нижегородской и Симбирской губерний. Планировалось также соединить Иваново и Шую с такими важными населенными пунктами Владимирской губернии, как Холуй и Южа⁶.

Весной 1910г. идеи павловчан нашли отклик в первопрестольной. Группа московских предпринимателей во главе со знаменитым С. И. Мамонтовым ходатайствовала перед правительством о разрешении учредить акционерное общество с целью сооружения железной дороги Шуя – Павлово – Арзамас⁷.

Не дремала и павловская железнодорожная комиссия. Благодаря её усилиям бюджетная комиссия Государственной думы убедилась в необходимости обследования павловского варианта трассы и выделила запрашиваемые для этой цели Министерством путей сообщения 30 тыс. руб. Вскоре, однако, выяснилось, что прибывшая на Нижегородчину инженерная партия ведёт изыскания не по желательному для павловских промышленников кратчайшему пути на Алатырь, а в более северном районе с сильно пересечённым

рельефом, что полностью обесценивало преимущества павловского направления вообще.

Члены комиссии направили докладную записку по данному вопросу лично министру путей сообщения С. В. Рухлову. В ответ чиновники транспортного ведомства согласились провести обследование прямого пути из Павлова в Алатырь, но только рекогносцировочным порядком. Неудовлетворенные этим павловчане направили встревоженные телеграммы с просьбой о содействии министру торговли и промышленности С. И. Тимашёву, а затем и главноуправляющему землеустройством и земледелием А. В. Кривошеину⁸. Письмо с ходатайством о поддержке ушло также в Алатырскую городскую управу⁹. В итоге полноценное обследование района предполагаемой трассы всё же было проведено.

Решающий для планов соединения железнодорожным путём «русского Манчестера» – Иванова с «русским Шеффилдом» – Павловом момент наступил в октябре 1913 г., когда в Петербурге собралась комиссия о новых железных дорогах. Постепенно выяснилось, что ситуация на заседаниях комиссии неблагоприятна для павловчан и их сторонников. Не помогла поддержка ни шуйского уездного земства в лице Л. С. Романова, ни Иваново-Вознесенского Комитета торговли и мануфактур (Г. Г. Висендорф), ни деятелей городского самоуправления Шуи (П. П. Китаев) и Иваново-Вознесенска (Н. С. Лаханин), ни представителей Гороховца, Вязников и Алатыря, а также члена Нижегородского ярмарочного комитета А. С. Салазкина.

Не убедили комиссию и результаты сравнительного обследования вариантов проектируемой магистрали, выявившие преимущества павловского направления почти по всем основным показателям: более высоким ожидался размер валового и чистого дохода, меньше должна была быть строительная стоимость и протяженность дороги.

Не спасло положение даже выступление А. Е. Фаворского, убедительно опровергнувшего аргументацию своих противников. Он, в частности, отверг необходимость проведения железной дороги через районы кустарного производства на севере Гороховецкого и в Балахнинском уезде, отметив, что «кустарные изделия как железнодорожный груз представляют ничтожную величину». Не считал Фаворский необходимой ещё одну железную дорогу и для Нижегородской ярмарки: «при... общей тенденции к сокращению товарного склада Нижегородская ярмарка не имеет нужды в новой железной дороге ни к северу, ни к югу, тем более что ярмарочный сезон совпадает с навигацией по системе рек Волги и Оки»¹⁰.

Против дороги Ермолино – Шуя – Павлово единым фронтом выступили представители Нижегородского биржевого комитета (в том числе крупный судовладелец и городской голова Нижнего Новгорода Д. В. Сироткин), города Юрьевца (предполагалось, что при реализации северного варианта дороги до Юрьевца будет построена тупиковая ветка), северной части Гороховецкого уезда, Нижнего Новгорода и нижегородского губернского земства¹¹.

При этом рассуждения некоторых поборников нижегородского направления заходили в столь отдаленное будущее, что напоминали ни что иное, как делёж шкуры неубитого медведя. Так, крупный нижегородский помещик, гофмейстер императорского двора А. Б. Нейдгардт заявил, что «представители Нижнего Новгорода высказываются за линию от Ермолина на Нижний, а не на Павлово по той причине, что магистраль мирового значения, как будущая линия Петроград - Индия не может миновать Нижний Новгород с его знаменитой ярмаркой»¹².

Пожалуй, наиболее весомым аргументом оппонентов павловского направления стал замысел железной дороги Кудьма – Велетьма, которая должна была напрямую соединить Нижний Новгород с Муромом и пройти через Павловский промышленный район. Эта идея внесла раскол в ряды павловчан. За приоритетное значение трассы Кудьма – Велетьма по сравнению с магистралью Шуя – Павлово высказался даже один из членов железнодорожной комиссии села Павлово, председатель правления Павловской кустарной артели А. Г. Штанге¹³. Практически никто не прислушался к предупреждениям А. Е. Фаворского, отметившего, что линия Кудьма – Велетьма вместо прямого сообщения с Поволжьем и Сибирью даст Павловскому сталелесарному району только кружной путь через Нижний, а кроме того в стороне от неё останутся с. Тумботино с его производством ножниц и лесные массивы Горбатовского и Арзамасского уездов. Кроме того, первоначальный вариант этой трассы должен был пройти и мимо Павлова. Ближайшая железнодорожная станция проектировалась только в двенадцати верстах от села¹⁴.

Последнее заседание комиссии о новых железных дорогах состоялось 4 февраля 1914 г. Прения завершились победой сторонников трассы Ермолино – Нижний, за которую высказалось большинство членов комиссии (в том числе представители министерств путей сообщения, финансов, внутренних дел, императорского двора, а также военного министерства и государственного контроля). Меньшинство комиссии, а именно чиновники министерства торговли и промышленности и главного управления землеустройства и земледелия, продолжало настаивать на южном варианте пути, так как надеялось на его дальнейшее продолжение в сторону Средней Азии и не считало возможным рассматривать железную дорогу Шуя – Павлово «с точки зрения исключительно узких местных интересов»¹⁵.

Павловчане отказались признать решение комиссии окончательным. Уже 7 января 1914 г. состоялось собрание фабрикантов, торговцев и промышленников села Павлова и кустарей Павловского района, постановившее отстаивать трассу Иваново – Шуя – Павлово – Арзамас, а для этого сформировать комиссию в составе Н. В. Первова, А. Е. Фаворского, А. Г. Штанге, а также павловского крестьянина и фабриканта стальных изделий В. М. Теребина. Собрание уполномочило членов комиссии послать телеграммы председателю Совета министров В. Н. Коковцову, другим министрам и во II департамент Государственного Совета и принять участие в deputации шуян и ивановцев в Министерство торговли и промышленности¹⁶. В начале февра-

ля 1914 г. министр Тимашёв принял депутатов и обещал им полную поддержку¹⁷.

Прошения о пересмотре принятого решения вносились и в комиссию о новых железных дорогах. В феврале и марте 1914 г. ходатайства в защиту трассы Ермолино – Шуя – Павлово поступили от Иваново – Вознесенского Комитета торговли и мануфактур и Совета общества фабрикантов и заводчиков Иваново – Вознесенского промышленного района, от Н. В. Первого и А. Е. Фаворского как представителей делегации фабрикантов, торговцев и кустарей Павловского района, а также от графини М. Ф. Шереметевой¹⁸.

Конец словесным баталиям положили бои Первой мировой и гражданской войн. Новая, советская власть не собиралась реализовывать ни северный, ни южный варианты спорной магистрали. Железная дорога так и не пришла ни в Юрьевец, ни в Холуй, ни в Южу.

Не была реализована в полном объёме и трасса Кудьма – Велетьма. Отчаявшись получить хоть копейку от центральных и губернских властей, железную дорогу из Нижнего Новгорода в Павлово стали сооружать методом развёрстки денежных нужд строительства на плечи частных предпринимателей Павлова, а также г. Богородска и п. Ворсмы. Подобную добровольно - принудительную помощь вынуждены были оказывать и государственные предприятия округа¹⁹.

Первый состав пришёл в Павлово 7 ноября 1927 г. Пришёл... и никогда не пошёл дальше. Сбылись опасения А. Е. Фаворского, ещё в 1913 г. предупреждавшего своих оппонентов о нерентабельности южной части железной дороги Кудьма – Велетьма. Ветка осталось тупиковой, так и не дав предприятиям Павловского промышленного района прямого доступа к основным железнодорожным магистралям страны.

¹ Павловский исторический музей. Основной фонд (далее – ПКМ). ПКМ № 6076-1. Докладная записка уполномоченных от торговцев и промышленников села Павлова Горбатовского уезда Нижегородской губернии. С. 2, 9.

² Там же. С. 2-3.

³ ПКМ № 6077-2. Журнал комиссии о новых железных дорогах. Заседание 24, 25 и 29 октября и 1 ноября 1913 г. и 4 февраля 1914 г. С. 5.

⁴ ПКМ № 6076-1. С. 1.

⁵ ПКМ № 2102. Докладная записка железнодорожной комиссии с. Павлова Нижегородской губ. министру путей сообщения. 24 июля 1911 г.

⁶ Павловский исторический музей. Научно – вспомогательный фонд (далее – ПКМ ВСП). ПКМ ВСП № 299. Докладная записка о значении для города Шуи проведения проектированной железной дороги Шуя – Павлово – Алатырь – Симбирск.

⁷ ПКМ № 6076-6. К проекту железнодорожной линии Шуя – Павлово – Арзамас.

⁸ ПКМ № 2102.

⁹ ПКМ ВСП № 305. В Алатырскую городскую управу. 1911 г.

¹⁰ ПКМ № 6076-2. С. 9-16.

¹¹ Там же. С. 17-20.

¹² Там же. С. 18.

¹³ Там же. С. 21-22.

¹⁴ Там же. С. 14-15.

¹⁵ Там же. С. 59-63.

¹⁶ ПКМ ВСП № 2393-1. Постановление собрания фабрикантов, торговцев и промышленников села Павлова и кустарей Павловского района. 7 января 1914г.

¹⁷ ПКМ № 5500. Письмо Н.Л. Комарова А.Г. Штанге. 12 февраля 1914г.

¹⁸ ПКМ № 6076-2. С. 73.

¹⁹ ПКМ ВСП № 1032. Воспоминания председателя комиссии по финансированию и строительству железной дороги Кудьма – Павлово А.П. Суслова.

А. Ю. ИВАНОВА

(г. Иваново)

ЖАНДАРМСКИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В ПРОВИНЦИИ во 2-й пол. XIX – нач. XX в.

Середина XIX в. в России была временем активного железнодорожного строительства. Этот вид транспорта быстро получил широкую популярность, однако продолжал оставаться своеобразным «государством в государстве». Одним из признаков обособленности было существование отдельных жандармских полицейских управлений железных дорог. Они были созданы в 1867 г. в целях уменьшения преступности на железных дорогах Российской империи и охраны железнодорожных путей. Изъятие жандармских полицейских управлений из ведения Министерства путей сообщения и подчинение шефу жандармов оказалось достаточно эффективной мерой, так как железнодорожная полиция стала составной частью общегосударственной правоохранительной системы. Управления входили в состав Отдельного корпуса жандармов, бывшего полицией политической, но они выполняли функции общей полиции. Жандарм не подчинялся начальнику станции и в сфере своих должностных полномочий мог его контролировать. Конфликты с полицейскими могли стоить железнодорожным служащим лишения должности. Обычно поводом к увольнению могли служить «дерзости» против представителей полиции железной дорог¹.

В рамках одной или нескольких железных дорог учреждались жандармские полицейские управления (всего – 33 с 321 отделением в городах и на крупных станциях, на полустанки определялись один – два жандармских чина)². За счет железной дороги нанималось помещение для жандармов, выделялись средства на его отопление и освещение. Жандармские полицейские чины проживали либо непосредственно «в пределах станций несения службы», либо на частных квартирах неподалеку от нее.

Обязанности железнодорожной полиции определялись «Общим Уставом Российских железных дорог». Район ее действия простирался «на все пространство земли, отчужденное под железную дорогу и на все находящиеся на ней постройки и сооружения»³. Эти силы были задействованы для обеспечения порядка на строящихся участках железных дорог, осуществляли наблюдение за порядком на станциях и близлежащих территориях, участвовали в подавлении стачечных выступлений и охраняли императорские поезда.

В начале XX в. в связи с усилением революционного движения в стране и сложной социально-политической обстановкой в годы Первой миро-

вой войны жандармские полицейские управления железных дорог стали осуществлять и функции контрразведки, наблюдая в пределах железных дорог за лицами, возможно, занимавшимися шпионажем в пользу иностранных государств. Но реально основными функциями железнодорожной полиции оставалось предотвращение и раскрытие преступлений, несение патрульно-постовой службы на станциях во взаимодействии с местной полицией.

Патрулировались не только станции и вокзалы, но и депо, мастерские, склады, подъездные пути. По инструкции один раз в месяц жандармы были обязаны обойти всю территорию вверенного участка железной дороги. Специфическими «железнодорожными» функциями жандармов было составление протоколов о несчастных случаях, причем нередко от них требовались элементарные технические знания, например, для объяснения причин схода вагонов с рельсов⁴. В случае крушения поезда или снежных заносов на линии железнодорожные жандармы, по согласованию с местной полицией, могли мобилизовать для ремонта пути и перевозки пострадавших жителей ближайших селений с подводами и инструментами. За эти работы жители Владимирской губернии получали зимой 1,5 рубля в день, а летом – 3 рубля⁵.

Среди наиболее распространенных преступлений было хищение грузов. Зачастую оно носило курьезный характер и представителям железнодорожной полиции приходилось проявлять смекалку для раскрытия преступлений подобного рода. Так, жандарм Шуйского отделения В. Князев, осматривая грузы на станции «Кинешма», заметил бочку с надписью «остатки бумажной пряжи». Князев знал, что такой груз перевозят в кулях, поэтому вскрыл бочку, где оказалась новая пряжа на 300 руб., украденная старьевщиком со станции у местных фабрикантов⁶.

Унтер-офицеру Е. Замятину на станции «Вичуга» стало известно, что из вагона прибывшего из Кинешмы товарного поезда украдено 6 кип мануфактурного товара на 865,8 руб. Замятин вместе с помощником унтер-офицером Г. Матвеевым двинулись в сторону Кинешмы, решив, что кипы выброшены в пути. Не доходя 6 верст до Кинешмы, они встретили 2 унтер-офицеров, шедших им навстречу, т.к. Замятин сообщил о краже в Кинешму по телеграфу. Искали всю ночь: место, где спрятаны кипы, было обнаружено, а грабители арестованы⁷.

Представителям железнодорожной полиции приходилось заниматься расследованиями случаев мошенничества, связанных с подделкой накладных на получение товаров. В годы Первой мировой войны МВД признало необходимым привлечение жандармов к регулированию грузовых перевозок и полицейские чины получили право «направлять вагоны и грузы в соответствии с реальными нуждами населения»⁸.

Обычными были случаи краж денег и багажа у пассажиров. Подобные преступления, как правило, совершались в пассажирских помещениях вокзалов и в вагонах во время стоянки поездов. Особо популярными объектами воровства были предметы верхней одежды. Искать воров часто приходилось уже за пределами станций: жандарм Е. Астафьев «толковыми расспросами,

находчивыми и энергичными действиями» обнаружил и задержал в Иваново-Вознесенске в лавке Соколова крестьянина, который украл 891 руб. у пассажира⁹. Нередко сами потерпевшие оказывали содействие в поимке воров. В 1915 г. на станции «Владимир» находчивая пассажирка Романова схватила грабителя, вытащившего у нее кошелек с 1,5 рублями и билетом, отобрала украденное и доставила вора к местному жандарму¹⁰.

Задержания преступников происходили не только на железнодорожных станциях, но и в поездах во время движения. Так, зимой 1913 г. поезд Нерехта – Ярославль был резко остановлен. От толчка некоторые пассажиры упали, многие подумали, что это крушение и кинулись убежать из вагонов. Раздались выстрелы и крики «держи его». Оказалось, в поезде ехал вор, его гнали жандарм и часть поездной бригады¹¹.

Помимо предотвращения и раскрытия краж на железной дороге чины жандармской железнодорожной полиции оказывали содействие в поимке «обычных» воров. Бдительность жандармов, их внимание к подозрительным личностям помогали задерживать воров с краденными вещами. Этим славился унтер-офицер Шуйского отделения С. Екимов: только за две недели января 1909 г. ему удалось на станции «Середа» задержать вора, похитившего швейную машинку, выловить вора, похитившего деньги и пытавшегося скрыться на товарном поезде, и вычислить на станции «Новки» мошенников, обманом снявших 800 рублей со счета в Государственном Банке¹². Пристальное внимание к пассажирам позволяло железнодорожным жандармам вычислять и задерживать дезертиров, воров-рецидивистов и даже, как ни странно, конокрадов.

Кроме раскрытия и пресечения уголовно наказуемых преступлений, железнодорожная полиция обеспечивала порядок на станциях. Нижние чины могли потребовать удостоверение личности у любого пассажира и задержать «подозрительного».

Нередко при выполнении служебных обязанностей чины железнодорожной полиции отличались бесцеремонностью: могли войти в дамскую комнату или провести досмотр пассажиров во время ужина в вокзальном буфете¹³. Были и случаи усердия «не по разуму» при исполнении служебных обязанностей. Так, о попытке железнодорожного жандарма на станции «Кинешма» запретить пассажирам чтение газетного сообщения, «противоправительственного» по его мнению, как о вопиющем случае жандармского произвола писала местная пресса¹⁴.

Тем не менее, именно жандармы были как «сторонними наблюдателями», так и «третейскими судьями» в конфликтных ситуациях между пассажирами и железной дорогой. Подтверждением этому могут служить «Правила содержания книги жалоб на железнодорожных станциях». Книги хранились в особых конторках вместе с письменным прибором, ключ от которых находился у станционного жандарма. Ключ передавался только начальнику станции лишь в случае отлучки жандарма со станции¹⁵. Железнодорожные жандармы нередко пренебрегали своими обязанностями: были случаи отказа в

подаче жалобной книги или составлении протоколов о нарушении порядка на станциях.

Одной из главных обязанностей жандармов на железнодорожной станции был надзор за организацией торговли, прежде всего в буфетах. Их надзору подлежали служащие торговых заведений. В их ведении была правомерность организации торговли: железнодорожный жандарм мог закрыть буфет или другое торговое заведение на вокзале в случае неуплаты содержанием акциза или пошлины. Копии контрактов и правила содержания буфетов в обязательном порядке направлялись в жандармское управление железной дороги¹⁶.

Обязательным условием для принятия на службу железной дороги была справка «о политической благонадежности». Составление таких справок также входило в обязанности железнодорожной полиции. Документы такого рода отличаются стандартностью формулировок: «ни в чем предосудительном замечен не был». При этом причиной увольнения служащих обычно становился нетрезвый образ жизни. «Политические случаи» были крайне редки: например, «устное оскорбление императорской фамилии в общественном месте» или оскорбление вышестоящего железнодорожного чина¹⁷.

Но и сами жандармы не всегда отличались «благонадежностью». Обычны указания на пьянство чинов железнодорожной полиции, что само по себе могло стать причиной увольнения со службы. Некоторые жандармы отличались «буйным нравом», позволяли себе прибывать на службу в нетрезвом виде, что могло стать причиной разного рода происшествий.

Унтер-офицер Дегтярев, сопровождая поезд с новобранцами, выгонял их из вагонов, грозился застрелить¹⁸. Кроме нарушения общественного порядка жандармы «грешили» хулиганскими выходками в отношении своего начальства, за что лишались звания, а иногда и подвергались тюремному заключению¹⁹.

При всех недостатках существование особой полицейской структуры на железных дорогах Российской империи имело свой результат – поддержание порядка и стабильности было налицо. И в советское, и в постсоветское время опыт железнодорожной полиции рубежа XIX – XX вв. оказался востребованным и продолжает существовать в новых условиях.

¹ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 11631. Л. 3.

² *Ивановский В.* Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию №5 1895 года – №11 1896 года.

<http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/item2958.html>. Последнее посещение - 15.10.2009.

³ Общий Устав Российских жд (Св. законов. Т. XII ч. Д). СПб., 1896. Ст. 184.

⁴ Очерк сети русских железных дорог. СПб., 1896. Т. 1. С. 17.

⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 193. Л. 1 – 2.

⁶ Там же. Ф. 708. Оп. 1. Д. 18. Л. 18.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Старый владимирец. 1915. 30 октября.

⁹ ГАВО. Ф. 708. Оп. 1. Д. 18. Л. 24 об.

¹⁰ Старый владимирец. 1915. 14 июня.

¹¹ Костромская жизнь. 1913. 10 декабря.

¹² ГАВО. Ф. 708. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об., 6, 9 об.

¹³ Владимирские губернские ведомости. 1864. 15 августа, 19 сентября.

¹⁴ Костромской листок. 1905. 30 марта.

¹⁵ Общий устав российских железных дорог. Ст. 371.

¹⁶ Там же. С. 373 – 374.

¹⁷ ГАВО. Ф. 708. Оп. 1. Д. 1. Л. 41, 203; Д. 7. Л. 7 об., 18.

¹⁸ Там же. Д. 18. Л. 2 об.

¹⁹ Там же. Л. 37 – 38 об.

Н. Ю. НОВИЧКОВА

(г. Иваново)

**ЗНАЧЕНИЕ ДОБРОВОЛЬНЫХ ПОЖАРНЫХ ДРУЖИН
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИТЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ОТ ПОЖАРОВ в кон. XIX – нач. XX в.
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В конце XIX века пожары в России представляли одно из величайших народных бедствий. По данным Центрального страхового статистического комитета, количество пожарных убытков на Европейской территории России в среднем ежегодно составляло 75 миллионов рублей. Необходимо при этом отметить, что стоимость застрахованного имущества не всегда отражает истинную картину ущерба. Не поддается учету ни труд, ни время, затраченное на накопление имущества, уничтоженного огнем, ни все новые расходы на его восстановление. Не включается в сумму ущерба и хозяйственный и домашний инвентарь, одежда, запасы продуктов, домашний скот. Если учесть все эти факторы, то по расчету одного из инспекторов земского страхования в России ежегодно сгорает имущества на 330 миллионов рублей, т.е. на сумму, равную 1/5 всех государственных доходов империи.

В 1895 году во Владимирской губернии произошло 762 пожара, убыток от которых составил 2 млн. 113 тыс. руб. Губительные последствия сельских пожаров определялись, прежде всего, скученностью деревянных построек и плохим состоянием печей и печных труб. По всей России 95,5% крестьянских дворов были деревянными, притом крытыми соломой или камышом. Низкий уровень доходов крестьянских семей не давал возможности застраховывать свое имущество, и пожар практически полностью разорял крестьянское хозяйство.

Однако даже наличие постоянной угрозы разорения не способствовало активности населения в принятии противопожарных мер. Крестьяне не считали нужным проявлять в этом деле активность, поскольку, в силу своего невежества, воспринимали пожары как «Божью кару». В основе этой пассивной позиции лежали всевозможные суеверия и приметы. Считалось, что если забежит белка в деревню – быть пожару, завоет ночью собака – опять гореть¹. В связи с этим сельское население в большинстве случаев даже не пыталось противостоять силе огненной стихии, предпочитая покорность «злодейке-судьбе».

Российские деревни оказывались практически полностью незащищенными от пожарного бедствия. Основоположник пожарного законодательства России Ф. Э. Ландезен во время своих поездок по российской глубинке отмечал полное отсутствие в деревнях каких-либо средств пожарной защиты: «При пожаре нашей деревни или села захваченные врасплох люди кричат, бегают, сбивают друг друга с ног. Никаких пожарных снарядов – ни багров, ни крючьев или ломов нет. Иногда во всей деревне порядочной лестницы нет, а о пожарной трубе слухом не слыхивали – какая она такая бывает? Каждый двор полон всякой трухи, щепы и соломы – как будто нарочно припасенных для пожара. Кроме всего этого непорядка во дворах – не больше порядка по этой части в головах хозяев. Иной самый богатый хозяин не верит в пользу и необходимость пожарных снарядов: «супротив Бога не оборонишься»².

Безусловно, низкий материальный уровень крестьянских семей не позволял покупать дорогостоящее пожарное оборудование, но при этом даже самых простых средств защиты также в наличии не оказывалось. По сравнению с сельскими жителями, городское общество было более активным в организации противопожарных мер. Это выражалось, прежде всего, в создании добровольных пожарных обществ. В сельской местности значение их деятельности трудно переоценить. Поскольку каждая дружина располагала набором пожарных инструментов, с ее помощью пожар можно было локализовать в самом начале и не дать огню охватить большую территорию, когда его уже практически невозможно остановить обычными средствами.

5 августа 1897 года министром внутренних дел был утвержден Устав сельских добровольных дружин, который регламентировал процесс их формирования. § 2 Устава предоставлял дружине право: «иметь в округе своей деятельности надзор за точным соблюдением обывателями установленных пожарных и строительных правил, причем, в случае усмотренного нарушения этих правил, дружина через правление или старосту обращается к содействию местной полицейской власти для привлечения последней виновных к законной ответственности».

Местному земству предписывалось организовать сельские сходы в целях привлечения населения в ряды дружинников и оказывать полное содействие работе дружины. В члены дружины допускались лица не моложе 17 лет, не состоявшие на действительной военной службе и не привлекавшиеся к судебной ответственности.

К началу XX века в 50 губерниях России насчитывалось 3309 добровольных пожарных организаций. Из них 441 добровольное общество действовало в 784 городах, т.е. фактически в каждом втором городе общественность не стояла в стороне от решения пожарного вопроса. На селе такой активности явно не наблюдалось. На 369768 сельских поселениях имелось только 2868 пожарных дружин, т.е. в среднем одна дружина на 125 сел³. При этом распределение дружин по губерниям было явно не равномерным, и эта неравномерность, в сущности, отражала позицию губернского земства в отношении обеспечения пожарной защиты населения.

Даже самая многочисленная пожарная дружина была не в состоянии эффективно тушить пожары без пожарного оборудования. Оно должно было храниться в отапливаемом помещении, иначе использовать пожарные инструменты зимой было невозможно. Хотя сельские дружины получали финансирование в виде пожертвований их членов, этих денег не хватало на закупку дорогостоящей пожарной техники. Реальную помощь в финансировании могло оказать только местное земство.

По данным статистики в первую тройку по количеству добровольных пожарных дружин вошли Пермская (476 дружин), Псковская (271) и Ярославская (207) губернии. Владимирская губерния в этом списке занимает достойное 11 место (81), оставив далеко позади Нижегородскую (46), Костромскую (11), Курскую (8), Вятскую (7) и многие другие российские губернии⁴.

Организация в деревнях добровольных дружин относилась к наиболее эффективным противопожарным мерам. Принцип деревенской застройки уже представлял собой повышенную степень пожарной опасности. В жаркие летние месяцы частота пожаров резко возрастала. Несмотря на все предостережения и запреты, население проявляло халатность в обращении с огнем, что и являлось основной причиной пожаров. Противостоять огню можно было только организованными действиями дружинников, при условии наличия пожарного оборудования и источников водоснабжения.

Существенную помощь в закупке пожарных инструментов могло оказать земство. В 1903 году в целом по России на пожарную безопасность земствами было затрачено около 3 млн. руб. По этому показателю Владимирское земство вместе с Пермским и Харьковским земствами вошло в тройку лидеров.

Подтверждение реальной заинтересованности Владимирского земства в оказании помощи населению в борьбе с пожарами можно найти в отчетах добровольных пожарных дружин. В селе Кохма добровольная дружина начала свою работу в декабре 1898 года. Предварительно по инициативе земства был проведен сельский сход, на котором и было принято решение ходатайствовать перед Владимирским губернатором о разрешении организовать в Кохме пожарную дружину. Количественный состав ее превышал 100 человек. В первый же год ее существования жители почувствовали результаты проделанной добровольцами работы. В 76 домах были устранены неисправности в печном отоплении, на улицах высажены лиственные деревья, расчищены пруды и приведены в порядок подъезды к ним. На следующий год ремонт печей был произведен уже в 117 домах, и пожаров по причине неисправности печного отопления не возникало. Поскольку проведение противопожарных мероприятий требовало специальной подготовки, то в целях приобретения навыков работы с пожарными инструментами для добровольцев устраивались тренировочные занятия.

Дружина ежегодно получала от земства и финансовую поддержку в размере 300 рублей. Поскольку доход дружины от членских взносов составлял чуть больше ста рублей, деньги, полученные от земства, были хорошим

подспорьем в закупке нового оборудования и ремонте старого. Кохомская дружина имела в наличии 3 пожарных насоса, набор выкидных и забирных пеньковых рукавов, 3 лестницы, 6 бочек, железные ведра, багры, ломы и лопаты⁵. Все оборудование хранилось в охраняемом сторожем сарае. Хотя этот набор оборудования может показаться скромным, но в конце XIX века даже у городских пожарных команд обоз не всегда был так укомплектован.

Не менее основательный набор пожарных инструментов был и у Тимошкино-Нежиловской пожарной дружины Шуйского уезда. Кроме ежегодного пособия земство выделяло дружинникам небольшую сумму денег за каждый потушенный пожар⁶. Финансовая помощь земства позволяла добровольным дружинам увеличивать пожарный обоз, поощрять наиболее отличившихся при тушении пожаров членов команды.

В заключение необходимо отметить, что благодаря своевременной помощи добровольных дружин в селах губернии были сохранены сотни домов, и многие крестьянские семьи не лишились крова. Немаловажное значение для укрепления пожарной безопасности имеет и тот факт, что силами дружинников среди населения проводилась большая профилактическая работа.

¹ Владимирец. 1906. №2. С. 4-9.

² Ландезен Ф. Э. Пожары, причины их и способы предохранения от огня. СПб. 1887. С. 10.

³ Страховое дело. 1910. № 10-11. С. 584.

⁴ Там же. С. 585.

⁵ Вестник Владимирского губернского земства. Владимир. 1901. С. 41.

⁶ Отчет Тимошкино-Нежиловской пожарной дружины общему сходу членов дружины. Владимир. 1917. С. 2.

**Т. А. КРАСНИЦКАЯ,
Т. Ю. ГРИГА**
(г. Шуя)

ХРЕНОВСКАЯ ЦЕРКОВНО-УЧИТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Хреново – старинное село, расположенное в 3 км к северо-западу от современного г. Вичуга на дороге к пос. Старая Вичуга. В нем издавна существовал храм Покрова. В 1828 году здесь была построена новая каменная церковь. При этом храме в 1884 г. была открыта церковно-приходская школа, которая первоначально помещалась в церковной сторожке. В Хренове находилась единственная в Костромской губернии церковно-учительская школа. Подобного учебного заведения не имела даже Владимирская губерния. В 1897 году попечителем школы стал тезинский фабрикант Иван Кокорев. На его деньги под здание начальной школы было приспособлено отдельное строение, стоявшее близ сторожки, в котором могли помещаться уже свыше 60 учащихся. Но количество желающих учиться было столь велико, что решено было построить новое каменное здание, чтобы разместить в нем церковно-приходскую школу уже повышенного типа – второклассную для подготовки учителей школ грамоты. 22 мая (4 июня) 1900 года состоялась торже-

ственная закладка нового каменного здания. В 1902 году строительство школьного здания было завершено. Оно строилось на средства попечителя А.И. Кокорева и Училищного при Св. Синоде Совета. Но построенное здание по своим размерам превышало потребности второклассной школы, поэтому вместо нее была открыта церковно-учительская школа. В верхнем этаже школы находились классы, рекреационный зал и библиотека, в среднем – спальные комнаты, квартира для учителя пения, в нижнем – кухня, столовая и гардероб. При школе существовали все хозяйственные службы.

Школа готовила учителей для начальных школ всех типов. В нее принимали юношей от 15 до 17 лет, окончивших второклассные школы и другие учебные заведения «курс которых был не ниже». При поступлении сдавали экзамены в пределах программы второклассных школ (письменный и устный экзамен по русскому языку, арифметике, Закону Божьему, церковно-славянскому языку, истории, географии и пению). В это учебное заведение поступали из разных губерний: Владимирской, Нижегородской, Вятской, Вологодской, Ярославской, Новгородской. Так, из Владимирской губернии в 1904 году обучались 1 в первом отделении, 8-во втором, 10-в третьем¹.

В церковно-учительской школе преподавали Закон Божий, церковную историю, дидактику, «главные основания педагогики», церковное пение с обучением регентованию и музыке, церковно-славянский и русский языки, историю литературы, всеобщую и русскую историю, географию, арифметику, сведения о природе, силе и ее явлениях, черчение и рисование, гигиену. Дополнительно обучали столярному, токарному, переплетному ремеслам, сельскому хозяйству, гимнастике и военному строю. «Трёхлетняя программа обучения в этой школе, – вспоминал социолог Питирим Сорокин (учащийся этой школы), – была намного более продвинута, студенты и учителя более сильны, библиотека и учебное оборудование лучше, чем в начальной и второклассной школах, которую я посещал ранее. Я был вполне счастлив в течение двух лет занятий в церковно-учительской школе. За малым исключением, лекции и учебники были интересны и содержательны...»².

Большинство учеников школы проживали в общежитии. Пребывание в нем не было бесплатным. В 1905-06 г. каждый «своекоштный» платил «за помещение и стол» 50 рублей, а в 1909 г. – 80 рублей³. Оплата вносилась постепенно в течение года. Беднейшие ученики могли пользоваться «полным готовым содержанием, платьем и бельем», если получали казенную стипендию.

Церковно-учительская школа обеспечивалась средствами казенного ведомства и попечителя И. А. Кокорева. Последний нес расходы по текущему содержанию школы. Учителям выплачивал прибавку к жалованию, а лучшим и беднейшим ученикам – стипендии. Продолжая традиции церковной благотворительности, попечитель ежегодно устраивал на Рождество ёлку с подарками для детей, а на Пасху дарил отрезки ткани на одежду: мальчикам – на «пару», девочкам – на платье. И. А. Кокорев был также благодетелем Покровской церкви в Хреново. При ней на его средства содержался очень хоро-

ший хор. О значимой поддержке попечителя говорили в 1905 году первые выпускники школы: «...если мы получили образование, если поднялись из среды тёмного крестьянства до степени учителей и просветителей народных, то этим мы всецело обязаны Ивану Александровичу, как лицу, создавшему достойную для нас школу... Многие из нас учились на средства Ивана Александровича. Ему мы обязаны улучшением нашего стола в большие годовые праздники. Он же заботился о том, чтобы доставить нам здоровые и полезные развлечения, каковым является устройство катка. Он, наконец, капитально увеличил нашу школьную библиотеку и, таким образом, дал нам могучее средство к пополнению и расширению нашего образования и развития»⁴.

Хреновская церковно-учительская школа без изменений просуществовала до 1918 года. Затем она была преобразована в учительскую семинарию. После революции Хреновская учительская семинария по-прежнему продолжала готовить учителей. В 1920 году на ее базе были организованы трехгодичные педагогические курсы. Год спустя был открыт педагогический техникум, переименованный позже в Вичугское педагогическое училище. За годы работы училище выпустило свыше 2000 квалифицированных учителей начальных классов, многие из которых стали заслуженными учителями, научными работниками.

В военное время в Вичугском педагогическом училище располагался госпиталь за № 5036. Он был открыт осенью 1941 г. как эвакуированный из Полтавы и просуществовал до осени 1942 г. С этого времени и до осени 1943 г. действовал местный госпиталь, где работали местные жители. В с. Хреново располагалось главное здание госпиталя, а его филиал – в деревне Марфино Вичугского района. По рассказам бывших работников Никифоровой Марии Петровны (работала на кухне), Малафеевой Клавдии Петровны (была медсестрой в эвакуированном госпитале), Зиминой Софьи Михайловны (медсестры), сам госпиталь располагался в здании школы. В зданиях современного общежития и начальной школы располагалось общежитие для работников госпиталя. Кухня размещалась в подвальном помещении, в доме возле кладбища — канцелярия. Палаты для раненых были большими: на 25 человек и более. Существовала отдельная палата для комсостава. Тяжелораненых не было. По воспоминаниям Никифоровой Марии Петровны, смертельный случай один, по неточным данным, фамилия бойца была Овсяненко и похоронен он на кладбище в Хреново. По воспоминаниям Малафеевой Клавдии Петровны, медсестры сами, своими силами, в любое время суток ездили в город Вичугу за ранеными, сами выгружали их из вагонов, размещали в машинах и увозили в госпиталь⁵.

Выпускники училища с благодарностью вспоминают многих педагогов: преподавателя русского языка и литературы Николая Константиновича Чистосердова, преподавателя педагогики Александра Алексеевича Круковского (коллега Анна Васильевна Кузнецова называла его «ходячей энциклопедией»), преподавателя истории Ивана Васильевича Ильина. Последний в трудные предвоенные и военные годы (1935-1942 гг.) был директором этого

училища. В 1951 году Иван Васильевич был назначен директором Шуйского учительского института, на базе которого в 1952 году был открыт педагогический институт. «Иван Васильевич пользовался огромным авторитетом в институте и за его пределами. Очень требовательный, в первую очередь, к себе и подчиненным. В отношении интересов государства, общества, института был неумолим и подчас даже жесток. Поэтому не зря, наверное, его друзья, да и студенты тоже за глаза называли его “Иваном Грозным”»⁶.

В 50-е гг. и до закрытия училища работали преданные своему делу заслуженный учитель РСФСР, преподаватель русского языка Русова Надежда Николаевна, литературовед Русов Владимир Андреевич. Оба являлись выпускниками этого училища. В этом образовательном учреждении преподавал выпускник Тимирязевской с/х академии Смирнов Василий Васильевич. При нем в училище выращивали даже виноград. Здесь училась с 1946 по 1950 гг. Маслова Валентина Леонидовна – моя бабушка по папиной линии. Окончив училище и получив диплом по специальности учителя начальных классов, Валентина Леонидовна поступила на работу в Кинешемскую школу. В течение жизни она поменяла множество мест жительства (муж был военным моряком). Записи в трудовой книжке подтверждают, что проработала она учителем длительное время. Видимо, от бабушки мне передалась любовь к профессии педагога⁷.

Все годы существования популярность учебного заведения была высокой, конкурсы достигали до 10 человек на место. В 1956 году педучилище было преобразовано в интернат. С 1981 года – в коррекционную школу, в которой живут и учатся дети с речевой патологией. В настоящее время в интернате живет около 180 детей, многие из которых – сироты.

Прошло более ста лет со дня открытия церковно-учительской школы, но по сей день Хреновское учреждение одно из немногих в нашем крае сохранило образовательную традицию.

¹ Владимирские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1904. № 18. С. 539-540.

² Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография.- М., 1992. С. 37

³ ВЕВ. 1905. № 11. С. 314; 1909. № 16. С. 115-116.

⁴ Из фондов Хреновской школы-интерната

⁵ Там же.

⁶ Цит по: Университет в движении времени: традиции, инновации. – Шуя, 2007. С. 7.

⁷ Примеч.: о бабушке рассказывает внучка Т. Ю. Грига, студентка Шуйского государственного педагогического университета

С. Л. ЗЯБЛОВА
(г. Кострома)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА ПАЛЕХА в кон. XIX – нач. XX в.

В музее художественного училища Палеха есть фотография вековой давности, на которую нельзя смотреть без волнения. На ней запечатлены 10 её учредителей, организаторов и гостей. Среди них Стягов Е. И., заведующий

Палехской мастерской, Чихачев Н. П., священник села Палех, Зарин Е. А., художник, заведующий Холуйской учебно-иконописной мастерской. Первое, что поражает в этом снимке – глубина и сила духа собравшихся. И это не личное или индивидуальное состояние присутствующих, а соборная готовность служить высокому искусству. Какие живые лица, как много говорят они о времени, когда вечные ценности ещё не утрачены и не обезличены. Становится ясно, что эти люди собрались не случайно, а объединила их та духовная сила, которая привела иконописную школу Палеха к художественному училищу.

В истории затерялись следы возникновения Палеха. Хотя стоял он среди дремучих лесов и не одно столетие, но каких только умельцев не давал он народу во все времена! Были искуснейшие столяры, позолотчики, чеканщики по левкасу, по серебру и золоту и, конечно же, знаменитые иконописцы. Из поколения в поколение по крупницам они собирали всё лучшее, что дала древняя живопись Новгорода, Москвы, Пскова, Ярославля, Византии. Создавалось нечто своеобразное – палехское искусство. Труден и тернист был путь становления иконописной школы Палеха. В 1900 г. иконописцы Палеха, Мстеры и Холуя подали прошение государю Николаю II о своём бедственном положении. Откликом на этот призыв о помощи послужило учреждение 19 марта 1901 г. Высочайше учреждённого Комитета попечительства о русской иконописи. Председателем Комитета был назначен член Государственного Совета, историк, граф Сергей Дмитриевич Шереметев, управляющий делами Комитета утверждён тайный советник, академик Никодим Павлович Кондаков. Свою деятельность Комитет попечительства начал с расширения художественного образования. 11 мая 1902 г. в канцелярию Владимирского губернатора поступило письмо с просьбой оказать содействие в открытии школ иконописи: «Высочайше учреждённый Комитет попечительства о русской иконописи предполагает в самом непродолжительном времени открыть учебные иконописные мастерские в селах Мстере, Холуе и Палехе Вязниковского уезда Владимирской губернии, на основании утверждённого лично Николаем II 21 марта 1902 г. Временного положения о сих мастерских. Уполномоченным Комитета по приведению в исполнение настоящего предложения назначен коллежский советник В. Т. Георгиевский. 16 мая 1902 г. за № 3403 из канцелярии губернатора был выслан предписание Вязниковскому уездному исправнику: «... Открыть учебные иконописные мастерские в селах Мстере, Холуе и Палехе вверенного Вам уезда...»¹.

Началом государственного образования в Палехе послужило открытие 22 июня 1902 г. учебно-иконописной мастерской. Церемония открытия школы в Палехе была очень торжественной. В отчёте уполномоченного Комитета В. Т. Георгиевского подчёркивалось, что ученики были «достойно приготовлены к вступлению в учебную мастерскую посредством исполнения христианского долга поста, исповеди и святых тайн причастия». Само открытие символично происходило в праздник Нерукотворного Спаса. В местном Крестовоздвиженском храме было совершено праздничное богослужение в честь

Нерукотворного образа. После литургии от храма до здания школы был совершён крестный ход с иконами, которые «несены были самими детьми». Местный священник И. Рождественский произнёс речь, в которой излагались «огромное знание для христиан святых икон»². Её заведующим был назначен выпускник Императорской Академии художеств Евгений Ипполитович Стягов. Е. И. Стягов получил свидетельство 1-го разряда за подписью И. Е. Репина и В. Е. Маковского, что он выдержал установленное испытание в методике рисования, получил звание классного художника 2-й степени и право преподавать рисование в средних учебных заведениях. В 1916 г. ему пришлось подтверждать на право ношения академического серебряного значка. Мастерская содержалась на средства Государственного Казначейства, за счёт поступлений от разных учреждений и обществ, пожертвований от частных лиц.

В эту школу принимались дети от 10 до 15 лет. Среди первых учеников были Маркичев М., Колесов И., Голиков В., Зиновьев Н., братья П. и М. Корины, Н. М. Парилов, М. И. Парилов, Д. А. Хренов, А. Вицын, В. Ковшов и др. Всего 23 человека.

Основными учебными предметами были иконопись и Закон Божий. Историю искусств, рисунок, живопись, перспективу и понятие о тенях, черчение, сведения по анатомии человека и композицию вёл Е. И. Стягов. Преподавателями иконописания были приглашены лучшие иконописцы из сафоновской мастерской: личник Парилов М. П. и доличник (платьечник) Варварин И. А., а позднее – Баканов И. М. и Бабанов К. С. Церковную археологию, иконографию и Закон Божий вёл Чихачев Николай Петрович, протоиерей с. Палех. Обучение детей велось в том же порядке, что в частных иконописных мастерских, но в отличие от них учили писать всю икону, от начала до конца, в византийском и древнерусском стилях. Для этой цели преподаватели специально выполняли оригиналы. Один из таких оригиналов представлен в экспозиции местного дома-музея Корина. Это четырёхчастная икона «Благовещение с четырьмя евангелистами». На обороте иконы есть надпись: «сей образец писали доличник Иван Алексеевич Софонов (Варварин) лики Михаил Петрович Парилов в 1902 г.».

1903 г. уполномоченный Комитета доложил о ходе занятий в учебных иконописных мастерских. По убеждению В. Т. Георгиевского, «учебные иконописные мастерские ведут успешно свое дело и пользуются общим уважением и поддержкой местного населения. Ощущается лишь нужда в помещении, и особенно в Палехе. Существующие здания не могут вмещать всех желающих учиться иконописанию. Постройка здания для мастерской является неотложною необходимостью». К сожалению, ходатайствовать об ассигновании кредита не решились, так как вскоре началась русско-японская война.

Первого мая 1906 г. состоялся первый выпуск палехских учебных мастерских. Все выпускники получили свидетельства на звание мастеров-иконописцев, довольно внушительные по размерам документы. «Положительными сторонами преподавания учебно-иконописной мастерской следует

считать не только разделение будущих мастеров на доличников и личников, но и расширение их умственного кругозора преподаванием истории искусства, костюма, быта, обстановки, археологии», – отмечал профессор Бакушинский в книге «Искусство Палеха» в 1934 году.

Палехские учебно-иконописные мастерские просуществовали до 1918 г.³ Известно, что в них прошли обучение Котухин В. В. (1908-1912), Блохин А. А. (1911-1915), Баранов А. С. (1914-1917), Суслов И. П. (1915-1918) и др. Среди её последних учеников был известный художник лаковой миниатюры П. Д. Баженов, ставший в последствии первым учеником Артели древней живописи (1924), основоположники которой успешно решили вопрос о подготовке молодой смены миниатюристов.

В 1926 г. после объединения бывших иконописцев в «Артель древней живописи», началось обучение мастерству палехской росписи. Постепенно ученичество начало расширяться. Была организована Палехская профшкола древней живописи. В марте 1935 г. Постановлением СНК СССР профшкола была реорганизована в художественный техникум им. А. М. Горького. С 1976 г. техникум перешёл из Наркомпроса в ведение Всесоюзного Комитета по делам искусств и был переименован в Палехское художественное училище им. А. М. Горького.

В 1975 г. открылось новое здание художественного училища. Оно располагало 7 аудиториями по профилирующим дисциплинам (мастерство палехской росписи и композиция), 5 аудиториями по специальным предметам (рисунк, живопись, цветоведение, пластической анатомии и перспективы), истории народных промыслов), кабинетами общеобразовательных дисциплин. Имелась богатая библиотека, общежитие на 130 мест, актовый зал, два физкультурных зала. Работала выставка-салон, методический кабинет, фонд оригиналов, фонд дипломных и курсовых работ.

Учебный процесс вели 14 штатных преподавателей. Из них два имели звание Заслуженный работник культуры Российской Федерации, шесть были награждены знаками «За достижения в культуре», пять имели высшую квалификационную категорию.

В настоящее время в учебной программе училища одна специальность – палехская лаковая миниатюра. Студенты работают на пленере, расписывают лаковые миниатюры из папье-маше, традиционными для Палеха яичными красками стены церквей, общественных зданий и детских учреждений. В Палехском художественном училище в 2002 г. обучалось более 130-ти студентов. За 70 лет обучения получили образование более 900 художников. Некоторые из них стали лауреатами различных премий, удостоены высоких званий. Известные выпускники училища: народный художник СССР Котухина А. А.; народный художник РСФСР: Голиков Н. И., Кочупалов А. Д.; народный художник РСФСР и лауреаты Государственной премии Кукулиев В. Н. и Кукулиева К. В. и др.

Палехское искусство, развиваясь в присущей ему целостности, воссоздавало свои ценности. Из достижений Палеха за последние десятилетия

можно выделить то главное, что составляет и определяет сущность его деятельности. Во-первых, это собственный рост, активное возвращение художников-палешан к иконописанию и воскрешение православных традиций. Второе – способность охватить представителей разных поколений, тем самым поддерживать преемственность в искусстве, необходимую для его жизни, помогать выращивать династии мастеров, что стало его традицией. В третьих, очень важное для художника, умение не изменить главному генеральному направлению искусства Палеха «От иконы к лаковой миниатюре и снова к иконе». Эту способность отстаивания подлинного искусства как чуда, входящего в современную жизнь неповторимыми своими особенностями национальной духовности, жизненной энергии, подтверждают работы выпускников художественного училища села Палеха, которые выставляются не только в музеях России, но и в галереях в Голландии и Бельгии.

1. Известия Высочайше учреждённого Комитета попечительства о русской иконописи. Вып. 2. СПб., 1903. С. 29-33, 51.
2. История Палехской Иконописи. Вып. 2. 1903. С. 50-52.
3. *Соколова Г.* Мы вас научим кистью управлять // Призыв. 2002. 22 июня.

Е. А. ОЗЕРКОВА
(г. Шуя)

О ЧИСЛЕ ШКОЛ, УЧАЩИХ И УЧАЩИХСЯ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНКОЙ ГУБЕРНИИ к началу 1920-х годов

Модернизация системы народного образования ставит задачу исторического переосмысления процесса становления модели образовательной среды советского времени и формирования нового поколения учащихся, политики властей по отношению к педагогическому составу образовательных учреждений. Необходимость обращения к истории народного образования, в целом, и школьного, в частности, обусловлена тем, что какая бы система образования ни была создана в стране, этот вопрос невозможно решить, не учитывая опыта советских лет.

Начало 20-х годов для Иваново-Вознесенской губернии, как и для всей страны, ознаменовалось господством глубоко кризиса в системе школьного образования: финансового, кадрового, возникла проблема содержания образования. О состоянии народного образования и культурно-просветительской работы в начале 20-х годов можно судить на основании выводов по итогам обследования тридцати двух губерний: «...Развал просвещения в стране достиг столь крайнего предела, за которым начинается такой мрак и невежество, по сравнению с которым положение вещей в безграмотной России времени самодержавия кажется сравнительно культурным состоянием...»¹. Поэтому с самого начала своей деятельности советское правительство стремится определить основные направления в области просвещения, образования и воспитания народных масс, взяв за основу идею К. Маркса о соединении обу-

чения с производительным трудом – главный принцип работы общеобразовательной школы.

Осенью 1918 года ВЦИКом было утверждено «Положение о единой трудовой школе» и опубликовано одновременно с «Основными принципами единой трудовой школы» («Декларацией»). Вместо многочисленных типов и видов школы - начальных, повышенных, средних, обслуживающих детей различных сословий и классов, учреждалась единая трудовая школа с разделением на две ступени: I (дети от 8 до 13 лет; пятилетний курс) и II (от 13 до 17 лет; четырехлетний курс).

К началу 1919 учебного году в Иваново-Вознесенской губернии сложилась следующая ситуация. По спискам уездных отделов народного образования число школ в губернии составило 784, из них: 46 школ 2 ступени. В городах Иваново-Вознесенской губернии в среднем на три школы I ступени приходилась одна школа II ступени:

Например,

г. Иваново-Вознесенск: 25 школ I ступени – 7 школ II ступени;

Шуйский уезд: 15 школ I ступени – 4 школы II ступени;

Кинешемский уезд: 15 школ I ступени – 7 школ II ступени².

Если в школе I ступени обучение носило общеобразовательный характер, то школа II ступени по своей общеобразовательной подготовке и профессиональной направленности стояла ближе к производству. Основная масса школ I ступени в городах имела по 4 и 5 отделений, а в селениях – по 3 и 4.

Общее количество учащихся в школах, от которых были получены сведения, – 48763 в школах I ступени и 3893 в школах II ступени. Причем на 100 мальчиков приходилось девочек в школах I ступени: 90 (город) и 106 (селение), II ступени: 80 (город) и 70 (селение).

Несмотря на обязательное образование для всех детей обоего пола до 17 лет, имели место случаи отказа в приеме в образовательное учреждение I ступени (8,6% в городах и 4% в селениях от числа всех вновь поступивших). Среди главных причин первое место занимает «теснота помещений» (около $\frac{3}{4}$ случаев в городах и половины в селениях), далее – недостаток учительского персонала (оказал влияние лишь в 13% случаев).

В 1918-19 учебном году в губернии по школам на основании поданных отчетов уездных отделов образования численность педагогического коллектива составила 2018 учащихся, из которых 25% учителей (509 человек) .³

По школам разных ступеней, по месту нахождения, по полученному специальному педагогическому образованию учителя распределялись следующим образом⁴:

	Школа I ступени			
	число школ по спискам	число школ, от которых получены сведения	общее число учащихся	получившее спец. педагог. образование
Город	70	56	487	33

Селение	668	582	1255	153
ИТОГО:	738	638	1742	186

	Школа II ступени			
	число школ по спискам	число школ, от которых получены сведения	общее число учащихся	получившее спец. педаг. образование
Город	21	10	134	134
Селение	25	22	142	142
ИТОГО:	46	32	276	276

Преподаватели в школах II ступени, согласно установленным правилам, должны обладать специальным педагогическим образованием. В школах I ступени образование имели 31% мужчин и 6% женщин. Положение «О единой трудовой школе» устанавливало, что «число учащихся на одного школьного работника не должно превышать 25 человек...»⁵, таким образом, общее количество школьных работников в каждом заведении можно определить исходя из этой нормы. Так, в Шуйской 12 школе I ступени (1 Шуйская семилетняя практическая школа) на 17 преподавателей приходилось 207 учеников⁶.

К началу 20-х годов в городах и селениях Иваново-Вознесенской губернии работали различные общеобразовательные учреждения, но, к сожалению, отличавшиеся отсутствием единообразия. Процесс их работы оставался зачастую бесконтрольным, что приводило к их распаду и закрытию.

¹ Кисилева Т. Г. Народное образование и просвещение в России: реальность и мифы: Монография. – М., 2002.

² Иваново-Вознесенский губернский ежегодник. 1920.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ежемесячник Статистики Народного Образования. 1919. №1.

⁶ Муниципальный архив г.о. Шуя. Ф. 126. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

А. Ю. КАБАНОВ

(г. Иваново)

СЕМЕН ФЕДОРОВИЧ ГРИБУНИН: ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Сегодня имя видного земского и политического деятеля бывшей Костромской губернии Семена Федоровича Грибунина практически забыто. Данная работа представляет собой попытку исправить эту историческую несправедливость.

Дворянский род Грибуниных издавна владел поместьями на территории современного Лухского района. Еще в апреле 1761 года среди дворян, проживающих в Лухской округе, фигурировал подпоручик Семен Грибунин¹. Там в 1820 году дворянин Петр Грибунин владел частью деревни Станово,

существующей и поныне². Несмотря на скромный размер своих владений, Грибунины были щедрыми вкладчиками лухских храмов. В 1823 году из Лухского собора с иконы Федоровской Божьей Матери были похищены серебряный оклад и венец, осыпанные жемчугом, пожертвованные храму женой протоколиста Надеждой Грибуниной. По оценке они стоили 149 рублей 32 копейки³.

Семен Федорович Грибунин родился в 1868 году в окрестностях Луха. Он окончил Алексеевское военное училище. Однако военная служба Семена Федоровича продолжалась недолго. Заключив удачный брак, он выходит в отставку и поселяется в имении Малиново в трех верстах от Луха⁴. Владения С. Ф. Грибунина состояли из 280 десятин земли⁵. На этих землях владелец внедрял высокую культуру земледелия и прогрессивные методы обработки земли. Семен Федорович активно участвовал в общественной жизни Юрьевецкого уезда. Совсем еще молодым человеком, он избирается уездным предводителем дворянства, получает чин статского советника.

По долгу службы он председательствует на уездных съездах, возглавляет уездные присутствия по воинской повинности и военному налогу, уездную землеустроительную комиссию, тюремное отделение, училищный Совет, уездное попечительство детских приютов. Кроме того, Семен Федорович Грибунин активно участвует в деятельности различных благотворительных организаций. Он возглавляет отделение попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых, состоит в земском комитете помощи больным и раненым воинам, в Костромской губернской архивной комиссии⁶.

Известным земским деятелем был и его двоюродный брат коллежский советник Василий Петрович Грибунин, проживавший в усадьбе Антонцово. Он являлся председателем Юрьевецкой уездной земской управы. Кроме того, возглавлял общество любителей драматического искусства в г. Юрьевце. Это было не случайно. Многие члены семьи Грибуниных оставили заметный вклад в истории отечественного театрального искусства. Прежде всего, это относится к родному брату Семена Федоровича – Владимиру Федоровичу Грибунину (1873-1933 г.г.). С момента основания и до самой смерти Владимир Федорович играл на подмостках знаменитого МХАТа. Его талант высоко ценили А. П. Чехов, М. Горький, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко. В. Ф. Грибунин стоял у истоков отечественного кинематографа. Первые фильмы с его участием были созданы еще до революции. В. Ф. Грибунин был удостоен звания заслуженного артиста республики, заслуженного деятеля искусств РСФСР. После кончины был похоронен на Новодевичьем кладбище. Женой Владимира Федоровича была великая русская актриса, Лауреат Ленинской и Государственной премий, народная артистка СССР Вера Николаевна Пашенная.

Известной актрисой была и сестра Семена Федоровича – Александра Федоровна Грибунина, игравшая в Малом театре, а затем в Ленинградском драматическом театре вместе с двоюродной сестрой Марией Петровной Грибуниной. Сын Марии Петровны – Анатолий Иванович Добкевич (1896-1942),

заслуженный артист РСФСР, работал в Иванове, Харькове, Киеве, Одессе, Симферополе. Во время войны вместе с женой известной актрисой Александрой Перегонец принимал активное участие в работе подпольной группы сопротивления, был схвачен гестапо и казнен⁷.

Близкому родственнику знаменитых актеров – Семену Федоровичу Грибунину выпала участь принять активное участие в целом ряде драматических событий, разворачивающихся в России в 1910-х годах. Этому способствовало его избрание депутатом IV Государственной Думы от съезда землевладельцев Костромской губернии. Семен Федорович проявил себя как политик либеральных взглядов, критически настроенный по отношению к правительственному курсу. Он входит во фракцию прогрессистов, одним из лидеров которой был также наш земляк, Александр Иванович Коновалов.

В Думе Грибунин работал довольно активно. Он входил в комиссию о печати, законодательных предположений и бюджетную, два раза выступал на заседаниях Думы, подписал шесть законодательных предположений, шесть заявлений о запросах и одно заявление⁸. Выступления Грибунина тех лет далеки от верноподданнических настроений большей части российского дворянства.

На состоявшемся 7 октября 1915 года Экстренном Костромском губернском дворянском собрании Семен Федорович выступал с резкой критикой Совета объединенного дворянства, требовавшего роспуска Государственной Думы. «Когда костромское дворянство присоединилось к этой организации, – сказал в частности С. Ф. Грибунин, – я был противником этого объединения. Организация это – чисто политическая, преследующая узко сословные цели и присоединение к ней всего костромского дворянства насилувано волю многих дворян. Если в мирное время это присоединение еще было допустимо, то теперь, когда страна напрягает все силы для борьбы с грозным врагом, а совет объединенных дворянских обществ встал на такой путь, по которому идти недопустимо – участие в объединенном дворянстве не должно быть... Нам надо уйти из этой организации». По предложению С. Ф. Грибунина костромское дворянство единогласно вышло из объединенного дворянства⁹.

5 декабря 1915 года при окончании прений по продовольственному вопросу на заседании Государственной Думы, Грибунин выступил с резкой критикой правительства. «На вопрос, поставленный правительству, – отмечал он в своем выступлении, – Государственная Дума до сих пор ответа не получила, разговоры, которые министр земледелия вел в закрытой комиссии, от ответом считать нельзя. Ведь понятно, что для того, чтобы выйти из настоящего положения дела, надо поднять всю Россию до самых низов, а это можно делать только тогда, когда министр публично и открыто изложит действительное положение дела, ибо лгать вообще плохо, а ничего не говорить еще хуже». Приведя целый ряд ярких примеров отвратительной организации продовольственного дела в родной для Грибунина Костромской губернии, он делает единственный правильный, по его мнению, вывод: «Выход из положения

один. Необходимо ответственное министерство, так как с этим правительством работать нельзя»¹⁰.

В дни Февральской революции С. Ф. Грибунин находится в самом центре общественной жизни. По воспоминаниям В. Д. Набокова, 7 марта 1917 года Семен Федорович принимал участие в заседании Временного правительства, на котором было решено арестовать Николая II и его супругу¹¹.

Временное правительство поручило С. Ф. Грибунину принять участие в аресте бывшего самодержца и сопровождении его в Царское Село.

Вместе с ним в Могилев были отправлены члены Государственной Думы А. А. Бубликов, В. М. Вершинин и С. А. Калинин¹². Из докладной записки В. М. Вершинина Временному комитету Государственной Думы нам известны детали этого, без сомнения, исторического действия. Депутаты, получившие статус комиссаров Временного комитета Государственной думы, выехали в Могилев экстренным поездом с Царскосельского вокзала Петрограда в 23 часа 7 марта без охраны. При десятиминутной остановке в Орше перед собравшейся толпой выступили Бубликов и Вершинин. В 15 часов 8 марта поезд прибыл на станцию Могилев. Здесь депутатов встречал товарищ министра путей сообщения генерал Кисляков и значительное количество публики. С краткими приветствиями к собравшимся обратились Бубликов и Грибунин. После краткой беседы с начальником Генерального Штаба генералом М. В. Алексеевым, выделившим для ареста Николая II десять солдат гвардейского железнодорожного батальона, комиссары отправились к поезду вдовствующей императрицы Марии Федоровны, где находился бывший император. Генерал Алексеев сообщил ему постановление Временного правительства. Николай II перешел в предназначенный для него поезд, который в 16 часов 50 минут отбыл из Могилева. Без каких-либо эксцессов поезд на следующий день в 11 часов 30 минут прибыл в Царское Село. Передав арестованного начальнику местного гарнизона, депутаты отбыли в Петроград¹³.

В дальнейшем от политики Семен Федорович отошел, после октябрьского переворота вернулся на родину. Его авторитет был настолько высок, что Совет и комитет бедноты Благовещенской волости Юрьевецкого уезда постановили вернуть ему захваченные было земли и скот, а усадебные парк и сад были взяты под охрану. Однако это продолжалось недолго. В начале июля 1918 года по доносу демобилизованного солдата Совет и комбед в с. Благовещенье были распущены, а их руководители арестованы. Имущество С. Ф. Грибунина было конфисковано и роздано беднякам.

О дальнейшей судьбе С. Ф. Грибунина к сожалению сведений не имеется. От его усадьбы уцелел лишь пруд да остатки некогда прекрасного парка.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.999. Оп. 1. Д. 9а. Л.2.

² Библиотека Ивановского государственного университета. Дело Лухского Собора Костромской Епархии. 1820-1837 гг. Л.79.

³ Там же. Л.115.

⁴ Волков Ф. Крепостное право в Лухском уезде // «Колхозная правда». № 42. 9 апреля 1987 г

⁵ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам (части I-V). Четвертый созыв. Сессия II. Заседание 1-111 (15 октября 1913-14 июня 1914 гг.) СПб., 1914. С.108-109

⁶ Костромской губернский адрес-календарь за 1915 год. Кострома. 1915. С.148-157

⁷ Подр. см.: *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. М. 2003; *Демин А.* Популярная энциклопедия кино ивановского края. Иваново. 2002; *Толченова Н. П.* Живая Пашенная. М.1969; *Лухский край, земля заповедная.* Иваново, 2003. и др.

⁸ Государственная Дума... С. 108-109

⁹ Известия Костромского губернского земства. 1915. №6. С. 51-52

¹⁰ Там же. 1916. №2. С. 9-10.

¹¹ *Набоков В. Д.* Временное правительство. В кн: Архив русской революции. Кн. 1. Т. 1. М., 1991. С. 9-97, С. 31.

¹² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Л. 15.

¹³ Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 826. Л. 3-4 об.

Н. Н. НЕСТЕРЕНКО

(г. Иваново)

КАК ЖИЛА «ЭЛИТА»: МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ И КОММУНАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ РАБОЧИХ-УДАРНИКОВ г. КОСТРОМЫ

Жилище всегда являлось одним из главнейших материальных условий жизни любого человека наряду с пищей, одеждой и т.д. Размер жилища, его качество и обустройство, а также санитарное состояние непосредственным образом отражались на здоровье и работоспособности человека. В 20-х – нач. 30-х годов XX века жилищный фонд нашей страны состоял по большей части из старых лачуг, землянок, бараков, покосившихся избушек и тёмных полуподвальных помещений, доставшихся в наследство от дореволюционной эпохи. В них и ютились рабочие и их семьи, в тот период составлявшие основную массу населения страны. Так жили многие, но не все. А как же жила «элита» рабочих, лучшие из лучших? На этот вопрос мы и попытаемся дать ответ на примере данных обследования материально-бытовых условий жизни рабочих-ударников города Костромы в 1934 году.

Условия жизни были разными. Кто-то на тот момент имел свой собственный дом, кто-то проживал в рабочем посёлке, а кто-то по-прежнему ютился в малопригодных для жилья каморках. Зачастую условия жизни были далеки от совершенства. Несмотря на то, что рабочие-ударники жили в отдельных квартирах, набор коммунальных услуг был не велик. Как правило, в квартирах имелось электроосвещение и, в лучшем случае, была тёплая уборная непосредственно в доме. Следует также отметить, что то, как и где жил рабочий, зависело от его зарплаты, количества членов семьи и их трудоспособности. К примеру, заработок ударника Русакова В. Ф., работавшего на фабрике X-го Октября, составлял в 1933 году 200 руб. в месяц, кроме него в семье работала ещё и жена, получавшая в то время 150 рублей. Таким образом, общий доход семьи составлял 350 руб. в месяц¹. Этого хватало на то, чтобы содержать всю семью, которая состояла из 6 человек. Русаков проживал в посёлке «Красный обувщик». Общая площадь его квартиры составляла 27 кв.м., соответственно на одного члена семьи приходилось по 4,5 кв.м. при

средней обеспеченности жильём в тот период в 5 кв.м. на человека. Отмечается хорошее состояние квартиры – светлая, чистая. Немало средств расходовалось на оплату жилья и услуг. Так, квартплата составляла 18 руб. в месяц², на отопление уходило 40-50 руб. в месяц, за ассенизацию – 12 рублей, ну и на прочие расходы – 20 руб. В квартире имелось электрическое освещение и тёплая уборная, воду можно было взять в любое время из общего водопровода в посёлке³.

Иначе обстояло дело с жильём ударника Герасимова М. Д., работавшего на той же фабрике. Семья рабочего состояла из 3 человек, мать 65 лет и дочь 3 года, сам Герасимов был «разведенцем». Проживал он практически в центре города, в доме по улице Советской. В квартире было чисто, однако само помещение к жилью было мало пригодно. Оно было приспособлено из кладовой. Кроме того, это помещение было полуподвальным, вследствие чего в квартире была сырость и темень. Ещё в 1928 году при обследовании этой квартиры санитарной комиссией она была признана непригодной к жилью, однако ЖАКТ не принял никаких мер, и ударник продолжал жить в этом полуподвале. Площадь квартиры составляла 17 кв.м., на одного человека приходилось по 5,7 кв.м. площади. Кроме того, в квартире была и кухня – 7 кв.м. Что касается удобств, то в квартире имелось электрическое освещение, воду можно было взять в соседнем доме. Уборная была общая на весь дом, холодная, и находилась во дворе. За квартиру Герасимову приходилось платить по 7 руб. 20 коп. в месяц, на отопление расходовалось примерно 50 руб. в месяц, на ассенизацию – 9 руб., прочие расходы – 15-20 руб.⁴

Некоторые рабочие имели возможность выстроить свой собственный дом. В этот период быстрыми темпами начало развиваться индивидуальное жилищное строительство, которое поощрялось государством. Оно выдавало индивидуальным застройщикам ссуды и оказывало помощь строительными материалами. Так, например, рабочий Круглов А. Я., поступивший на фабрику в 1926 году в качестве чернорабочего, решил улучшить свою квалификацию и через 2 года сдал экзамен на раскройщика. Всё это повлекло, в свою очередь, повышение заработной платы, и уже в 1929 году Круглов смог выстроить свой собственный дом. Общая площадь его квартиры составляла 35 кв.м. На одного члена семьи приходилось по 7 кв.м. жилой площади. Санитарное состояние квартиры было хорошим, она была чистая, сухая и тёплая. В квартире имелось электроосвещение, однако не было водопровода. Водопроводный кран располагался на расстоянии около 1 км от дома. Коммунальных услуг не было⁵.

Особо следует отметить тот факт, что некоторые рабочие имели в квартире радио или же желали его провести. Так, в квартире рабочего Русакова В. Ф., уже упоминавшегося нами, было проведено радио, которое «вполне удовлетворяло всю семью». Однако затем оно было выключено ввиду большой платы годового налога за 1933 год, абонентская же плата за месяц составляла всего лишь 2 рубля⁶. Работник Герасимов так же хотел провести радио в свою квартиру, но не имел возможности это сделать из-за высокой

стоимости и оплаты за пользование радио. Проводка радио со стоимостью репродуктора составляла по тем временам примерно 38-40 рублей, абонентская плата, как уже говорилось, была 2 рубля. К этой сумме ещё добавлялась уплата налога в течение года, согласно постановлению СНК, – 12 рублей⁷.

Таким образом, материально-бытовые условия и коммунальное обслуживание рабочих-ударников значительно отличалось от жилищных и социально-бытовых условий большей части рабочих того времени (как правило, проживавших в общих бараках, съёмных углах и землянках), однако оно всё-таки оставляло желать лучшего. Рабочие продолжали жить в квартирах с минимальным набором коммунальных услуг. Естественно, советские власти шли по пути улучшения жилищных условий рабочих, и в том числе «лучшей» их части – ударников и сверхударников. Необходимо сказать, что именно в этот период были заложены основы планомерного жилищного строительства, многие рабочие семьи получили новые квартиры, тем самым улучшив свои жилищные условия. Но ускоренные темпы строительства, недостаток стройматериалов и квалифицированной рабочей силы, всё это вылилось в не всегда качественную постройку жилых помещений. К тому же отсутствие культуры эксплуатации жилого фонда зачастую приводило к быстрой его порче, загрязнению и упадку.

¹ Государственный архив новейшей истории Костромской области (далее – ГАНИКО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 260. Л. 1.

² Постановление Костромского Горсовета Р., К. и К. Д. О квартирной плате в г. Костроме. Кострома, 1930.

³ ГАНИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 260. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3 об.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

А. М. СЕМЕНЕНКО

(г. Иваново)

А НЕ СХОДИТЬ ЛИ НАМ В БАНИЮ?

(Бани Иваново-Вознесенска и Иванова 2-й пол. XIX – 60-х гг. XX в.)

«Каждый год, 31 декабря, мы с друзьями ходим в баню...» Как известно, именно с этой традиции начались невероятные приключения героя Андрея Мягкова в комедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!». Матушка, помнится, сказала ему: «Шел бы ты в баню!»

«И какой же русский не любит бани!» – можем мы воскликнуть, слегка перефразировав известное изречение Николая Васильевича Гоголя. Русская литература не обошла своим вниманием баню. На память приходят имена Александра Пушкина (в «Путешествии в Арзрум» он описал знаменитые тифлиссские бани), Владимира Гиляровского, Михаила Зощенко, Владимира Маяковского, Бориса Васильева, Василия Шукшина, Владимира Высоцкого, Василия Белова, Владимира Орлова... Отечественный кинематограф, как уже

стало понятно с первых строк настоящего очерка, тоже не избежал банной темы – «А зори здесь тихие», «Неуловимые мстители», «Калина красная», «Гардемарины, вперёд», «Ты – мне, я – тебе!», «Особенности национальной охоты»... Даже из истории импортного синематографа припоминается смешная сцена в турецкой бане в фильме «Большая прогулка» с участием великого французского комика Луи де Фюнеса.

В старину бане придавалось большое значение. У восточных славян был даже специальный дух бани – банник (или баенник). Его обычно представляют в виде крохотного, сильного старичка с длинной, покрытой плесенью бородой. Его злой воле приписывают обмороки и несчастные случаи, порой происходящие в бане. Любимое развлечение банника – шпартить моющихся кипятком, раскалывать камни в печи-каменке и «стрелять» ими в в людей. Отдельные его выходки требуют изрядного запаса терпения, сопоставимого разве что с мужеством партизан-подпольщиков. Например, банный дух может затащить за горячую печку, содрать клочок кожи с живого. Поэтому многие стремились с ним поладить – оставляли свежий веник, хороший пар, лоханку чистой воды для ополаскивания. Не любит банник, когда люди в бане подгоняют друг друга, он сразу начинает выходить из себя. Ну, а коль не повезло и пришлось попасть под горячую руку хозяину бани, то знатоки советуют выбежать из бани прочь и начинать звать Домового или Овинника: «Батюшка! Выручи!». Овинник и Домовой прибегут на помощь и сцепятся с Банником в рукопашной, защищая хозяина. Говорят, Домовой во время битвы советует хозяину: «Сними крестик-то да крестиком его и хлещи...» (М. Н. Семенова «Быт и верования древних славян». СПб., 2000. С. 56-57). И, конечно, нельзя было совершать четвертую помывку в бане – когда люди уходили банник созывал к себе для омовения всю нечистую силу. Человека, нечаянно угодившего на эту банную «пересменку» нечисть запаривала до смерти.

О том, что представляла баня до революции, можно судить по одноименному очерку Владимира Михайловича Гиляровского: *«Единственное место, которого ни один москвич не миновал, – это бани. И мастеровой человек, и вельможа, и бедный, и богатый не могли жить без торговых бань. В восьмидесятых годах прошлого века всемогущий «хозяин столицы» - военный генерал-губернатор В. А. Долгоруков (он фигурирует под фамилией Долгорукий в романе Б. Акунина «Статский советник», а в фильме его сыграл народный артист СССР О. П. Табаков. – А. С.) ездил в Сандуновские бани, где в шикарном номере семейного отделения ему подавались серебряные тазы и шайки. А ведь в его дворце имелись мраморные ванны, которые в то время были еще редкостью в Москве. Да и не сразу привыкли к ним москвичи, любившие по наследственности и веничком попариться, и отдохнуть в раздевальной, и в своей компании «язык почесать». Каждое сословие имело свои излюбленные бани. Богатые и вообще люди со средствами шли в «дворянское» отделение. Рабочие и беднота – в «простонародное» за пятак. Вода,*

жар и пар одинаковые, только обстановка иная. Бани как бани! Мочалка – тринадцатая, мыло по одной копейке».

Любили попариться в баньке и поэт-партизан, генерал, герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов, уже упоминавшийся Александр Пушкин. Причем, Александр Сергеевич между посещением парной любил лакомиться брусничной водой и араком.

Ивановские жители, естественно, бани тоже не чурались. В мемуарах депутата IV Государственной думы, бывшего председателя Иваново-Вознесенского городского Совета Федора Никитича Самойлова встречается описание баньки: *«Однажды моя мать в летний солнечный день топила за маленькой речкой баню. Я гулял на улице и прибежал к матери. В предбаннике стояли несколько глиняных корчаг с водой, приготовленных для нагревания. Я взял палку и начал ею помешивать в одной из корчаг воду, сильно постукивая в дно посуды. Мать говорила мне, что я разобью корчагу и просила бросить это «занятье». Я не слушал и продолжал забавляться. Вдруг дно у посуды лопнуло и вода вылилась. Мать рассердилась, хотела меня наказать. Но я пустился бежать вдоль берега речки и бежал так быстро, что мать не могла меня догнать».* (Самойлов Ф. Н. По следам минувшего. Воспоминания старого большевика. М., 1934. С. 18).

Ивановский прозаик-бытописатель Иван Андрианович Волков вспоминал: *«В субботний день я любил вместе с матерью топить нашу домашнюю баню. Это было крохотное однооконное бревенчатое строение, окруженное зарослями малины и вишняка. Устройство бани было весьма примитивно. Возле небольшой кирпичной печи стоял на низких козлах деревянный чан, прикрытый плотной крышкой. В печи на огне накаливали камни и затем бросали их в чан. Таким образом, готовили горячую воду. Когда приходили в баню мыться, или, как было принято выражаться, «париться», для мытья прежде всего «подавали пару», - плескали на «каменку» холодной водой. Баня наполнялась густым паром, от которого жгло кожу и захватывало дыхание. Дед Диомид приходил в баню с березовым веником и кувшином хлебного кваса, настоящего на мяте. Сполоснувшись горячей водой, он лез на полок, захватывал с собой две шайки – одну с холодной, другую с горячей водой. На полке он ложился на спину и клал под голову веник. Затем приказывал Алексею (брату И. А. Волкова. – А. С.), которого обычно брал с собой в баню:*

– Поддай пару! Да не забудь, с кваском...

Брат наливает в шайку воды, добавляет квасу и начинает плескать на «каменку». В бане становится так нестерпимо и душно, что я ложусь на пол. Сквозь молочную пленку пара слабо различаю, что Алексей тоже присел на корточки. Затем я слышу, как дед начинает яростно хлестать себя веником. Наконец, дед спускается с полка. Тело его багрово-красное, как свекла, и все облеплено распаренными листьями с березового веника.

– Хорошо! Благодатно! – бурчит дед и обильно поливает себя то горячей, то холодной водой». (Волков И. А. В старом Иванове. Иваново, 1945. С. 20).

В словаре В. И. Даля осталась пословица, характеризующая состояние многих бань: «Торговые бани других чисто моют, а сами в грязи тонут!» Еще 6 июня (24 мая по ст. стилю) 1912 года городской санитарный врач Польшковский докладывал городской управе: *«Поддержание чистоты тела – весьма важная гигиеническая необходимость. Кожных болезней, особенно паразитарного происхождения, можно избежать, если держать свое тело в должной чистоте. По климатическим причинам таким местом для омовений издавна служила в России баня. Эта же баня служит местом и для лечебных целей от так называемых «простудных заболеваний». Единственные торговые бани, имеющиеся в г. Иваново-Вознесенске, далеко не удовлетворяют своими нуждами быстро растущего города. Нужно видеть тесноту, в которой моются клиенты бани, чтобы понять неудовлетворительность этой бани. Простая брезгливость заставляет многих отказаться от посещения этой бани, несмотря на крайнюю необходимость. Кроме того, есть прямая опасность от слишком близкого соприкосновения разгоряченных человеческих тел, так как в бане могут оказаться больные, а обмывать должным образом скамью невозможно вследствие тесноты, из опасения обжечь соседа. Построенные очень давно бани Козлова, правда, расширились, но рост их далеко не отвечает требованиям роста населения. Пропуская в баньные дни по несколько тысяч человек, эти бани далеко не удовлетворяют требованиям разумной санитарии. Владелец бань неоднократно привлекался к суду за недостаточное аккуратное содержание бань, но прочного улучшения невозможно добиться вследствие самого плана и ветхости построек. В видах общественного здравоохранения, я полагаю, будет единственный целесообразный выход, если городское управление само выстроит торговые бани, отвечающие требованиям гигиены и санитарной техники. ...Опыт должен показать, что бани в одном пункте города недостаточно, а нужно построить бани в двух или нескольких местах города...»* (Ивановский архив. 2001. №3. С. 92).

Козловские бани стояли на Песках (это район нынешней площади Пушкина). Назывались они «торговыми», потому что их целью было коммерческое, т.е. торговое, назначение, своеобразная продажа, торговля, банными услугами. Кстати, сам содержатель бань, господин Козлов, в 1909 году даже открыл электротeatр (так тогда называли кинотеатры, а в народе ходило словечко «электрички» применительно к ним) «Буфф» (вмещал в себя 400 зрителей и располагался у моста на нынешней площади Пушкина).

Кроме бань Козлова, в городе были известны бани Рябенкова и Нечаевская баня, принадлежавшая брату печально знаменитого революционера Сергея Нечаева – Николаю Геннадьевичу Нечаеву. Она располагалась под горкой в местечке «Балашовка» по современной улице Куконковых.

Дело сдвинулось в лучшую сторону в 1920-е годы. Так, 3 ноября 1927 года в бывшем Вознесенском Посаде в Посадском переулке рядом с бывшей Посадской улицей (ныне – улица Жиделева), шедшей из иваново-вознесенского Зарядья, по проекту архитектора Павла Алексеевича Трубникова (в Иваново-Вознесенске его наследие знакомо многим горожанам – Музей имени Бурылина, 1-я горбольница (созданная на средства купца Ивана Васильевича Небурчилова), детский сад фабрики имени Дзержинского (в нем сейчас размещен исторический факультет госуниверситета) была построена баня. Она открылась 3 ноября 1927 года. С начала она называлась Старопосадской, а уже потом стала Посадской. Горожане любили посещать ее – она была с просторной парилкой и с просторным помывочным отделением. В баню были два разных входа – один для женщин, другой – для мужчин. Взрослые во время помывки могли побаловаться пивком, а для детишек стояли автоматы с газировкой, тут же продавались коржики. Стакан газированной воды стоил 5 копеек, а коржик – 8 копеек. Кассы стояли сначала на улице. Билет в баню, кстати, стоил 15 копеек. Очереди, порой, выстраивались чуть ли не до улицы Жиделева (до дома, в котором располагался тогда автокомбинат, ныне в нём находится ЖРЭУ № 3 (а совсем недавно – ЖРЭУ № 2) особенно по пятницам – столько находилось желающих в нее попасть. По винтовой лестнице можно было подняться на второй этаж – там было женское отделение, его потом перенесли на первый этаж, а вместо него открыли парикмахерскую. Напротив бани была установлена пивная. Рядом с баней за углом расположился 5-й корпус Ивановского университета. В нем обучались студенты истфака, экономического и юридического факультетов, да еще прилепилась партшкола. И студенты, и слушатели не обходили стороной заведения с пенным напитком. Кроме того, в здании находилась прачечная. Это, конечно, не министерство культуры, но бельешко стирали старательно. В 2003 году баню приватизировали. Вместе с ее закрытием ушла навсегда в прошлое весьма колоритная история этого заведения.

Саун и прочих заведений подобного типа развелось в последние годы множество. А вот количество бань, к сожалению, уменьшается. Их можно пересчитать в современном Иванове по пальцам – баня в Авдотьино, воскресенная баня на Ташкентской да банька на улице Болотной. Будем надеяться, что баня не только как процедура, но и как вид отдыха, известный еще от древних финикийцев (а это где-то 600 год до н.э.), сохранится и дальше.

**Е. А. МАВЛИХАНОВА,
А. М. ПОДУРЕЦ
(г. Саров)**

«ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ», ИЛИ АВТОГРАФЫ И ГРАФФИТИ В САРОВСКИХ ПЕЩЕРАХ

Пещерная церковь с подземными ходами и кельями - самое древнее сооружение Саровского монастыря. Повинуясь грандиозному замыслу его со-

здателей, кремлевский и пещерный комплекс являет собой неделимое гармоническое единство земного пути и небесного устремления.

320-летняя история пещер помнит героический труд и молитвенные подвиги отцов-создателей, драму ареста первоначальника и тишину полувекового забвения, славное восстановление и топот многих паломников, шумное нашествие колонистов и закрытие на десятилетия, поиски - находки и топот других паломников. При ничтожном количестве документальных источников по истории подземного комплекса складываются благоприятные условия для мифотворчества. В результате ни один из наземных монастырских памятников не сравнится с пещерами по количеству сказаний, преданий, небылиц. Что, впрочем, добавляет притягательности этому памятнику. Задача нашего сообщения - не столько проанализировать, сколько зафиксировать и опубликовать содержание уже не существующих надписей на стенах и сводах саровских подземелий.

Считается, пещеры особенно пострадали после закрытия монастыря в смутное время 1930-50-х годов, ведь именно тогда возникли многочисленные надписи на стенах. Наиболее предметно автографами занимались сотрудники исторического объединения А. Агапов и А. Подурец, поскольку им довелось участвовать в «открытии», а точнее, – отрытии входа в пещеры 22 июля 1992 года. После проникновения в монастырские пещеры они обнаружили, что значительная часть стен и сводов подземных ходов покрыта слоем копоти от светильников (свечей, ламп, факелов и т.п.). Поверх этого слоя и были процарапаны надписи. Судя по слою копоти, наиболее посещаемым, естественно, был проход от внешнего входа к пещерной церкви. В этом ходе были зафиксированы все надписи (всего около 50-ти). Почти десять лет надписи на стенах подземелий были доступны для обзора всем посетителям. Более того, с 1992 года поверх старых надписей появлялись и новые. Ярким примером может послужить сюжет конца 1990-х годов, когда т.н. «пионеры» всячески устремляясь в пещеры, прямо нарушали запрет не входить внутрь. Длительное время повторялись сценарии: когда наглухо закрывали пещеры. Незамедлительно ночами вскрывали дверь в пещеры. После чего на стене тамбура при входе очередной раз проявлялась надпись: «Привет Агапову!». Противоборство это закончилось с реставрацией пещерного комплекса. И закончилась «письменная история на стенах пещер».

Итак, сохранявшиеся до ремонта рубежа 20-21 вв. автографы были общедоступны, но ни разу не опубликованы и даже не представляли сколько-нибудь научного интереса из-за негодования, обличающего кощунства в святом месте. А между тем утраченные ныне надписи имеют историческую ценность. Дерзаем утверждать – некоторые из «памятных отметин» дают толчок поэтическому вдохновению и даже оправдание безымянным авторам.

Предлагая вашему вниманию тему, мы с долей условности разделили все надписи на автографы и граффити. Автографами договоримся считать собственноручную памятную надпись¹, выполненную на стене пишущим предметом – карандашом, мелом, кирпичом и т.д. Граффити выполнены про-

царапыванием штукатурного левкаса, кирпича или доломита острыми предметами – кончиками ножей, иглами и т.д.²

Особняком стоит памятная доска начала XVIII века, «вырезанная на камне и вставленная в материке горы»³ монахами-первостроителями. Строго говоря, эта «доска» без именной подписи. Тем не менее, табличка подходит как под понятие автографа – собственноручного авторского текста, так и под понятие граффити по методу выполнения.

Табличка в настоящее время если не утрачена, то не на своем месте. Дело в том, что, по словам священника прихода «Всех Святых» о. Германа (Здорова), фрагмент надписи лежит в хранилище церкви Всех Святых. История этой надписи драматична, потеря ее поучительна и достойна внимания. Дословное содержание надписи на памятной доске: «7199 года. От Рождества Христова 1691 года индикта 14 майа начаты сии пещеры копатися. 1711 года 6 майа освятилася в них сия церковь во имя Антония и Феодосия, чудотворцев Печерстих». Поскольку начинал пещерные раскопки именно первоначальник Иоанн, то с большой долей вероятности можно предположить авторство текста за Первоначальником Саровской пустыни иеросхимонахом Иоанном, этим образованнейшим для своего времени человеком.

В 1990-е годы при вторичном открытии входа в пещеры, обнаруженная на столбе церковного помещения табличка вызвала сильнейший интерес, тем более, что сходу прочесть ее не удавалось. С этой целью актив исторического объединения «Саровская пустынь» решает сфотографировать табличку. Только истинным романтикам подвластно было, зарядив фотоаппарат «Зенит» черно-белой «Свемовской» пленкой, найти длинный провод-переноску для простой лампочки под названием «боковая подсветка» надписи.

Фотография декабря 1998 года выявила четкую борозду по окантовке таблички (см. фотографию таблички), видимо, кто-то тщательно готовился вынуть артефакт из «материка горы». Тревожные предчувствия подтвердились в следующий приход в пещеры – таблички не было. Мягкий материал доломит мог просто разрушиться от любого неосторожного движения предприимчивого коллекционера, пожелавшего остаться неизвестным. Но есть надежда на сохранение ее приходскими священниками, о чем они сами поведали в одну из экскурсий пятилетней давности. Задача встает восстановить замечательный письменный памятник. А фотография, к слову, стала первой и последней фиксацией подлинника, устоявшего даже в годы лихолетья. На момент «потери» своего месторасположения табличке было 337 лет.

Справедливости ради скажу, что «видеофиксацию» подземных ходов делали чаще, чем их фотографирование. Потому что видеотехника позволяла без особых усилий осветить любой закоулок подземной черноты. А. Агапов и не расставался с камерой, благодаря чему остались на пленках видеосюжеты длительных пребываний в подземельях в 90-е годы. Сняты рабочие моменты общения с исследователями-археологами нижегородского «Центр-Регион» и московского проектного института «СИМАРГЛ», имеются кадры первых

экскурсионных посетителей, еще в шахтерских касках с налобными фонарями.

В один из таких насыщенных дней произошло примечательное событие, прямо касающееся темы сообщения. Оператор нашего городского телевидения Виталий Клитин решил со штатива, т.е. более качественно заснять древнее сооружение. Сопровождая в пещеры их малую бригаду, пришлось долго ожидать окончания их работы. Сидя в темноте на песчано-доломитовой насыпи за столбом в церкви, я поневоле вынуждена смотреть практически на глухую торцевую стену. Штукатурка серого цвета, ничем не примечательная поначалу, уходила под довольно высокую насыпь – около метра. Свечка горела ровно, как вдруг проявились карандашные автографы: серым простым карандашом на сером фоне. Записи абсолютно терялись при любом освещении, кроме крайнего бокового. Это были автографы – небольшие, размером соизмеримым с подписью на бумаге, подчас неловкие, но чаще вполне каллиграфические, даже торжествующе изящные. Некоторые имена сопровождались календарными датами. Далеко не все из написанного можно различить. Но в целом это торцевое пространство обоих столбов оказалось местом, где, по-видимому, разрешено было оставлять свои карандашные росчерки. Сделано пять прорисей старинных, наиболее читаемых автографов (Скан-прориси). С сожалением к этой «уходящей натуре» осталось только всматриваться в другие по возможности пригодные места. Кое-что удалось разглядеть в соседнем с церковью «зале с аркой», правда, карандашные следы были уже погребены под выцарапанными поздними именами. Что-либо внятное прочесть не удавалось.

Перечень на торце левого столба:

1. Гущинъ 186(7-? имеется утрата штукатурки на последней цифре).
2. Княгиня Ольга
3. 1912 Александръ Круглов_____

Лам.

Соров

На торце правого столба:

4. Иоаннъ Григорьевичъ Филякинъ,
5. Федоръ Иоановичъ Филякинъ.

Сомнения не вызывала родственность обоих имен – отец и сын. Если имя сверху написано через старорусское начертание буквы «фет», то Федор Филякин пишет свое имя через более современное начертание буквы «эф». Это ведет к простому выводу: отец был здесь раньше сына, а ему указал на место автографа заочно. Позже, совершая паломничество в пещеры, сын нашел имя отца и старательно начертил свое имя.

Судя по приведенным осколочным сведениям, можно с уверенностью говорить о древних корнях традиции выписывать имена на стенах даже в святых местах. Формулу «здесь был Вася (имя рек)» можно считать классикой!

Выражение «здесь был Вася» практически можно считать синонимом слова «граффити». Хотя надписи с главного хода Саровских пещер в эту схе-

му не укладываются. Судите сами по перечню имен в порядке их расположения в 10 секциях главного хода (См. Приложение №1).

Таким образом, перед нами встает актуальная задача восстановить письменный памятник – доломитовую табличку отцов основателей пещер. Подлинник 337-летней давности зафиксирован историческим объединением «Саровская пустынь» на фотографии в декабре 1998 года.

Факты свидетельствуют, что надписи на стенах домов существуют столько же, сколько существует сама архитектура. Можно констатировать древнюю традицию записывать имена на стенах даже святых мест. На обоих столбах пещерной церкви нашлись места разрешенных карандашных росчерков. Сделано пять прорисей наиболее читаемых старинных автографов, датировка раннего относится к 1867 году. Можно признать, что культура писать свои имена проявляет в человеке неистребимую потребность остаться упомянутым в вечности, знаменуя собой не всегда осознаваемое небесное устремление во время земного пути.

Современниками такое творчество на стенах воспринимается однозначно негативно, как признак варварства и кощунства. С течением времени проявления хулиганства и бескультурья тоже превращаются в своеобразный исторический источник. С этой целью и были переписаны все надписи с главного хода саровских пещер. Из 50 отметин все в основном фамилии, две надписи включают имена, две – инициалы. Автограф, приправленный датой, может подтолкнуть к серьезным научным выводам. На нашем примере видно, что все даты при автографах относятся уже ко времени «объекта»: самая ранняя – 1947 год, самая поздняя – 3 апреля 1956 года. Указание этого числа и месяца видится весьма важным. Дело в том, что документов по закрытию пещер не выявлено, и надпись даёт единственную оценку этого события.

ГЛОССАРИЙ.

Автограф – (авто и граф) 1) собственноручная, обычно памятная надпись, подпись. 2) Собственноручный авторский текст.

Граффити (итал. букв. нацарапанные) – древние и ср.-век., посвященные, магические, бытовые надписи, нацарапанные на стенах зданий, сосудах и т.д.

1

Трусовы Вова и Ваня (правый борт, далее – п)

3/IV 56 (п)

Артамонов (п)

Шанин (п)

Чашкин 50 (п)

Козлов (левый борт, далее – л)

Давыдов (п)

2

5

Валерий Харламов (п)

Павелкин (п)

6

Дудаков (п)

Шмаров (л)

Гущин (л)

Чушкин (л)

Середин (л)

Давыдова (п)

Андреев (п)
30/III 49 (п)

3

Бранцева (п)
Громов (л)
Артамонов (на потолке)
Широков (л)
Кужелев (л)
Кручинина (л)
Глазунов (л)
Мосягин (л)
Филатов 50 г. (п)
1947 (п)
1950 (п)

4

Семкина (п)
Губин (п)
Семкина (п)
Шмаров (л)
Левкин (л)
Скворцов (л)
Строганцев 1953 (л)

Воронцова (п)
Уткина (п)
Рожкова (п)

7

Чапаев (п)
Гусаков (п)

8

Артамонов (п)
Васин (п)
Шмаров (п)
Гущин (п)

9

Горшонков (л)
Никитин (л)
Князьков (л)
Маков (л)
Гущин 1949 (л)
Марочкин (л)

10

Вахламов В. (п)
Марочкин А. (п)
Макаров (п)
Шиняев (п)

¹ Советский энциклопедический словарь. М. 1988. С. 16.

² Там же. С. 337.

³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 357. Оп. 1. Д. 103. Повествование о Саровской пустыне. Написано основателем и первоначальником Иеромонахом Исаакием. (Список с его рукописи) . 1712-?. Л. 124.

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

**Т. А. ДОБЫЧИНА,
Ю. А. ИВАНОВ,
Т. А. КРАСНИЦКАЯ**
(г. Шуя)

НАЧАЛО ШУЙСКОЙ НЕКРОПОЛИСТИКИ: ЗАПИСИ Н. А. ЗВЕЗДИНА

Некрополистика является одной из вспомогательных исторических дисциплин. Предметом ее изучения являются кладбища. Источники некрополистики – генеалогическая, матримониальная, биографическая информация надгробий, выраженная в эпитафиях, широко используются в исторической науке, культурологии, регионалистике.

Один из древних некрополей некогда Владимирской губернии, а ныне Ивановской области – Троицкое кладбище города Шуи. Свой интерес к этому некрополю и шуйской некрополистике вообще проявляли все местные дореволюционные краеведы – В. Борисов, И. Лядов, Ф. Журов. Однако цельных исследований на эту тему ни у кого из них не появилось. Начало шуйской некрополистике было положено в конце 1920-х гг. краеведом Николаем Александровичем Звездиным (1886-1966), занявшимся описанием Троицкого некрополя. В эти же годы одновременно были уничтожены многие важные захоронения.

Н. А. Звездин, врач во втором поколении, всю жизнь серьезно увлекался историей и краеведением. Его отец – Александр Константинович Звездин (1859-1920 гг.) статский советник, шуйский врач, заведовал городской Киселёвской больницей, был гласным Шуйской Городской Думы. Н. А. Звездин окончил шуйскую гимназию с золотой медалью, обучался в Московском Университете на юридическом факультете, в Военно-медицинской академии Петрограда, диплом врача получил по окончании медицинского факультета Московского университета. С 1918 по 1923 г. – военврач Красной Армии. После демобилизации исполнял обязанности уездного врача.

В 1920-е гг. Н. А. Звездин состоял членом Шуйского отделения Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Общество проводило очень большую и серьезную работу по выявлению и фиксации памятников древности на территории города и всего шуйского района. С этой целью члены Общества проводили экскурсии, или экспедиции к интересующим их объектам. Вся деятельность Общества репрезентативно отражена в его отчетах, часть которых ныне находится в Литературно-краеведческом музее Константина Бальмонта города Шуи¹. В числе экспедиций, проведенных краеведами, было посещение Троицкого кладбища летом 1928 г. Результаты экспедиции были озвучены в докладе участника этого похода Н. А. Звездина на одном из заседаний Общества². Данные экспедиции были

оформлены в виде альбома с фотографиями захоронений наиболее именитых в прошлом шуйян и записями эпитафий ряда старинных надгробий.

Впоследствии, через 2 года, Н. А. Звездин вновь обратится к исследованию некрополя, проявив к захоронениям более пристальный интерес. На это у него появится личная причина. Широко известная злая поговорка про врачей, у каждого из которых есть «свое» кладбище, ни причём. Н. А. Звездин был хорошим доктором, что подтверждает и его послужной список и свидетельства современников. Личной причиной, на наш взгляд, могло стать событие, связанное с разрушением в Шуе в мае 1930 г. Спасской церкви. В ограде этой церкви в 1920 г. был похоронен его отец А. К. Звездин. Накануне запланированного взрыва храма, были демонтированы надгробия некрополя. По словам родственников Звездина (Поздняковой Н. Ю.), Николай Александрович обращался к городским властям с просьбой перезахоронить останки отца. Ему было отказано.

Через несколько месяцев после разрушения храма и ликвидации некрополя 8 июля 1930 г. президиум Шуйского городского Совета издал «Постановление о регистрации надмогильных сооружений и содержании их в исправности»³. Незарегистрированные захоронения подлежали ликвидации. Сознывая последствия действия этого постановления, в конце октября-ноября того же года Н. А. Звездин занялся описанием Троицкого некрополя. Приходя на кладбище, он делал записи в «полевой дневник»⁴. В нем фиксировалось местоположение захоронений относительно таких позиций, как стороны света, Троицкая кладбищенская церковь, в то время еще не разрушенная, относительно главной аллеи кладбища или наиболее примечательных захоронений (родовых усыпальниц).

По возможности подробно краевед фиксировал форму и материал надгробия, эпитафии, включавшие персональные данные, даты жизни, информацию о сословной принадлежности, дни памяти тезоименитых святых.

Записи Н. А. Звездина дают информацию о том, что, несмотря на то, что кладбище было бессословным, захоронения разных социальных групп обособливались. Так, рядом с кладбищенской церковью находились захоронения городского духовенства, предпринимательские захоронения устраивались в «престижной» части – рядом с центральной аллеей.

Н. А. Звездин, будучи современником многих похороненных на кладбище, и знатоком шуйской старины, снабжал свои записи беспристрастными комментариями и характеристиками. Безусловно, в них здесь есть доля городских преданий или даже сплетней, однако эти личные замечания оживляют само повествование.

Интересно, что последняя запись, сделанная в этом полевом дневнике, касается захоронения милиционера Николая Сажина, раненного в 1922 г. у Воскресенского собора во время изъятия ценностей и выступавшего, по словам Н. А. Звездина, на стороне верующих. Кроме того, что эта запись открывает неизвестный ранее сюжет, связанный с жизнью одного из участников происходивших несколькими годами раньше трагических событий, имевших

общероссийский резонанс, в словах Н. А. Звездина четко определяется отношение позиции современника.

Ниже приводится публикация записей полевого дневника Н. А. Звездина. В квадратных скобках курсивом приведена расшифровка сокращений, сделанных краеведом. Слова, которые не удалось прочесть, пропущены, место пропуска обозначено круглыми скобками и словом «неразборчиво». По возможности в тексте соблюдалась орфография оригинала.

Настоящая публикация восполняет недостающие сведения, касающиеся провинциальных некрополей Центральной России вообще, и Ивановской области в частности.

«Троицкое кладбище (первое). Поперечные дорожки от 1-ой южной к церкви (от Белянкина Ис[аака] Ник[олаевича]). Левая сторона. 1) Казанская, 2) Миронов, 3) сзади Бородулины; 4) Пророковы; 5) (Неразборчиво. – Авт.); 6) Всеволожский; 7) Поповы.

Вторая поперечная дорожка от Косаткиных 1) Панов; 2) Власов, 3) Калюгов 4) О.Ф. Шемянова; 5) Киселевы-шубники; 6) Калужские. На правой её стороне: Петр Петрович Антонов ск[ончался] 20.IV.1904. жития 65 лет. День тезоим[енитства] чугунный черный крест Управляющий фабрикой у Калужских.

На северной дорожке от Церкви. Черн[ый] мрам[орный] пам[ятник], заросший слева мхом: «Творец, избранными Твоими их надежду удостой. И дух их со святыми, Спаситель мира, упокой». «Под сим камнем погребено тело рабы Божией Екатерины Ивановны супруги Ефрема Герасимовича Колесова ск[ончалась] 1867 г. 7 апреля в 5 часов утра». На др[угой] стороне: «Под сим камнем [погребено тело рабы Божией] Матрены Федоровны, супруги Ефр[ема] Гер[асимовича], сконч[авшейся] 1853 г[ода], 26 апреля в 9 часов вечера. Господи, прими дух их с миром». Сзади за решеткой Александр инж[енер] ген[ерал] пол[ковник]. Направо: «Серг[ей] Вас[ильевич] Солнцев сконч[ался] 29.IV.1913 г[ода]. Жития его было 71 год. День ангела 25 сент[ября]». Подрядчик (Неразборчиво. – Авт.). Вечер 1907 г. дом 2 мещанина Панкова – была Кондитерская – безз).

Поперечная Восточная III. От Аверкия Лядова. Акация вперемежку с сиренью: «Под сим камнем погр[ебено] тело купца Александра Ивановича Бычкова скончался 4 февр[аля] 1910 г. в 7 ч[асов] утра. Жизни его было 59 лет. День Ангела 23 ноября». Черн[ый] мраморн[ый] с надп[исью] «Родные и друзья, милые дети и супруга, оплакивайте здесь отца родного друга. Господи прими дух его с миром». 2) Мошковы ; 3) Круговские; 4) Гундобины; 5) Гофман

Направо отравившаяся кислотой, кот[орую] я вскрывал: «Здесь покоится прах девицы Анастасии Афанасьевны Линде-Лузиановой род[илась] 8/21 дек[абря] 1906 г[ода], сконч[алась] 2 ав[густа] 1926 г[ода]. Жития ее было 19 лет 7 мес[яцев] 11 дн[ей]. Мир праху твоему»: Самоубийство было

на почве недовольства жизнью после окончания школы, хотя впереди и была возможность устроиться в высшей школе.

Северная дорожка вдоль церкви и упирается под прямым углом во 2 поперечную дорожку (Восточную близ Калужских) 1) Алалыкин. черн[ый]/мрамор[ный памятник]; 2) городничий Арсеньев; 3) Языков Вал[ериан] Петрович; 4) (запись не сделана. – Авт.), 5) Александр Петрович Панов род[ился] 4.VIII.1802 г[ода], умер 19.VI.1861 года (Чугунный крест). 6) «Здесь погреб[ено] тело Веры Федоровны Благосклоновой, род[илась] 12.X.1884, умерла 10.VIII.1902 г[ода]. «Внезапу найде на мя страшный час смертный. Аще Господи восхощет, и живы будем (Иаков)». 7) «Здесь погр[ебено] тело иерея Иоанна Федоровича Лекторского, род[ился в] 1827 г[оду] 1.30, скончался 1900.IX.22. Упокой, Господи, душу усопш[аго] раба Твоего». 8) Камповы, родственники Миловских; 9) Щипков со снохами «Я дома ты в гостях» (повторяющийся мотив. Неразборчиво. – Авт.). 10) На против[оположной] стороне крест: «Здесь покоится тело потомств[енного] дворянина Павла Александровича Боборыкина, (скончавшагося. – Авт.) +19.XII.1913 г[ода], жития его было 56 лет. Был столяром, работал на мужск[ую] гимназию, атеист, о чем открыто заявлял, средняго роста, плотный, плешивый. 10) Малышев Дм[итрий]/Серг[еевич] – врач. 11) Гусевы.

Восточная сторона рядом с церковью: 1) «Полковник Сергей Платонович Дайнатович сконч[ался] 5.XI.1882 г[ода]», серый мрам[орный] крест. «Господи, упокой душу усопшаго раба Твоего». 2) «Здесь погребено тело В[аси]лия Козьмича Зотова сконч[ался] 1.VI.1914 г[ода] в 12 часов дня. Господи, прими душу усопшаго раба Твоего». Фельдшер Земской Больницы; б[ывший] фельд[шер] знаменитого Пирогова Ник[олая] Ив[ановича], дом в Аптек[арском] переулке близ Стрелецкой улицы.

К углу юго-вост[очной стороны] начинаются погребения почетных лиц, главным образом духовного звания, священников, смотрителей духовного училища, т.к. здесь находится алтарь – главная святыня храма. Южная сторона: 1) Офутин; 2) Поповы; 3) Дунаев ? свящ; 4) М. В. Грамматин; 5) Лилеев; 6) Архангельский о. Андрей, Кис[елевской] б[ольшин]цы, рассказы об Арсении Матвеевиче); 7) Арсений Иванович Невский +1906.II.10; 8) Диакон Кис[елевской] б[ольшин]цы Иоанн Невский +29.VI.1867 г.; 9) Троицкие – (учительницы- ?).

Самый угол Юго-восточный. 1) Горячкины – учителя – дети. 2) «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Протоиерей Иоанн Дмитриевич Лебедев 75 лет. +17.V.1903 г. Память 30 января (свящ[енник]/Тр[оицкой]церкви). «Помяни Господи, души усопших раб Твоих, zde лежащих: иерея Иоанна, девицу Екатерину, протоиерея Иоанна, Анну, Михаила и Елизавету». (Чугунный крест на цементн[ом] фундаменте). 4) Смотритель Дух Училища Вас[илий] Вас[ильевич]Поспелов и супруга его Надежда Яковлевна (Черный дерев[янный] обожж[енный] крест или покрашенный дубовый очень прогнил). 5) П[оспело]ва Мария Васильевна.

Самый угол 1) Свящ[енник] гор[ода] Шуи Васильевской, что при Кис[елевской] б[ольшин]це церкви о. Михаил Дмитриев Авдаков +1910.VI.25. жития его было 37 лет. День Ангела 8 ноября. 2) Свящ[енник] о. Афанасий Скрипкин. «Господи, да будет воля Твоя» (Св[ященник] Единов[ерческой] церкви). 6) Светозарова. «Здесь погребено тело жены протоиерея Ш[уйского] Воскр[есенского] Собора Софии Евлампиевны Светоз[аровой], урожденной Правдиной род[илась] 20.III.1872 г., сконч[алась] 21.VIII.1906 г. (от заражения крови после того, как булавкой вскрыла себе фурункул на губе, несмотря на последующие разрезы – спасти не удалось); Белый мрам[орный] памятник. 7) Мария Яковлевна Правдина ск[ончалась] 27.VI.1905 г., 60 лет. «Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоея». (Жена о. Евлампия Правдина, знала все новости по городу и округе, ежедневно выслушивала доклад «Платоныча» - дьякона о. Евлампия. (Черный памятник). 8) «Здесь погр[ебено] тело дворянки девицы Веры Николаевны Мерзиновой, сконч[алась] 23 янв[аря] 1903 г.» (Чуг[унный] крест) «Госп[оди, прими дух ея] с миром». 9) Дворянский левый уголок. 10) Лебедев М. М.; 11) Дм[итрий] Ив[анович] Холуйский, сконч[ался] 25.V.1895 г. Служивш[ий] 25 лет столоначальн[иком] Ш[уйской] Гор[одской] Управы от города (Цем[ентный] крест). Сзади духовенства около Восточной части храма огорож[ена] решеткой усыпальница Блохиных - крупных торговцев (мехом) и имевших дела с Америкой и благотворителей. 1) На высоком фундаменте часовенка;верху: «Да будет воля Твоя. Пот[омственный] Поч[етный] Гр[ажданин], Ш[уйский] 2 г[ильдии] купец Алексей Онисимович Блохин род[ился] 11.III.1835 г. Сконч[ался] 28.IV.1901 г[ода]»; 2) Гробница с золоченым крестом «Господи, приими дух мой с миром. Под сим крестом погр[ебено] тело рабы Бож[ией] пот[омственной] поч[етной] гр[аждан]ки Александры Ивановны Блохиной. Сконч[алась] 20.I.1907 г. Жития ее было 68 лет». (Пряхины-мещане). Отроковица Анна, жития 8 лет. 1896.XII.20; урожд[енная] Шемянова.

Из Калужской усыпальницы должно быть няня: раба Божия Пелагея Калистратовна Кудрявцева род[илась] 28.IX.1831 г., Скончалась 9.III.1914 г. «Госп[оди], пр[ими] дух ея с миром».

Восточная вдоль дома Крылова кругом внутр[енней] стороны ограда. 1) Черный мрамор с крестом Иродион Гаврилович Журов +15.II.1865 г. На 54 году жизни Дария Ивановна Ж[уро]ва +6.V.1845 г. На 29 г[оду] жизни (Ш[уйский] купец, брат историка). Слева Окладин (столяр). Усып[альница] Загорюкиных – родственники А.П. Чехова. 2) Крест. «Здесь покоится тело раба Божия Мартына Ивановича Евстигнеева жандармск[ого] ротмистра сконч[ался] 3.VII.1894 г., жития его 59 лет память 16 апреля». «Госп[оди] пр[ими] дух [его] с миром». 3) Под сим кр[естом] погр[ебен] раб Бож[ий] Петр Вас[ильевич] Киселев +1918.IV.6. жития его было 74, день ангела 16 янв[аря] и внук его Сима Киселев род[ился] 1911.VI.24. +1921.III.13. Дерев[янный] крест. «Солнце роняет лучи на могилу, а могила закрылась в цветах; на краю посажу я примулу и вспомним мы Симу в слезах; мы вспомним как ты умирал, казалось тебе будто ты в небесах, и последняя улыбка твоя

застыла у тебя на губах». (Послерев/олюционные/ годы породили нескладную поэзию на пам/ятниках/). 4) «Иван Яковлевич Федин +16.III.1827 г., жизни его было 33 г/ода/». Почевай здесь, мой друг, ты до судного дня, под могильным крестом ожидай и меня».

На Троицком кладбище около городничего Арсеньева низкая гробница гранитная по сторонам надписи: южная (сторона. – Авт.): «Под сим камнем погребено тело штатного смотрителя Шуйского Духовного Училища Александра Ильича Рюминского, скончавшагося 1872 г. 7 апреля, жития его было 39 лет». Северная: «Покойся в тишине, любезный мой супруг, ты был мне друг, была спокойна я, но вдруг, увы, смерть лютая всего в тебе лишила, меня с тобою разлучила каменная гробница». На Журовском памятнике сзади: «Адриан Гаврилович (Журов) скончался 5 августа 1878 года 51 года». Калужская усыпальница. 1 ряд направо от входа 1) Василий Никифорович Павлов, родился 15 февраля 1833 г/ода/, скончался 23 августа 1902 г/ода/, день ангела его 27 февраля. «Господи, прими дух его с миром». Черный мрамор – пирамида. Дом на углу Дровяной площ/ади/ и Милл/ионной/ улице. Вероятно, торговал пряжей. Зять Калужских. 2) «Под сим камнем погребено тело рабы Божией Екатерины Гавриловны Павловой, урожденной почетной гражданки Калужской, скончавшейся 2 октября 1863 года в 2 часа утра 30 минут. Жития ее было 32 года. Тезоименитство ея ноября 24 дня. От искренне любящего супруга и признательных детей. Здесь лежит любезная супруга, которую нам до общего воскресения не видати ставим памятник сей не для сего украшения, а просим Бога душе её грехов прощения. Точно же и мы участи сей не устрашимся, по времени и сами мы в тот гроб вселимся. Ты, верный супруг, и все милые дети лишились вдруг меня и не могли имети, не лейте обо мне слез, что кончился мой век. Всемогущий всех Творец послал жизни моей конец. Он будет вам в печали вашей покровитель и отец. Хоть суета меня и льстила, но смерть в другой век жизни преселила». 3) «Под сим камнем погребено тело рабы Божия Шуйской 1 гильдии купчихи и почетной гражданки Евдокии Васильевны Калужской, урожденной Кокушкиной. Родилась в 1800 году февраля м/еся/ца, скончалась 17 августа 1848 года в 6 часов утра, тезоименитство ея 1 марта». Справа: «Покойся, милая моя супруга, а детей своих была чадолюбивая мать. Родных и близких верный друг. Признательные супруг и дети». 4) Под сим камнем погребено тело раба Божия Шуйского купца и почетного гражданина Гаврила Леонтьевича Калужского, родился 19 марта 1800 года, тезоименитств 26 марта, скончался 4 августа 1857 года в 11 часов по полудни. «Незабвенному родителю признательные дети». Слева: «Ничто не нарушит твой сон безмятежный. Покойся, мой друг, неоценный, примерный отец. В отчизне пресветлой, в отчизне священной Блаженствуй, где в славе предвечной Творец. Мы горькие слезы сердечной молитвы прольем на могилу, родитель, твою. В миг тяжелой печали, душевные битвы, Воззри на покинутых в плаче детей. Там, в горнем жилище Отчизны священной, ты встречен, родной, с любовью святой! Покойся друг нежный. Как Ангел безценный. Души твоей чистой святых упокой! Господи, прими дух его с ми-

ром». 5) «Потомственная Почетная гражданка Анастасия Александровна Калужская, урожденная Крюкова, родилась 15 ноября 1848 года, скончалась 14 декабря 1887 г. в 11 часов 50 минут вечера. Тезоименитство её 22 декабря. Справа: «Блаженни чистии сердцем, Ибо они Бога узрят, Блаженни милости-вии, они помиловании будут». Слева: «Христос тя упокоит в стране живу-щих, врата райские да отверзет ти». Сзади: «Незабвенной и дорогой супруге и матери от нежно любящего мужа и сына». 6) «Под сим камнем погребено тело рабы Божией Шуйской 2 гильдии купчихи и почетной гражданки Мар-фы Андреевны Калужской, урожденной Соковой. Родилась 1806 года июня 26 числа, скончалась 1855 года 28 июля в 3 часа утра, тезоименитство ея 4 июля. Покойся, милый друг, до утреннего дня. Признательный твой супруг и милая дочь». Слева: тут же погребено тело младенца Александры Николаев-ны Гарелиной род[илась] 6 янв[аря] 1854 г, сконч[алась] 27 августа 1855 го-да. «Господи, прими дух мой с миром». 7) Вверху в полукружии: «Господи прими дух мой с миром». Потомственный почетный гражданин Василий Леонтьевич Калужский, родился 3 апреля 1804 года, скончался 4 марта 1878 года. Тезоименитство его бывает 12 апреля. «Незабвенному родителю от лю-бящей дочери» (розово-серый мрамор, впереди поля, лики). 8) «Милосердия двери отверзи мне Благословенная Богородице. Надеющиеся на тя да не по-гибнут, но да избавлюся Тобою от греха, ты мне спасение можешь устроить, Благословенная Богородице». (Черный мрамор – славянская надпись). «При-идите ко мни вси труждающиеся и обремененные и аз упокою Вы. Под сим камнем погребено тело почетного потомственного гражданина Николая Ни-коновича Гарелина, родившегося 1830 г[ода] декабря 9-го дня. Тезоименит-ство его мая 9 дня. Скончался 1865 г[ода], августа 25 дня в 9 часов утра». Надпись сзади памятника «О, Боже Всеблагий, прими от нас моление, усп-шаму рабу мир вечный ниспосли, дай в недрах праведных блаженное селенье, где ярких (у Звездина над словом «ярких» стоит знак вопроса. – Ю.И., Т.Д.) нет скорбей и горести земной». II ряд: 1) «Потомств[енный] почетн[ый] граждан[ин] Гавриил Леонтьевич Калужский, род[ился] 1873 г[ода] 26 янва-ря, скончался 1915 г[ода] 15 декабря, в 11 часов 30 минут вечера. День Анге-ла 26 марта». Дерев[янный] крест выкр[ашен] в белую краску – сын Леонт[ия] Гавр[иловича] Кал[ужского], последний представитель рода. Умер от атеросклероза на приеме врача А.К. Звездина, прислонившись к печке по-сле сердечного припадка. Охотник, веселый компаньон, был шафером у Пл[атона] Плат[оновича] Китаева в Спас-Юрцеве. 2) «Анна Леонтьевна Ка-лужская, урожденная Кекина род[илась] 1833 г[ода] 3 марта, скончалась 1865 года 2-го ноября, тезоименитство 26 мая». Белый крест на черном мраморе. 3) «Владимир Неофитович Калужский, родился 15 июля 1831 года, скончался 4 февраля 1877 года. Блажени мертвы, умирающие о Господе. От-ныне ей глаголет дух да почиют от трудов своих дела бо сии ходят во след с ними». Апок[алипсис] XIV.13. Белый мрамор с барельефом Христа в терно-вом венце; 4) «Неофит Леонтьевич Калужский, родился в 1806 г[оду], скон-чался 1877 года 3 июня. Тезоименитство его 21 января. Господи, воззвах к

Тебе, услыши мя, вонми гласу моления моего». – Шуйский городской голова, при нем устроена гимназия, пожарное депо. 5) «Мария Федоровна Калужская, родилась 1810 года, скончалась 1877 года 19 сентября. Тезоименитство её 26 января. Господи, услыши молитву мою и вопль мой к Тебе да приидет». В левом заднем углу черный мраморн[ый] пам[ятник]: «Шуйская мещанская девица Матрена Феодоровна Романова, родилась 1800 г/ода/в марте месяце, скончалась 10 ноября 1888 года. Тезоименитство ея 27 марта. В доме Калужских жила 63 года». Сзади: «Господи, прими дух ея с миром». III ряд 1) «Пот[омственный] поч[етный] гражданин Гаврила Гаврилович Калужский, род[ился] 15 марта 1834 года, скончался 20 ноября 1891 года в 9 часов вечера, тезоименитство его 26 марта. Господи, прими дух его с миром» (Черный мрамор с белым крестом). Был дурачек, ходил боком, замешан в убийстве цыганами какого-то человека, но по ненормальности оправдан. 2) «Пот[омственная] поч[етная] гражданка Ираида Гавриловна Калужская, родилась 22 сентября 1826 года, скончалась 18 февраля 1903 года. Тезоименитство ея 23 сентября. Господи, прими дух ея с миром». Была кривошея, молва приписывала подглядывание за женихом сестры (!!). 3) «Пот[омственная] поч[етная] гражданка Елизавета Гавриловна Морокина, урожденная Калужская, родилась 13 апреля 1822 года, скончалась 22 января 1883 года в 8 часов утра. Тезоименитство ея 24 апреля. Господи, прими дух ея с миром». 4) Крест чугунный без имен: «Упокой, Господи, душу усопшия рабы твоея». Сзади: «Господи, прими дух ея с миром», «Г[оспо]ди, [прими дух. – Авт.] его с миром». 5) «Раба Божия няня Малания Калистратова Кудрявцева, родилась 28 сентября 1831 года, скончалась 9 мая 1914. Господи прими дух ея с миром». В правом углу усыпальницы чугунный крест. Там же усыпальница Щеколдиных в виде часовни из провололочной решетки, крытая, обширного размера. I ряд 1) без дат Николай Алексеевич Щеколдин, скончавшийся в 1920 году, известен как «брат городского головы» за пришепетывание – цементный крест с постаментом. 2) «Инженер-технолог Сергей Алексеевич Щеколдин, шуйский городской голова с 24 июля 1894 года по день кончины, родился 6 апреля 1860 года, скончался 7 декабря 1903 года. День ангела его 5 июля. Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие Твое», скончался в Москве на извозчике от паралича сердца. Весь город встречал на вокзале тело. Как голова пользовался популярностью за свой веселый открытый характер; любил угостить при случае водкой и шуйских граждан. 3) «Кандидат права Московского Университета Владимир Алексеевич Щ[еколдин], род[ился] 8 июня 1863 года, скончался 30 мая 1898 года. День ангела его 15 июля». – Та же эпитафия, черный крест на черном постаменте и розовом гранитном основании. 4) «Потомственная почетная гражданка Анна Иосифовна Щ[еколдина], род[илась] 4.XII.1831 г/ода/ скончалась 20.XII.1906 г/да/ на 77 году. День ангела 9 декабря» (На всех в середине крестов вделаны овальные изображения иконы художественной работы: препод[обного] Сергия, равноап[остольного] Владимира и св[ятой] Праведной Анны). II ряд 1) «Потомственные почетные граждане Петр Семенович Щеколдин и Елизавета

Семеновна Ще[колди]на (Деревянный крест). 2) «Здесь покоится прах шуйского 2 гильдии купца Василия Ивановича Щеколдина, родившегося в 1760 году, скончавшагося 12 апреля 1846 года» (черн[ая] мрам[орная] пирамида); 3) «Ш[уйский] пот[омственный] поч[етный] гражд[анин] Алкесей Васильевич Щеколдин род[ился] 17.III.1808 года, скончался 28.XI.1883 года. День ангела его 7 марта. Господи, прими дух его с миром». В левом углу: «Дети Ш[уйского] пот[омственного] поч[етного] гражд[анина] Алексея Вас[ильевича] Щеколдина младенец Вера, младенец Ольга, аналой белого цвета с раскрытой книгой: «Таких бо есть Царствие Божие» (Ев. Марка, гл. 10 с 14).

По северной дорожке от церкви вглубь на право усыпальница фабриканта Афанасьева Вас[илий]. Корнилича, начавшего службу мальчишкой. 1) «Козьма Афанасьевич Афанасьев, сконч[ался] 2 сент[ября] 1889 г[ода], 67 лет и жена его Евдокия Ивановна сконч[алась] 14.VIII.1889 г[ода], 74 лет». 2) «Корнилий Кузьмич Афанасьев, сконч[ался] 1910 г[ода] X.19, жития его было 63 года. День ангела 13 сентября». Южная дорожка, вдоль ограды начинающая с глубины кладбища: 1) чугунный крест «Здесь погребено тело гражданина гор[ода] Шуи Михаила Дмитриевича Бубнова, род[ился] 1878 г[ода], скончался 1921 г[ода] 22 февраля от сыпного тифа в следствии его командировки на южный фронт с подарками для Красной Армии. День его ангела 8 ноября». 2) Чугунный черный крест 4-х конечный (иноверческий) «Евгений Романович (Неразборчиво. – Авт.) род[ился] 23 мая 1826 года, скончался 31 июля 1882 г[ода]. 3) (Неразборчиво. – Авт.). 4) Протасов Дм[итрий] Серг[еевич]. 5) Мохов Иродион 6) Малунины-Кузнецовы. 7) Корзенева: а) «Под сим камнем погребено тело 2 г[ильдии] купца Льва Савостиановича Корзенева, сконч[ался] 25.V.1908 г[ода], 66 лет 3 мес[яца]. День его Ангела 20 февраля; б) Николай Севост[ианович] +19.XI.1873 г[ода]. Жития его было 49 лет 10 мес[яцев]. Тезоим[енитство] его было 6 декабря; в) Ш[уйская] купеческая жена Ираида Иосифовна Корз[енева], 1843 г[ода], янв[аря] 27 в 3 часа утра, жития ее было 49 лет 4 мес[яца]. День ее анг[ела] сент[ября] 23 дня». 8) Шапошниковы – лесоторговцы, известные в Шую мещане с начала 19 века, отличались буйством и нетрезвостью – сдавались в солдаты: «Под сим камнем погребено тело Ш[уйского] к[упца] Ивана Васильевича Шапошникова, сконч[авшагося] 5.II.1883 г[ода] в 7 часов утра. Жития его было 82 года. Незабвенному родителю от признательного сына», «Господи, прими дух его с миром». 9) Дудкин; 10) «Под сим крестом погребено тело Павла и Анатолия Фатовых, владелец дом б[ывшей] Зем[ской] управы. Тут же Анна Павловна Богоявленская, дочь П. П. Фатова, подруга И. П. Китаевой. Одно из деревьев посажено ею. 11) «Охлопкова Анна Петровна, сконч[алась] 1883 г[ода] авг[уста] 18, от роду 46 лет». «Пантелеймон Охлопков» 12) Ипокренский – врач и М. В. Сперанский – учитель.

В середине участка около железных ворот направо: «Под сим крестом Ш[уйский] куп[ец] Всеволод Иванович Новиков (скончался. – Авт.) 20.VIII.1906 г[ода]. Жития его было 75 лет. Память 1 II». (Торговец мукой,

дом выстр[оен] в углу Ковр[овской] и Милл[ионной] ул[иц]. Имел 4-ую жену не венчанную, но с благословения церкви.

На Троицком кладбище сзади Посилинской усыпальницы дер[евянный] белый крашеный крест: «Александр Асигкритович Балин, род[ился] 29.XI.1860 г[ода], скончался 26 марта 1927 года». Коля Сажин. «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие Твоем. Скончался 14.III.1924 г[ода]. Жития его было 22 года 10 мес[яцев]. День ангела 22 мая. О Боже Всемогущий, прими от нас моление. Усопшему рабу мир вечный ниспосли, дай в недрах праведных блаженное веселье, где тяжких нет скорбей и горестей земли». Сажин был милиционером и ранен в ногу при отбрани церковных ценностей в Шуе, которые он защищал. После чего его здоровье резко пошатнулось и он умер от чахотки. Церковь хоронила его торжественно, как своего защитника»⁴.

¹ Шуйский краеведческий музей (далее – ШКМ). Ф. 11, Личный фонд М. С. Камнева.

² ШКМ 2547/34. Отчет о деятельности Шуйского отделения Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения за 1928 год.

³ Газета «Шуйский пролетарий» 1930. 25 июля.

⁴ Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта.

Н. Н. КОРОТКОВА
(г. Черноголовка)

106 ПИСЕМ А. А. НЕВСКОГО В КНИГЕ Л. Н. МАЛОФЕЕВСКОЙ «НАРЕКЛИ НАС ВРАГАМИ»¹

В своем сообщении я хочу рассказать об этой недавно вышедшей книге, посвященной подлинным историям реально существовавших людей-узников северного ГУЛАГа в районе Интинского месторождения в республике Коми.

Одним из таких узников был наш земляк-шуянин, религиовед и культуролог А. А. Невский (1898-1980)², который был выслан на Север по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности по ст.58 п.10 и 11 УК и провел в ссылке 22 года, с 1936 по 1958 гг.

Книга вышла в 2008 году в Сыктывкаре при материальной поддержке спонсора депутата Госсовета Республики Коми, генерального директора ЗАО «Колванефть» В. Н. Шитова. По ее названию можно справедливо предположить, что право поведать о пережитом предоставлено в ней самим заключенным через рассказы о своей жизни, сохранившиеся дневники и письма из ссылки. Автор книги Л. Н. Малофеевская посвятила издание особой теме – теме разрушенных сталинским режимом семей и судьбам осиротевших детей «изменников родине». Ею собраны материалы семейных архивов и воспоминания участников тех событий и их детей; все это было дополнено затем исследованием официальных архивных документов. Всего в книге представлено 15 семей, уничтоженных в период «большого террора», Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Самая обширная глава этого замечательного издания, одна составляющая более половины его объема, содержит письма шуянина А. А. Невского к дочери Веронике, которую в семье называли Роной. Вероника Александровна, живущая ныне в Санкт-Петербурге, передала книгу Музею, сделав дарственную надпись:

«Музею города Шуи, города, где учился в гимназии мой отец, Невский Александр Арсеньевич, от его дочери, которую он воспитывал своими письмами».

Автор книги Л. Н. Малофеевская разыскала Веронику Александровну и расспросила о жизни ее и ее отца, а также о судьбе его писем и дневников. Когда выяснилось, что сохранился не один чemoдан этих рукописных материалов, краевед обратилась к В. А. с просьбой передать и подготовить к напечатанию часть писем периода интинской ссылки. Так появилась 3-я глава настоящей книги, названная «У злого времени в плену» и содержащая 106 писем (а это более 200 страниц печатного текста) периода с 1.09.1943 по 9.03.1958 – даты последнего послания перед отъездом из Инты.

Во вступительном очерке Л. Н. Малофеевская повествует о семейной истории Невского и о том периоде его жизни, когда он принимает активное участие в создании Музея истории религии в Ленинграде в самом начале 30-х гг. XX века и до описания лет, проведенных в исправительно-трудовом лагере. «Выжить в лагере дано не каждому, – пишет автор, – здесь...всеми способами пытались человека лишить воли и собственного достоинства. Но лагерный режим, каким бы он ни был жестоким, не мог остановить мысль». Автор иллюстрирует сказанное словами Невского: «Когда я лежал на грязных, прокопченных нарах в арестантском бараке и сочинял стихи, я говорил себе: «А я ведь почти счастлив!»...Я всегда вспоминаю Ф. И. Тютчева: «Молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты твои».

Во вступлении представлены также некоторые дневниковые записи Невского. Поразительно, что, переосмысливая свою жизнь после 7 лет заключения по ложному обвинению, он предъявляет счет не обстоятельствам, а самому себе. «Постигая диалектику своего личного развития, – пишет он 23.09.1943 г., – я должен также диалектически подойти и к своим 4-м «изменам» (измене жизненному призванию, измене религии, семье и родному краю – все это, в конце концов, измены себе, своей личности), чтобы преодолеть их и встать на верный, твердый путь». Он приходит к выводу о том, что пришла пора расстаться с тяжкими думами о жизненной несправедливости: «Отстранив сейчас, как уже ненужные, вопросы «почему» и «отчего», - надо теперь постараться тщательно рассмотреть и понять – «зачем» произошло в моей жизни то или иное событие?... Таким образом, от прошлого я повернусь целиком к будущему». Несколько последующих страниц посвящены 1) сжатому обзору прошлого, начиная с лет усердной учебы в шульской гимназии (1909-1917); 2) самоопределению личности в философском отношении и возвращению на родину как в смысле внутреннем, так и буквальном; 3) анализу своей семейной жизни; 4) задачам будущего.

Задачи будущего сформулированы им в сорока стихотворных строках под названием «Генеральный план»; среди них есть такие:

Добру-королю послужу я заботой
О милой семье и о близких моих.
Судьбою я загнан, разбит и измучен,
Но бодростью дышит
Мой пенистый стих.

Переходя к письмам Невского, историк Л. Н. Малофеевская подчеркивает, что эти письма, «превратившиеся в эпистолярный роман, нуждаются в особом представлении». Действительно, они являются не только ценным историческим документом той эпохи. В них слышится голос горячего сердца, глубоко переживающего насильственную разлуку с осиротевшим и подрастающим ребенком.

Любимая жена Невского и мать Роны Валентина Александровна Щапова трагически погибла в 1932 г., когда Роне было всего 2 года. Тогда из Плеса была вызвана сестра покойной матери Невского – Мария Григорьевна Ратькова. А в августе 1936 г. был арестован и выслан на Север отец, и не достигшая еще 6 лет Рона остается в Ленинграде вдвоем с бабушкой. Но ненадолго. Менее чем через год, в июле 1937 г., от М.Г. Ратьковой было потребовано срочно, в трехдневный срок выехать обратно в Плес, а Рону сдать в детдом. Отдавать ребенка в детдом она отказалась, и тогда их обоих, причисленных к разряду преступников, выслали из Ленинграда в ссылку в село Успенское Слободского района Кировской области. Унаследовавшая от отца поэтический дар Вероника напишет через много лет стихотворение «Мольба о прощении», посвященное М. Г. Ратьковой. Оно помещено во вступительном очерке рядом с фотографией бабушки и внучки. Бабушка умерла в ссылке спустя 4 года; вновь возникла угроза детдома, но вмешались родные люди, Рону стали брать к себе поочередно родственники матери и отца, жившие в разных городах страны.

И везде ее находили письма ссыльного отца. Не имея других возможностей участвовать в ее воспитании, он, тем не менее, не сдается и через письма пытается донести свою любовь, будит память о безвременно ушедшей матери, входит в подробности жизни, учебы, образования и взаимоотношений дочери с людьми, тревожится о некоторых проявлениях ее характера, мечтает о будущей совместной жизни, поддерживает и утешает. Вот, например, письмо от 16.06.1944 г., когда живущая в семье своей тети в Свердловске Рона из-за тяжелого материального положения семьи вот-вот будет вынуждена оставить школу и поступить в ремесленное училище. «Милая Ронушка! Получил твое письмо и опечалился вашим тяжелым материальным положением.... Нам придется пережить еще один тяжелый год разлуки, едва ли война окончится в этом году! Что делать, голубка! В такой уж переплет попали мы с тобой! Если не сможешь учиться в предстоящую зиму, а придется работать, постарайся хотя бы держаться в курсе школьных занятий, чтобы не по-

рывать нацело с учебой....Радуюсь твоим успехам по рисованию – ты догоняешь меня. Как бы я хотел поместить тебя в Палехскую художественную школу около Шуи и Иванова. Я сам мечтаю работать в Палехском Музее древнерусской живописи – не знаю, осуществится ли когда-либо эта моя мечта. У меня много и научных, и художественных замыслов, над которыми мы могли бы поработать на пару с тобой. Сейчас я заканчиваю свое естественнонаучное образование – встаю в 5 часов утра и, после завтрака, до 8 часов, когда у меня начинается работа, штудирую науки, в которых был слаб. Проработал я неорганическую и органическую химию, минералогию и петрографию (о горных породах), сейчас читаю «Очерки геохимии» акад. Вернадского. Если эти мои знания не пригодятся мне для музейной работы, может быть, они пригодятся тебе, когда придется вместе заниматься учебой. Во всяком случае, научные занятия поддерживают во мне бодрость – я получаю каждый день утреннюю психологическую зарядку. Крепко тебя, моя дорогая, целую. Будь здорова, работай и не унывай. Бог даст, выплывем. Любящий тебя папа. Не оставляй школы до последней крайности!»

Одновременно Невский обращается и к тете Роны: «Не знаю, когда и как я смогу возместить Вам и Вашему супругу все, что вы делаете сейчас для моей дочери. Я все еще связан моим положением и не могу взять Рону на свое иждивение. ...Если Господь приведет нас свидеться и сохранит мне здоровье, я обеспечу Роне продолжение образования и восполню упущенное».

Невозможно пересказать все письма, но даже приводимые ниже краткие отрывки из посланий разных лет могут послужить напоминанием и о том времени, и о не сломленной тяжелыми испытаниями эпохи личности. Более же детальное рассмотрение эпистолярного наследия Невского может стать основой для исследования и того, и другого.

Письмо №27, 7.09.1945. «Милый друг мой Ронусенька! Еще раз поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю тебе здоровья и долгого счастья в жизни. Так обидно, что я не могу ничего послать тебе в подарок. На душе у меня тоска невыразимая, и я много в последнее время думаю о тебе. Живу мечтой о времени, когда я уеду отсюда и смогу вновь прижать тебя к сердцу, как ту девочку, которая спала у моей груди после того, как лишилась матери и ее нежной ласки».

№30, 6.10.1945. «...у меня ты одна, дорогая моя, и по происхождению и по судьбе можешь быть моим алтер эго («другое я»). И я, слушая по радио известную песню о бродяге, перефразирую для себя ее слова: «Жена найдет себе другого, отец же дочку никогда» - и больше всего в жизни боюсь потерять тебя. Твой портретик у меня в медальоне под переплетом моего словаря.... Когда я ищу слова по словарю, я не могу не взглянуть на тебя, а иногда и поцеловать твое задумчивое личико».

№32, 27.10.1945. «Милый мой друг! О тебе мне сообщают, что у тебя есть два недостатка – лень и неряшливость. Неужели это правда? Надо сказать, что эти недостатки отчасти есть и во мне самом – я никак не могу окончательно победить их. ...Но чего бы мне больше всего хотелось, это подру-

житься с тобой по-настоящему. Ведь у меня после смерти твоей мамы не было настоящих друзей».

№25, 17.08.1945. «За познанием, голубка, не забывай творчества... . Создавать – вот высшая задача человека. Смысл жизни – в творчестве».

№33, 9.12.1945. «Получил 4 метра серого молескина – тебе обеспечено платье. Кроме того, у меня есть и белая материя для летнего платья, и миткаль для белья. Как бы мне хотелось одеть тебя, моя дорогая! Только вот чулок еще нет да туфель. Ну, Бог даст, и их достанем!»

№14, 13.12.1944. «Теперь я получаю 200 г хлеба, оклад мне положили 1300 руб., так что в Новом году я уже недоедать не буду.. Думаю, что вы живете сейчас хуже меня».

№16, 15.03.1945. «Конечно, в жизни всякое бывает, но надо помнить, Роночка, одно: «Жизнь прожить – не поле перейти» и избегать ссор и столкновений с окружающими людьми. Услуга, помощь, доброе слово – вот что должно быть у нас для близких людей, особенно для родных».

№86, 12.04.1955. «Прочти о последнем римлянине Боэции и вспомни о своем отце, который так же, как и Боэций, в условиях заключения находил отдых и душевное равновесие в работе мысли и в поэзии».

№7, 9.02.1944. «Черты упрямства и своеволия (Роны) испортили мне все настроение в мой день ангела (7 февраля), когда я получил Ваше письмо. ...Неужели Роночка не понимает, что нельзя, нельзя сейчас, когда ее дяди кладут и уже положили свои головы на поле битвы, - нельзя показывать свой характер, не слушаться и не помогать старшим чем только можно. Ее кормят, о ней заботятся – а она хочет себя показывать да еще ленится в придачу. ...Она жива, здорова, свободна – надо ценить эти блага, быть благодарным судьбе – и работать не покладая рук... Своевольная дочь, это, поистине, будет последней каплей в несладкой чаше моей жизни! Если бы я позволил себе своевольничать за последние 7 лет моей жизни, я бы давно погиб».

№2, 21.11.1943. «Я духовно округлился, созрел для новой работы, а приходится чертить, измерять, проверять – делать чужое, тяготящее меня дело. Я никогда до сих пор не жаловался, но теперь приходит конец терпению, ведь я восьмой год (вместо пяти) оторван от стихии гуманитарных наук. Хочется разделаться в 1943 г с естествознанием – и в 1944 году отдаться целиком психологии и литературе, фольклору и искусству старой Руси.

Пишу и думаю, прожужжал я всем уши о себе, эгоист! Однако, как Гоголь должен признаться, что не хотел бы умереть, не осуществив задуманного в области науки и искусства».

№3, 28.11.1943. «Читаю я сейчас биографию американского писателя Марка Твена – и у меня возникает страстное желание написать свои «Воспоминания детства», «Записки вечного студента», «В мире задушевных книг»... Когда мы встретимся и будем жить вместе, заставь своего стареющего отца написать такие книги и помоги ему в этом деле! Таким образом, мы с тобой увековечим память наших близких людей, воспитавших нас, во-первых, а, во-

вторых, получим сами моральное удовлетворение и, может быть, некоторую материальную пользу».

№9, 10.04.1944. «Я хочу быть не только твоим отцом, но и старшим товарищем, чтобы работать вместе с тобой: если бы в будущем организовалось дело так, чтобы я работал в области научной, а ты, скажем, в смежной области искусства, над практическим освоением того материала, над которым я буду сидеть с теоретическими целями – это было бы замечательно».

В заключение – слова Вероники Александровны Невской, также помещенные в конце вступительного очерка.

«Я читаю письма своего отца, написанные 60 лет тому назад, и поражаюсь их современности и его мудрости. Надеюсь, что часть того воспитательного материала, обращенного ко мне, все же запала в мою детскую душу. Мне было тогда 13 лет и, конечно, мое восприятие было этим ограничено, да и время было тяжелое, голодное – не до высоких материй. А сейчас я понимаю, как отцу хотелось дойти до моего сердца и посеять в нем ростки добра и духовности. Не знаю, насколько это ему удалось, но хотелось бы надеяться, что часть его пожеланий вошла в мою душу и, может быть, даже передалась моим милым дочкам. Мне кажется, что и для нынешней молодежи, не только для моих внуков, письма моего отца могли бы сослужить добрую службу. И именно поэтому я рискнула опубликовать наиболее интересную часть этих писем».

Мне остается добавить, что никаким злым силам и ударам судьбы не удалось разрушить эту семью. В 2008 году, когда исполнилось 110 лет со дня рождения А. А. Невского, у его любимой дочери родился правнук, которому досталось имя Александр Невский.

¹ Малофеевская Л. Н. «Нарекли нам врагами». Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2008 – 416 с.

² Короткова Н. Н. О подвижнике культуры шуянин А. А. Невском // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. III. – Шуя, 2003. – С. 100-109; Короткова Н. Н. А. А. Невский: личность и судьба // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. IV. – Шуя. 2004 – С. 98 – 106.

А. С. ГРАММАТИН

(г. Павлово)

ВОСПОМИНАНИЯ О. Н. МИЛОВСКОЙ О СВОЕМ ОТЦЕ Н. М. МИЛОВСКОМ

Мне хочется рассказать о моих воспоминаниях, которые остались у меня навсегда в памяти о далеком прошлом, о давно ушедших из жизни дорогих мне и незабвенных папы, мамы, сестры, близких родных и знакомых, о доме и улице, где прошли мои детство и юность.

На Донскую улицу в дом № 58 наша семья переехала с Остоженки в 1909 году, когда мне исполнилось два года. Дом этот предназначался для настоятелей церкви Ризположения. В нем в течение 25 лет жил мой дедушка протоиерей Виктор Петрович Рождественский; в этом доме родились моя

мама, дяди и тёти. После смерти дедушки в доме жила семья нового настоятеля Ризположенской церкви протоиерея Розанова Николая Петровича.

Этот зеленый домик, в котором мы жили, фасадом выходил на Донскую улицу. Когдаходишь в калитку с улицы во двор, сразу налево находилось парадное крыльцо. Открыв дверь, надо было подняться на четыре ступеньки, а затем вторая дверь открывалась в маленькую переднюю. Оттуда двустворчатая дверь вела в зал; он же был и папиным кабинетом. В зале три окна, выходящие на Донскую улицу. У окон на подставках было много цветов. Между первым и вторым окнами на высокой белой тумбочке под стеклянным колпаком стояло Распятие высотой 50 см. Основание, на котором стоял крест, и сам крест были из черного дерева, а фигуры Христа, Богоматери и ученика Христа-Иоанна были покрыты золотой краской, а, может, были из бронзы. Полы в зале и гостиной были паркетные. Всегда перед большими праздниками их натирали полотеры. Обычно приходили два полотера. Они натирали полы какими-то опилками с воском и мастикой, и пол блестел, как зеркало. Они босыми ногами щетками очень интересно, как бы танцуя, натирали пол. Я очень любила после их ухода разбежаться и кататься на ногах, хотя этого мне не разрешали.

В зале стоял папин письменный стол, у стола высокое кресло, два шкафа с книгами и напротив у стены трюмо. Библиотека была огромная. Кроме книг самого папы, к нему перешла библиотека В. П. Рождественского и книги, подаренные дочерьми протоиерея Н. Сергиевского. Кроме русских и иностранных классиков было много религиозных, философских, исторических книг, в т.ч. очень старинных. Были книги по искусству, литературе, архитектуре и др. Многие из них на иностранных языках. Папа хорошо знал несколько языков, в т.ч. французский, греческий, латынь. Из писателей папа любил Чехова, Короленко, А. К.Толстого, Гоголя, а из поэтов Лермонтова, Майкова, Пушкина. К книгам в доме относились с любовью.

В конце зала с правой стороны открывалась двустворчатая дверь в гостиную. В гостиной одно окно выходило в сад, а другое окно и стеклянная дверь - на террасу. В комнате стоял рояль, на нем мама прекрасно играла, т.к. она и тетя Катя брали уроки у Рубинштейна. Мы, т.е. Сережа, Шура. Соня и я тоже учились музыке, к нам приходила учительница. Над роялем висела картина Рафаэля «Мадонна в кресле», подарена дедушкой В.П.Рождественским маме в день свадьбы. У стены напротив окон стояла шифоньерка красного дерева, в ней находились книги русских поэтов, наверху стояли бронзовые часы под стеклянным колпаком; рядом овальный ломберный столик с бархатной скатертью, на нем спиртовая лампа с красивым абажуром в виде розового тюльпана. У стены перед столом диван, кресла и мягкие стулья, обитые темно-красным материалом с изображением на них цветов более светлого тона. Обои в гостиной были темно-красного цвета. На всех окнах были красивые тюлевые занавески.

В дом мы обычно входили через «черный ход»; парадный – только для гостей. Сначала попадали в сени. В сенях было два чулана, холодная уборная,

дверь на чердак. Около двери в кухню стояла большая бочка с водой. Ежедневно приезжал водовоз и ведрами наполнял бочку. В кухне русская печь, плита, бак для кипячения белья со специальной топкой. У стены большая широкая скамья, на ней стояли ведра, чугуны и пр., а над ней полка во всю стену с кастрюлями, куличницами и прочими кухонными принадлежностями. Из кухни была дверь в комнату Ульяши и Фроси. Они жили у нас со своими девочками. Ульяша готовила обед, а Фрося убирала комнаты.

В прихожей находилась и лестница с точеными перилами, ведущая в светелку с большим окном, выходящим во двор. Там было очень светло, уютно; она была Муниной¹ комнатой, а когда он был на войне и в плену, то после свадьбы там жили Витя и Ксения.

Хорошо помню нашу комнату (Сонину и мою). Окно выходило в сад. Весной перед окном цвели белая сирень и шиповник, и утром, когда моя няня Татьяна Ермиловна открывала ставни и окно, комната наполнялась ароматом цветов, слышалось пение зябликов, горихвосток, а по вечерам пели соловьи.

Сестра Соня была старше меня на шесть лет. Она окончила гимназию Фишер на Остоженке. В этой гимназии учились моя мама и тетя Катя – мамина сестра. У Фишер преподавали и греческий язык. Где учился старший брат Витя, я не помню. Муня и Сережа окончили гимназию Шамониной с золотыми медалями. Шура тоже кончал эту гимназию. Семья наша была очень дружная, все друг друга любили, и никогда между братьями не было ссор.

Все это я описываю не в хронологическом порядке, а отдельные моменты, которые запомнились мне из моего далекого прошлого. До пяти лет меня укладывали спать рано. Когда я уже лежу в кровати, приходит папа, я встаю и перед иконой Божьей Матери читаю молитву «Богородице Дево радуйся...», потом «Господи, спаси и сохрани папу, маму, Витю, Муню, Сережу, Шуру, Соню, Олю и всех православных «крестьян». Папа меня поправляет и говорит «православных христиан», садится около меня, благословляет, целует, и после этого я спокойно засыпаю.

Помню, когда мне было около четырех лет, няня со мной пошла на Донскую улицу; уже смеркалось. Няня мне сказала: «Вон твою бабушку везут в церковь». Мне очень хорошо запомнилась эта похоронная процессия. Посредине мостовой идет человек в белом камзоле и белом цилиндре и несет икону. За ним идут четыре человека по два с правой и левой стороны катафалка. Одеты они тоже в белых камзолах и цилиндрах, в одной руке они несут зажженные факелы, а другой рукой ведут лошадей. Лошади покрыты белой кружевной попоной, а на головах у них какие-то белые шапочки с перьями. Эти лошади везут катафалк, на котором стоит белый гроб, а за ним идет много-много народу. В гробу лежала моя бабушка – Елизавета Алексеевна Рождественская, которую везли в Ризположенскую церковь. Помню, я спросила няню: «Почему бабушка поехала не на извозчике?» Не помню, что она мне ответила, только быстро повела меня домой.

А какой был большой чудесный сад! Особенно он был хорош в начале мая, когда в полном цвету были яблони, груши, черемуха, сирень. А сколько ранней весной, обычно к Пасхе, было в саду и в палисаднике перед домом подснежников! Если посмотреть издали, то получался сплошной голубоватосиний громадных размеров ковер. А какой чудный аромат распространяли они!

Проезжая часть Донской улицы была широкая, мощенная булыжником, тротуары асфальтированы. Это была самая красивая улица Замоскворечья. По улице со стороны нашего дома по направлению к Калужской площади стояли особняки дворян, купцов.

Все эти дома утопали в зелени. В палисадниках росли кусты сирени, царской пудры, жасмина и др., а за домами простирались фруктовые сады, которые граничили с садами особняков по Калужской улице. Между нашим домом и церковью двухэтажный дом (сохранился до настоящего времени). В этом доме на втором этаже была церковно-приходская школа, а на первом - богадельня и просвирня.

Всё это у меня так ясно осталось в памяти.

Помню за хлебом, мясом и молочными продуктами ездили на извозчике к Калужским воротам. Масло, сметану, сыр, творог покупали в магазинах Чичкина и Бландова. В магазине Прохорова были развешаны связки сушеных белых грибов, стояли кадки и кадки с солеными рыжиками, белыми, груздями и др., а также кадки с мочеными яблоками, брусникой, клюквой. Орехи всех сортов: грецкие, миндальные, Волоцкие, фисташки, американские (в виде долек апельсина с очень крепкой коричневой скорлупой). Здесь же продавались фрукты, компот, сушеные корни. В рыбном магазине Головкина всевозможная рыба. Висели на крюках белуги, осетра, севрюги, в водоемах живые стерляди др. Целые горы мороженных судаков, карпов, наваги. В бочонках черная паюсная икра, кетовая, зернистая, лососина, семга, сельдь всевозможная.

Я два раза ездила с папой на извозчике в Охотный ряд. Помню, перед масленицей, мне было лет семь-восемь, папа купил икры, семги, мороженных судаков, наваги. Все это приказчик положил в сани к извозчику, потом зашли за грибами. Очень хорошо помню, как ехали домой, как, подъезжая к дому, папа сказал извозчику: «Пожалуйста, направо к воротам»

На масленице пекли блины с четверга. Пекли блины па трех тройных сковородках моя няня и Ульяша. В прощенное воскресенье после блинов всегда подавали горячий шоколад в маленьких чашечках. В четыре часа дня с колокольной нашей церкви раздавался унылый великопостный звон колокола, звавший к вечерне - начинался Великий пост. Все мы ходили к этой вечерне и с большим благоговением вслушивались в молитву Ефрема Сирина, которую папа произносил в черном облачении, стоя на амвоне лицом к алтарю. Он вставал на колени и делал земной поклон. Все молящиеся тоже делали это. Эта молитва читалась в течение всего Великого поста. После вечерни, придя домой, пили чай, а на сон грядущий шли по очереди в зал к папе просить

прощения. Папа благословлял, говоря: «Господь простит» и тоже у всех просил прощения. Просила прощения я искренне, даже с каким-то волнением. Потом просили прощения у няни, Ульяши и Фроси.

Начиналась первая неделя Великого поста. Готовили кушанья все постные. Обычно на первое были грибные щи из кислой капусты или грибная лапша; на второе картофельные котлеты с грибным соусом, ежедневно гречневая каша, которую все любили, пшенная тоже с подсолнечным маслом, солянка с сушеными белыми грибами, кисели. В праздник Благовещения рыбные блюда, и в Вербное воскресенье тоже была рыба.

Помню, когда мне исполнилось семь лет, я с мамой и Соней первый раз пошла на исповедь. (В семь лет уже не младенец, а отроковица - все начинали исповедоваться). Это было в Великую среду. В церкви был полумрак, у икон горят лампы и свечи, у амвона близ алтаря место для исповеди отгорожено ширмой. Стоит аналой, на котором лежит Евангелие и крест; около аналоя стоит старенький священник. Мне было очень страшно, т.к. у меня на душе был грех, о котором я должна была покаяться священнику. А грех был такой: няня за три недели до Пасхи посадила двух наседок, подложила под них по 15 яиц и сказала, что через 21 день должны появиться цыплята. Одна наседка, белая - была моя, а другая, серая - Сонина. Я не утерпела и через 19 дней пошла посмотреть, может быть уже есть цыплята. Подняла свою - всё тихо; подняла Сонину и услышала писк в яичках и даже увидела высовывается клювик. Я решила вынуть цыпленка - думала, что я ему помогу. Стала снимать скорлупку и показалась кровь; я испугалась, положила обратно окровавленное яйцо и не призналась в моем поступке Соне. Через два дня вывелись у Сониной наседки 14 цыплят, а у моей все 15. Этот грех я совершила накануне исповеди.

Священник меня спросил: «Слушаешься ли папу, маму». Я отвечаю: «Да» – «Не брала ли чего-нибудь без разрешения?» Опять отвечаю: «Нет» – «Может, когда-нибудь обижала братьев, сестер?» Я ответила: «Да». Священник накрыл мою голову епитрахилью и произнес отпуск грехов отроковице Ольге, дал поцеловать Евангелие и крест. Свечу я положила на аналой, а 20 копеек забыла от страха положить в кружку, и мне пришлось вернуться и опустить деньги в кружку. Мама и Соня меня дожидались с улыбками. Когда мы возвращались домой после исповеди, мне было так хорошо, так легко на душе. На другой день в Великий четверг мы причащались в нашей церкви, причащал папа. Помню, на мне было белое шерстяное платье плиссированная юбочка, белые чулки и белые туфли, на голове на макушке белый бант. Вечером ходили в нашу церковь. Посредине церкви Распятие. Папа в черном одеянии стоит перед ним со свечой в руке; все молящиеся тоже стоят со свечами. После окончания службы весь народ выходит из церкви с зажженными свечами; несут их домой, чтобы от этой свечи засветить лампаду.

В Великую пятницу папа уезжал исповедоваться к своему духовнику, а перед отъездом просил у всех, кто был дома, прощения.

В Великую субботу в 12 часов ночи, как только в Кремле на колокольне Ивана Великого раздастся первый удар большого колокола, на колокольнях всех московских церквей начнется звон. К Пасхальной заутрене ходили все, а после обедни в 6 часов утра разговлялись. В столовой стол был накрыт белой скатертью, стояли гиацинты и левкои, которые выращивали к Пасхе сами. Сначала все христосовались и обменивались крашеными яйцами. На столе на большом блюде лежал окорок, который запекали в русской печке, и перед тем как запекать, обмазывали его тестом из ржаной муки. Потом была языковая колбаса, сыр, масло сливочное, яйца, пасха, кулич, бутылка кагора и виноградного сока. После ложились спать, а в 10 часов уже все вставали. Папа с причтом уходил в приход; прихожане уже дожидались. Они христосовались с причтом, обменивались яйцами. С 10 часов утра до вечера по всей Москве раздавался непрерывный звон... Звонить могли все желающие - все колокольни были открыты.

На Пасхе в родительский дом к нам приезжали дяди, тетя Катя и Павел Петрович Розановы, и мы все ходили в Донской монастырь на кладбище к дедушке, бабушке, тете Ане и дяде Ване. У могил папа служил панихиды. На кладбище была чистота, все дорожки посыпались желтым песком.

Помню, когда мне было 5-6 лет, в дни моего рождения мои братья делали в саду иллюминацию. От террасы до большого вяза по обеим сторонам дорожки они развешивали разноцветные китайские фонарики, а когда стемнеет, в этих фонариках зажигали свечи. Было очень красиво.

Вообще меня как самую маленькую, все очень баловали всякими сюрпризами. Когда мы жили на даче ст. Герасимово по Павелецкой ж.д. (сейчас ст. Ленинская) там было имение Рейнбота (теперь Ленинские Горки), а рядом наши снимали дачу, но в парк Рейнбота можно было ходить свободно. В день моих именин 11 июля ст. ст. приезжал из Москвы папа и дядя Коля, и в этот день братья пускали фейерверк над рекой Пахрой (это было только в 1912-13 гг.) В это время уже появлялись белые грибы.. Братья и Соня ежедневно ходили в лес за грибами, а я собирала грибы вместе с няней у дачи. Так как моя няня была большим знатоком искать грибы, то мы набирали грибов довольно много; грибы брали только белые.

20 августа мы приезжали в Москву, т.к. у братьев и Сони с 1 сентября ст.ст. начинался учебный год. У наших хозяев дачи был гладкий черный пес с отрубленным хвостом. Звали его Джек. Когда мы переезжали с дачи в Москву, хозяева заперли пса в чулан, чтобы он не увязался за Муней. Муня с Джеком ходили на охоту, поэтому пес к Муне был очень привязан и ходил за ним по пятам. Мы приехали в Москву поездом утром, а вечером на подводе прибыли с дачи наши пожитки. На следующий день мы все сидели в столовой, окна которой выходили во двор, за обедом, и вдруг влетает во двор Джек. Мы все вышли, а Джек от радости или извиняясь, начал фыркать, морщить нос, лег на спину, лапы вверх и начал скулить. Все мы ему очень обрадовались, приласкали, накормили. На другой день Муня на велосипеде поехал на станцию Герасимово и взял с собой Джека, чтобы передать хозяевам.

Когда они прибыли на дачу, Джек увидел своих хозяек, был очень рад, лизал руки то одной, то другой, прыгал, но как только Муня собрался уезжать, Джек прижался к нему, и в глазах стояли самые настоящие слезы. Оказалось, весь день и всю ночь пес скулил, ничего не ел, а, как только выпустили его из чулана, он помчался к станции и пропал. Хозяйки сказали: «Его уже не удержишь, если он побежит за Муней. Пусть он уж будет жить у вас» И Джек снова прибыл в Москву и с тех пор жил у нас около трех лет.

Хорошо помню праздник в Донском монастыре (19 августа ст.ст.). Вся Донская улица была усыпана скошенной травой. В этот день из Кремля шел крестный ход в Донской монастырь. По пути к крестному ходу присоединялось духовенство с хоругвями тех церквей, мимо которых проходил крестный ход под звон колоколов. Народу было множество.

Особенно много приезжало огородников из близлежащих сел и деревень – Воробьевки, Раменок, Зюзина, села Семеновского, которое находилось, где теперь Ломоносовский проезд и Черемушкинский рынок. Вокруг стен Донского монастыря в этот день всегда была ярмарка (до 1925 года). На ярмарку привозили целыми возами яблоки, груши, сливы и разные другие сельхозпродукты. Здесь же торговали пряниками, подсолнухами, орехами, свистульками и пр.

Крестьяне приезжали в любую погоду одетыми в праздничные одежды. Мужчины в белых, голубых, розовых косоворотках, в длинных черных пиджаках или поддевах. Брюки, заправленные в начищенные до блеска сапоги и в калошах. В октябре начинали заготовку на зиму дров, угля, рубили капусту. Угольщик привозил уголь в больших кулях.

Но вот наступала зима. В доме очень тепло и уютно. Топятся голландские печи, горят керосиновые лампы. Я еще не училась в гимназии и целые дни в любой мороз гуляла в саду: ходила на лыжах, каталась с горы, которую сделали братья, на санках. Или запрягала в санки дворовую собаку Цыгана, и он меня катал по саду. Вечером братья и сестра готовили уроки, а я, чтобы им не мешать, отправлялась к папе в зал и просила: «Папа, дай, пожалуйста, бумажки порисовать», а потом все свои рисунки относила к папе.

Начался Рождественский пост... Обеды стали без мяса, с грибами, сметками, рыбой. Всегда ежедневно была гречневая каша, которую все очень любили. В первый день Рождества после обедни разговлялись, а за обедом в этот день у нас всегда был жареный гусь с антоновскими яблоками и капустой. На третье – мороженое, которое мама делала сама. После обедни и разговенья папа уходил с причтом в приход, а братья после обеда уезжали с визитами. Вечером приходили к Муне и Сереже товарищи, декламировали, загадывали шарады и пр. Все Рождественские праздники проходили очень интересно и весело.

В 1914 году я начала учиться в гимназии Приклонской. Муня ушел на войну. В этом же году была свадьба Вити и Ксении Дмитриевны Ромашковой. Свадьбу помню хорошо. Витя был в студенческом костюме и со шпагой. Витя и Ксения были очень красивы. После венчания молодые ехали к нашему

дому в карете, впереди их с иконой сидел Муня. Свадебный стол был накрыт в гостиной. Помню, что Фаню, Муню и меня посадили за отдельный маленький столик и мы тоже кричали: «Горько!»

Помню, как на Рождестве братья, Сережин товарищ Мшихин и Сережа Грамматины ставили спектакль "Иванов Павел". Сцена была устроена в зале, туда был поставлен рояль. Ксения аккомпанировала на рояле. Зрителями были: папа, мама, дяди, Павел Петрович и Нина Розановы, няня, Фрося и Ульяша, Сонины подруги и товарищи братьев.

С 1919 года у нас все изменилось. В июле умер дядя Сережа, в октябре Шура, в ноябре Соня. В марте 1920г. умерли мама и дядя Коля. Все эти утраты сильно повлияли на папу, а потом и новое испытание². Он как-то сразу постарел внешне, но с еще большей энергией занимался у себя в маленькой комнате за письменным столом.

В день кончины патриарха Тихона, которая произошла 25 марта ст.ст.1925 года в день Благовещения, папа до ранней обедни совершал первую панихиду над почившим патриархом, т.к. место жительства патриарха находилось в Донском монастыре, а монастырь принадлежал к приходу Ризположенской церкви.

В 1924 году была свадьба брата Михаила и Лиды Ромашковой. Через год у них родился сын, которого назвали Николаем. Папа очень полюбил своего внука Колю, носил его на руках, ходил с ним по саду, а во время чаепития сажал к себе на колени и позволял ему чайной ложкой мешать в сахарнице, наливая туда чай. Когда Коле было месяцев 8-9, если он услышит голос дедушки, он начинал прыгать в кроватке, держась за нее и смотреть на дверь, откуда слышится голос дедушки. По-моему, у папы внук Коля был первой радостью после всего пережитого.

В 1924 году Дмитрий Иванович Ромашков познакомил папу с Александром Ивановичем Юшковым. Это был библиофил – большой ценитель книги. Юшков стал часто бывать у папы, они долгие часы проводили вместе, обсуждали богословские и философские вопросы. К ним часто присоединялись протоиерей С. В. Страхов и Л. А. Полотебнов, а также Борис Владимирович Шервуд – сын Владимира Осиповича Шервуда. В. О. Шервуд был известный архитектор, скульптор и живописец. Им построено здание Исторического музея, памятник Героям Плевны, памятник Н. И. Пирогову в Москве и др. Сам Борис Владимирович был библиофил. Знакомство папы с ним состоялось в конце 1919 года, когда скоропостижно в возрасте 34 лет скончался его брат – Всеволод Владимирович Шервуд, талантливый архитектор и художник (как и другой брат Леонид Владимирович). Вскоре после похорон брата, к папе пришел Борис Владимирович и попросил папу вместе с ним зайти к вдове брата, так как она находится в ужасном состоянии; начались припадки, никто не может ей помочь, и просил папу укрепить её в вере, сказать ей слова утешения.

Папа всегда шел навстречу чужому горю, всегда утешит, укрепит, и его слова утешения, проникнутые любовью к ближнему, подкрепленные его

мудростью, возымели на Надежду Леонидовну благоприятное действие. Она стала спокойнее, стала посещать церковь, слушала папины проповеди. Жила она с сыном на Малой Калужской ул. в собственном доме, который построил по своему проекту в русском стиле Всеволод Владимирович. Этот дом напоминал терем. В 1921 году дом перешел во владение завода «Красный Пролетарий», и там был устроен клуб этого завода. Саму Надежду Леонидовну с сыном и старушкой-няней, ее мужа переселили в комнату на Мытной улице. Все вещи из дома, вплоть до белья, были разворованы. Мытная улица принадлежала уже другому приходу, но вдова и тогда ходила в нашу церковь, слушала папины проповеди. Он был ее духовным отцом. И она, и Борис Владимирович исповедовались у папы, относились к нему с каким-то прямо благоговением и часто бывали у нас.

Теперь, когда я пишу эти строки, всех, кто бывал в нашем доме у папы, уже нет в живых...

На этом заканчиваю свои воспоминания.

Теперь я люблю разбирать папин почерк и переписывать его рукописи. Когда смотришь на пожелтевшие от времени листы и выцветшие чернила, узнаешь его почерк, то мне всегда кажется, что он незримо находится рядом со мной. Более всего я ценила в отце - его доброту, любовь ко всем окружающим его, тактичность, его ум и его милое доброе лицо.

1986 год.

¹ Муня – так ласково звали в семье Михаила, брата Ольги Николаевны (Примеч. автора публикации).

² В 1922 году в период конфискации властями церковных ценностей Николай Михайлович Милковский был арестован и осужден на 3 года тюремного заключения. В 1923 году освобожден по амнистии (Примеч. автора публикации).

Б. А. СИДОРОВ
(г. Шуя)

ЕДИНСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Это, вероятно, покажется странным, что я отчётливо помню тот солнечный августовский день второй половины 1960-х годов, когда впервые услышал эту удивительно русскую и вряд ли переводимую на другие языки фамилию: Солоухин. Услышал ещё без имени и отчества...

Нас было трое друзей, «вооружённых» грибными корзинами и фотоаппаратами: Юра Турлапов, организатор этого путешествия, Лолий, или, как звала его мама, Лока Шилов и я. Мы ехали на велосипедах от четвёртой улицы посёлка имени М. В. Фрунзе, где жил Юра, по пыльной дороге в сторону Дроздова, знаменитого когда-то села, имевшего в «плане» вид буквы «Г» с церковью в месте схождения двух перпендикулярно расположенных улиц, каждая из которых была в один «порядок». Перед церковью стоял «домик крошечка» в два окошечка, очень маленький, немного покосившийся, покрытый, как и многие в селе дома, соломой. Тогда мы ещё не знали, что когда-то

служил в этой церкви отец Владимир, сын которого Иван Владимирович Цветаев «подарил» России Московский «Музей изящных искусств», носящий имя А. С. Пушкина, а внучка Марина стала великим русским поэтом. Да и как мы могли об этом знать, коль в школе тогда об этом не очень-то говорили... Впрочем, и не только в школе.

Однако целью нашей поездки было, собственно, не само село, не его исторические достопримечательности, о которых, повторяюсь мы и не ведали, а красивейшие грибные места той стороны с изумительной поляной среди леса, окаймлённой «кустами» белоствольных берёз.

Дорога была широкая. Мы двигались рядышком и вели неспешную беседу о том – о сём. И вдруг, как будто что вспомнив, Лолий перевёл разговор на новую тему:

– Слушайте, только что прочитал «Владимирские просёлки» Солоухина. Проглотил, что называется за один присест. Получил великое наслаждение и множество интереснейших познаний... Вот также бы походить, если не по всей нашей Ивановской области, то хотя бы только по Шуйскому району!..

Меня это очень заинтересовало. На другой же день я вышел из городской библиотеки, держа в руках эту, как назвал её автор, «лирическую повесть» и в течение недели с упоением прочитал всё от корки до корки. Всё в ней было необычно, свежо, талантливо: и тема, и форма, удивительно красивый, настоящий русский язык. Я узнал очень много нового, интересного, полезного, как будто сам побродил по этим просёлкам, побывал в городах и весях земли Владимирской. Какой же Солоухин патриот! Как он любит свой край! И ведь как закончил: как гимн пропел. Гимн Родине своей пропел. Родине большой и малой! Вот эти строки из повести: «...но и при беглом взгляде, кинутым на Владимирские земли, где новое, растущее, победившее так причудливо перемешалось со стариной, невозможно не ощутить тех глубоких перемен к светлому, которые произошли в душах русских людей и благодаря которым каждый говорит про себя, что он не просто русский, но советский русский человек.

Заставь-ка его сейчас пойти в батраки, или, как у нас называлось, в работники, если бы даже, откуда ни возьмись, и появился предприниматель, желающий нанять батраков, что, конечно, само по себе уже фантастика. Как же, держи карман шире! Пойдёт тебе колхозник, знакомый с существом свободного, равноправного труда в батраки. Но не то время, не те люди, не та страна!

Да что в батраки! Заставь его просто уйти из колхоза, отрежь ему кусок земли, пусть, мол себе обрабатывает. «С какой стати, – скажет вам колхозник, – стану я копать в одиночку на клочке земли, как тот жук-навозник. Отвыкли мы от этого в нашей артели».

Как говорится – конец цитаты.

Теперь я уже знал имя и отчество того, кто запал мне в душу и «застрял» в моём сердце. Владимир Алексеевич Солоухин стал одним из моих любимых современных писателей. Мне было очень интересно всё, что выхо-

дило из-под его пера. Правда, следующая его повесть «Капля росы» несколько разочаровала. «Мать и мачеха», а затем и «Славянская тетрадь» вновь подогрели интерес к автору. Этот интерес привёл к открытию: оказывается, существует «толстая» еженедельная газета «Книжное обозрение», где публикуются списки всех изданий, выходящих на будущей неделе. Я стал регулярно просматривать это издание. Оказалось, что в объявленном «графике» были сбои, и желанная книга поступала в продажу через две, три, а то и четыре недели. Но, главное – было что ждать! И я терпеливо ждал.

Пришло время, когда, как из рога изобилия, посыпались удивительные, самобытные: «Письма из Русского музея» о российской живописи (здесь я впервые узнал, среди многого дотоле мне не известного, что иконы великого Рублёва долгие годы находились в недалёком от Шуи селе Васильевском); «Третья охота», которой все зачитывались ещё в журнальном, не расширенном позднее, варианте; «Чёрные доски» – ставшие культовой книгой для очень многих почитателей древнерусской иконописи. Кстати сказать, до выхода этой повести на сельских кладбищах шуйской округи можно было увидеть и, при желании, собрать много икон. Дело в том, что с иконой, как правило, хоронили пожилых людей. Икону, после погребения умершего, оставляли на могиле, поскольку домой, по церковным канонам, с кладбища ничего нести было нельзя. Вот и оставались они на могильных холмиках, как иногда в наши дни остаются портреты умерших, выполненные фото-способом и наклеенные на толстый лист фанеры. Этой повестью, имеющей подзаголовок «Записки начинающего коллекционера», Солоухин, силой своего таланта, влюблённостью в то, что он хотел донести до читателя, пробудил справедливый интерес и...вольно или невольно, нездоровый иконный бизнес: после выхода «Чёрных досок» икону на могилах сельских кладбищ стало найти невозможно. Как, впрочем, и саму эту повесть на прилавках книжных магазинов.

Но я несколько отвлёкся. Потом были «Трава», заключительные главы которой отказался печатать журнал «Наука и жизнь», разорвав договор с автором – случай беспрецедентный в истории журнала. И всё из-за того, что там шёл разговор о знахарях и знахарстве. Затем вышла повесть «Приговор» – о переживаниях человека, узнавшего о своей, казалось, неизлечимой болезни. Писал он эту повесть с себя, и потому всё в ней просто потрясало.

А какое чудо были его рассказы! Я сразу полюбил их, некоторые перечитывал по несколько раз: и «Мокрый снег», и «Девочка на урезе моря», и «Варвара Ивановна», и «Закон набата», и ещё десятка два-три маленьких шедевров. И что удивительно, он всегда был правдив, ничего не придумывал: и сюжеты брал из жизни, и имена героев своих произведений оставлял подлинными. Это было очень необычно, это подкупало читателя, в том числе и меня. Я буквально заболел Солоухиным, я стал «охотиться» не только за его книгами, но и за газетными и журнальными публикациями его произведений, за статьями о нём. Меня покорила публикация Василия Михайловича Пескова в «Литературной газете»: «Откуда бьют родники». Это о Солоухине.

Наступил 1973 год. Шёл февраль. Нежданно-негаданно я узнаю: Солоухин в Шуе!.. Я – на работе. Отпрашиваться неудобно. А как хочется встретиться с ним! Поговорить. Задать вопросы – их у меня накопилось достаточно: и о творчестве, и об отношении к природе, истории, архитектуре, старине. Звоню в редакцию местной газеты: знаете ли новость? Оказалось, что им это известно, что уже есть договорённость с Владимиром Алексеевичем о вечерней встрече с ним в кабинете редактора. На душе отлегло: я ходил на занятия школы рабселькоров в газете, печатался в ней, а посему был уверен, что сегодня мне повезёт и я пообщаюсь с писателем. Но тут, поразмыслив, сообразил: поскольку официальное отношение к Солоухину довольно сложное, неплохо будет «попроситься» на эту встречу. Я позвонил Григорию Аркадиевичу Бородину, тогдашнему редактору газеты и вопрос был решён положительно.

День прошёл в ожидании встречи.

Я узнал, что оказывается, Солоухин в Шуе уже третий раз. Два первых приезда в наш город не объявлялся, был инкогнито. Останавливался всегда на Театральной, 10, в доме врача-гинеколога Дмитрия Нестеровича Кузьмина, который приходился зятем самому Д.Г. Бурылину, известнейшему ивановскому фабриканту. В этот приезд решил пообщаться с читающим и пишущим человеком нашего города. Днём он посетил читальный зал городской центральной библиотеки. Как было принято в подобных ситуациях, скоренько обзвонили актив читателей, пригласили учащихся близлежащих школ города...

Читали ли они произведения знаменитого московского гостя? Что они знали о нём?

Впрочем, я, вероятно, не прав: даже если не читали, если даже не слышали о нём, встреча эта с таким неординарным человеком, наверняка, оставит след в памяти на долгие годы. Ну, как забыть такое: в конце той встречи кто-то из взрослых участников её – почитатель таланта Солоухина – протянул Владимиру Алексеевичу томик его произведений. Он поставил свой автограф и, вручая книгу владельцу, сказал с гордостью: «Теперь эта книга стала во много раз дороже!»

Как мне рассказывали потом очевидцы, для жителей провинциальной Шуи это было шокирующим...

С работы я не шёл, – я бежал. И прибежал вовремя. В кабинете редактора уже собрались сотрудники редакции да несколько человек вроде меня. Не было только Бородина и Солоухина

И вот они вошли. Первым шёл Гость: высокий, крепкого телосложения, с удивительно русским лицом, озарённым приятной улыбкой. Поздоровался... Все мы, ивановцы, «окаем», но такого «круглого О» в наших краях я ещё не слышал. Примерно также это звучало в старой кинохронике, запечатлевшей выступление Максима Горького, но здесь был «живой звук» и от этого эффект был потрясающим.

Григорий Аркадьевич представил писателя и предоставил ему слово. Владимир Алексеевич рассказал немного о себе, о том, что уже написано, что находится в работе, о чём сейчас думается. Посетовал на проблемы с издани-

ем своих произведений, хотя по меркам той поры, он не был очень обижен: его повести и рассказы регулярно выходили в различных издательствах тиражами от 50 до 150 тысяч экземпляров. Да и сетовал он больше на то, что его книги не залеживаются на полках книжных магазинов, что их трудно приобрести каждому желающему. И, как пример, привёл ФРГ, ещё тогдашнее, где его «Третью охоту» печатают постоянно и будут печатать до тех пор, пока на неё есть покупательский спрос.

Затем начался «вечер вопросов и ответов».

А начался он с разговора о современной литературе и журналистике. Бородин спросил писателя, следит ли он за публикациями в периодической печати:

– Газеты и журналы читаю регулярно, но всегда начинаю с последней страницы, – ответил Солоухин.

Ответ вызвал некоторое удивление у присутствующих, начали переглядываться. Уловив это, Владимир Алексеевич продолжил:

– Я ведь, прежде всего, смотрю: не сняли ли редактора.

Григорий Аркадиевич протянул ему последний номер журнала «Волга»:

– Это наш региональный журнал. Вы читаете его?

Солоухин, мельком взглянув на предлагаемое, ответил кратко и сухо:

– Нет.

– Почему? Мы считаем, что у него хороший и разнообразный круг авторов.

– Редактор там трус, – последовал короткий, категоричный и довольно резкий ответ.

Поговорили о писательском творчестве, о том, что после творцов литературного труда на века людям остаются их произведения. Солоухин полностью согласился с этим, отметив, однако, что, конечно, гордится тем, что удалось написать и в прозе, и в стихах, делая упор почему-то на стихи. Через какие-то две-три секунды он произнёс удивительные во всех смыслах слова:

– Стихи нельзя читать!

Никто его не понял. Опять начали переглядываться. А он, как профессиональный актёр, сделав паузу, продолжал:

– Стихи нужно слушать. (Я по сию пору вспоминаю эту его мысль, постоянно убеждаясь в его правоте). И добавил к этому, что свои стихи ему дороже стихов многих других современных поэтов... О чём-то чуточку задумался, а потом сказал:

– Считаю свою жизнь не напрасно прожитой хотя бы потому, что я спас от гибели две деревянные церкви.

Я понял, о чём было сказано. Эти памятники русской старины были обнаружены им во время путешествия по Владимирским просёлкам. Обе, его заботами, были перевезены в Суздаль. Ту, что поменьше, Никольскую из села Глотова, удивительно вписали на открытом пространстве к западу от Рождественского собора. Вторую, Преображенскую из села Козлятьево, установили

на другом берегу Каменки, чуть наискосок, где она послужила началом музея деревянного зодчества.

Стали задавать вопросы. Кто о чём. Я спросил, как он относится к художникам, оформлявших его книги, полагая, что его произведения достойны более высокого мастерства.

– Знаете, – ответил Солоухин, – я как-то не участвую в этом процессе. Да и с художниками этими я лично не знаком. Издатели скажут мне: «Вот есть такой-то... Мастер не плохой». И я соглашаюсь, иногда не видя их трудов вообще.

Кто-то поинтересовался, к каким жанрам литературы он имеет больший интерес. Ответ опять заставил собравшихся задуматься:

– Читаю многое, читаю разное, но совершенно не интересуюсь фантастикой.

А затем, видя некоторое удивление на лицах собравшихся, продолжил:

– Когда я думаю об авторах этих произведений, мне всегда кажется, что эти взрослые люди играют в какие-то детские игры.

Время летело быстро. В одну из заминок в разговорах, я осторожно попросил у Владимира Алексеевича разрешение сделать несколько снимков. Он посмотрел на меня, потом покрутил головой по сторонам, поглядел на потолок, в метре от которого висела всего одна лампочка, обрамлённая простеньким абажуром.

– А получится ли чего? – спросил он меня.

– Конечно, свет не очень удобен... Включим ещё настольную лампу на редакторском столе, – ответил я.

Так и сделали. И я несколько раз нажал на спусковую кнопку фотоаппарата.

Настала пора расходиться. Кто-то протягивал Солоухину блокноты, кто-то маленькие листочки форматной бумаги для автографов на память о незабываемой встрече. Я протянул почти четырёхсотстраничный томик «Славянской тетради», выпущенный в 1972 году издательством «Советская Россия» стотысячным тиражом. В сборник, кроме заглавной повести, вошли «Письма из Русского музея» и «Чёрные доски».

Владимир Алексеевич поднял на меня глаза и отрывисто спросил:

– Где взял?

– Купил... В книжном магазине.

– Где?

– Здесь, в Шуе... Но с трудом.

– Сам видел, в Москве, из-под полы, им торгуют по 25 рублей, – и размашисто написал на титульном листе: «Борису Сидорову. Вл. Солоухин. 73 г. Шуя».

Я машинально посмотрел на последнюю страницу обложки. На бумвиниле выдавлено: 85 к. На перекидном календаре редакторского стола было 22 февраля.

И тут, осмелев, я решил задать ещё один вопрос:

– Владимир Алексеевич, это действительно с Вами всё так и было, как написано в «лирическом репортаже» с названием «Приговор»?

– Да. У меня вырезали почти килограмм «мяса». Вот здесь, – и он очертил пальцем на брюках место, где хирурги прошлись скальпелем.

На улице – темень, холод. Солоухин – в чужом городе. Он и в дневную пору, вероятно, с трудом бы нашёл дом Кузьмина. Вот я и предложил гостю себя в роли провожатого. Предложение это было принято с благодарностью.

Ведя интересную для меня беседу, неспешно шли мы рядышком по улицам города. Прошли площадь Фрунзе, свернули вправо, на Советскую. Пройдя каких-то сто метров, повернули на улицу Мортирия Соловьёва, подошли к улице Ленина. И тут я вспомнил о громадном впечатлении, которое произвёл на меня фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублёв», впервые увиденный мною на первом – закрытом – киносеансе в сентябре 1972 года. Подобного потрясения от кинофильма я не испытывал с 1960 года, после «Ночей Кабирии» Федерико Феллини. Ну, как не спросить о впечатлении от «Андрея...» у человека, так любящего всё русское, национальное, коллекционирующего предметы русской старины; как не спросить у человека, тепло написавшем о Рублёве в своих «Чёрных досках»?

Мы только что подошли к некоему узкому «рубёжу» в виде гряды снега, сгрёбённого дорожной техникой, когда я спросил моего сопровождаемого:

– Владимир Алексеевич, Вы, несомненно, видели «Андрея Рублёва»? Великий, потрясающий фильм, не правда ли?

Солоухин в этот момент занёс одну ногу через эту «снежную грядку», переступил её и в таком неудобном положении повернулся ко мне лицом и громко, резко, возбуждённо произнёс:

– Я ненавижу Тарковского!

Такого ожидать я никак не мог. На какой-то момент даже потерял дар речи. Затем, придя в себя, ещё ничего не понимая, только и смог спросить:

– Почему?

– Тарковский копается в говне! В русской истории было очень много светлого! Героического! Вот об этом и надо делать кино!

Я был поражён. В голове моей начали путаться мысли. Плавню тёкшая беседа как-то сама собой «забуксовала». Солоухин был возбуждён; я считал себя виноватым в этом. Мне стало очень неудобно перед знаменитым московским гостем. Но в чём я был виноват? В том, что считал (и по сию пору считаю) Тарковского великим режиссером, а он нет? И только?..

До Театральной улицы оставалось каких-то двести метров. Мы их прошли, говоря о чём-то второстепенном. Подойдя к крыльцу дома Кузьмина, я нажал кнопку звонка. Вышел Дмитрий Нестерович, и я передал Владимира Алексеевича «с рук на руки».

На другой день я обработал отснятую накануне фотоплёнку. Был рад, что по экспозиции всё было нормально. Ещё через день отпечатал несколько снимков с лучших по композиции негативов. Зашёл в редакцию. Воспользо-

вавшись служебным справочником членов «Союза писателей СССР», нашёл домашний адрес нашего недавнего гостя. Написал ему небольшое письмо и, вложив в конверт фото, отправил его в столицу, в тайне надеясь на ответ... которого так и не дождался.

Прошло полгода.

В издательстве «Современник» вышел новый сборник произведений Владимира Солоухина «Олёпинские пруды», названный так по малой родине писателя деревне Олёпино. Впрочем, чаще и правильное именуемое Алёпино, где стоит его большой, если не сказать огромный родительский дом в два этажа; нижний из красного кирпича, верхний бревенчатый в пять окон как по короткой, так и длинной стороне. Здесь он обычно проводил всё время с апреля по ноябрь. Родная земля давала Владимиру Алексеевичу и силы, и темы для его произведений больших и малых форм.

В этом издании, вышедшем, и по тем временам, большим тиражом в 150 000 экземпляров, кроме великолепной повести «Трава» (без купюр), было ещё четырнадцать рассказов. Часть их мне была уже знакома, другие я прочёл впервые. Особенно заинтересовал меня тот, название которого было взято в кавычки: «Восхваление Гомера». Начало рассказа приковало моё внимание сразу же: «В небольшом захолустном городке в трёхстах километрах от Москвы, мне посчастливилось купить несколько прекрасных старинных вещей, чудом сохранившихся и доживших до наших дней...» Да ведь это же о Шуе! О его поездке в наш город!

Мой патриотизм, однако, резануло одно слово... «Небольшой» – да. «В трёхстах километрах от Москвы» – накругло и это так. Но вот «захолустный» – извините, уважаемый, не могу с Вами согласиться!

Я тут же открыл последнюю страницу сборника. В выходных данных было написано: «Сдано в набор 6/2 1973 г.» Значит, рассказ был написан ещё до нашей ночной прогулки по шуйским улочкам, после первого или второго посещения писателем Шуи.

Единым духом прочёл я написанное на десяти страницах... Так вот зачем он приезжал в наш город! Он забрал у Кузьмина антиквариат, доставшийся тому от Бурлылина. Об этом было написано прямо, не называя, однако, имени хозяина дома: «Мне были названы предметы, которые могут быть проданы (а некоторые подарены), мы сошлись в цене, и осталась только одна проблема – найти грузовик. Он понадобился из-за дуровского шкафа и мхатовских кресел, потому что всё остальное, включая и часы «Восхваление Гомера», поместились бы в легковую машину. Пришлось обратиться на местную автобазу. Через час с небольшим к дому подъехал фургон (ГАЗ-51), и водитель Владимир Мефодиевич (какие ещё сохранились местами отчества!) открыл у фургона заднюю дверь. Началась погрузка и увязка вещей».

Воистину Солоухин ничего не придумывает: нашёлся и Владимир Мефодиевич Пудовнин, работавший на 2-й автобазе Шуйского автотранспортного комбината и ставший героем одного из рассказов известного писателя.

Прошли годы...

Пришла пора перестройки. Наступил... и прошёл 1991 год. Во многом переменялась и тема произведений Солоухина. Это видно даже по заглавиям его трудов. Вот примеры. «Смех за левым плечом» (за правым – ангел, за левым – сатана), «Время собирать камни» – некое эссе об усадьбах Державина, Аксакова, Блока; «Продолжение времени», «При свете дня» – ревизия деятельности В. И. Ленина, «Последняя ступень», и наконец, – «Чаша» о судьбе послереволюционной русской эмиграции. Над «Чашей» он трудился до кончины, последовавшей в начале апреля 1997 года...

О чём эти книги? Откроем первую из них. Это роман. Задумал его Солоухин ещё в 70-е годы.

Читаем: «И так, мне семь лет. В селе и в окрестных деревеньках организованы колхозы, то есть крестьяне обречены на почти что бесплатный труд, по сигналу, по звонку (ради этого оставили один маленький колокол из трезвонных, пуда на полтора, и повесили его на столбе).

И так далее... Это не то ли же самое, в чём он обвинял Андрея Тарковского в тот холодный февральский вечер 1973 года?

У меня появилось какое-то странное чувство к этому, когда-то очень любимому писателю. Заходя в книжные магазины, я иногда видел на полках его новые книги. Интересы ради просил их показать мне. Полистав, прочитав некоторые маленькие фрагменты напечатанного, я возвращал книги продавцу... Деньги у меня были. И хотя стоили эти томики уже не так дёшево, как прежде, – кошелёк мой мог бы их уместить – но что-то останавливало меня поставить их на мою домашнюю книжную полку рядом с тем, что было написано Солоухиным прежде... Заводить вторую – не было смысла. Было ясно, что это не надолго. Во мне произошло то, что случилось с десятками тысяч норвежцев по отношению к своему кумиру, Нобелевскому лауреату Кнуту Гамсуну. Я перестал его любить. Я перестал ему верить. И не только потому, что он «перевернулся», но ещё и потому, что материалы для своих новых книг он брал, зачастую, из сомнительных источников, в том числе и из «жёлтой» прессы, нисколько не утруждая себя сверить их с подлинными документами.

Не устраивало и то, что он увёз из Шуи многие раритеты, способные составить прекрасную экспозицию либо в шуйском, либо в ивановском краеведческих музеях. Утешало в этом только то, что, сопоставив факты, я пришёл к такому выводу: на деньги, вырученные от продажи Солоухину части своей коллекции, Д. Н. Кузьмин оборудовал лингафонный кабинет в средней школе № 1, в память о своей жене – дочери Д. Г. Бурulina – Софье Дмитриевне Кузьминой, много лет преподававшей там немецкий язык. Другого способа найти средства на это Дмитрий Нестерович просто не знал. А городские власти вряд ли могли, в то время, компенсировать ему эти «убытки».

Что ещё сказать о Солоухине?

В 1979 году он был удостоен Государственной премии РСФСР. В последний год жизни – пожалован званием потомственного дворянина от зарубежных престолонаследников.

Чему он был больше рад? Чего он был более достоин?

И ещё один вопрос не даёт покоя: как такой талантливый человек, такой большой писатель, такой смелый человек мог легко и просто менять свои взгляды и воззрения?

Хотел так и оставить эти три вопроса в конце своего повествования, но зашёл в городскую центральную библиотеку. Спросил: «Востребовано ли сегодня написанное тем, чьи книги было совсем не просто купить каких-то 20-40 лет назад?..» На абонементе мне ответили, что один, бывает, два раза в год кто-то спрашивает «Чёрные доски». В читальном же зале не смогли припомнить и этого...

Жаль!

Жаль хотя бы потому, что Владимир Алексеевич Солоухин был (вместе с В. М. Песковым, В. П. Астафьевым, В. Г. Распутиным, В. И. Беловым, В. В. Быковым) одним из творцов современного русского языка, большим мастером литературного слова. Люди, не читающие его произведений, полных красоты и познавательности, обворовывают себя.

И это особенно печально в наши дни.

**Е. И. ИЛЬИНА,
Т. Н. ЧАСТУХИНА**
(г. Иваново)

ИСТОРИЯ О НИНЕ ПЕТРОВНЕ

Мы поведаем Вам историю об удивительном человеке, человеке с большой буквы – НИНЕ ПЕТРОВНЕ ДМИТРЕВСКОЙ (22.01.1915 – 13.04.2008).

Нам посчастливилось работать под ее руководством более 10 лет, более 10 лет счастливой жизни рядом с такой женщиной, которая была нам наставницей, учителем, коллегой, советчицей, помощницей и настоящим другом. Сейчас ее нет с нами уже больше года, но мы все чаще и чаще вспоминаем ее, мысленно советуемся с ней и все больше и больше восхищаемся ею! И очень хотим, чтобы о ней узнали многие, потому что таких людей мало и их должны знать, и тем более ее земляки! Она была незаурядным человеком, настоящим ученым, всегда держала «руку на пульсе»; удивительное чутье помогало ей быть в гуще научных событий и открытий, она создала в Иванове школу своих последователей и открыла в трудном деле охраны труда целое научное направление. Она была СВЕТОТЕХНИКОМ!

Но обо всем по порядку. Юной девчонкой – выпускницей Шуйского индустриального техникума – приступила Нина Петровна к делу реализации плана ГОЭЛРО, поехав на село, где принимала участие в электрификации жилых домов колхозников. Ощувив радость, которую свет несет людям, она сразу и бесповоротно решила, что главное дело ее жизни – светотехника. Она рассказывала нам, как нелегко было залезать на столбы, чтобы тянуть провода, но рядом работали мальчишки, и не в ее характере было уступать им,

напротив, она старалась быть сильнее и смелее их, и так было во всех ее делах, она всегда оказывалась впереди всех.

В 1931 году в СССР был организован ряд институтов охраны труда, в том числе институт в Иванове. Главными направлениями работы института являлись вопросы травмобезопасности, промышленной вентиляции и промышленного освещения. В 1934 г. лаборатория промышленного освещения выделилась как самостоятельное подразделение, деятельность которого была ориентирована на решение научно-технических задач по созданию оптимальной световой среды на промышленных предприятиях. Анализ состояния осветительных установок в текстильной промышленности, проведенный в 1933-1937 годах, выявил необходимость нормирования искусственного освещения, разработки типовых схем и методов расчета освещенности с учетом специфики производственного оборудования.

В 1941 году к руководству лабораторией промышленного освещения пришла Нина Петровна Дмитриевская, которая оставалась на этом посту более 45 лет, и именно ею были заложены основные направления деятельности и стиль работы лаборатории, отличительной чертой которого являлась тесная связь научных исследований с производством.

Начало войны Дмитриевская встретила в командировке. Она рассказывала нам, как они с коллегой пытались купить билеты, чтобы добраться из Ржева до Смоленска, объясняя дежурному вокзала, что им обязательно надо туда ехать, так как они в командировке, и как начальник вокзала кричал на них, что им, глупым, надо немедленно ехать не туда, а обратно, потому что началась война. И как они с трудом ехали обратно, в вагоне битком набитом людьми с безумными глазами в ночных рубашках или вовсе без одежды ... потому что началась война. В трудные военные годы в институте работали только две лаборатории: лаборатория промышленной вентиляции (нужно было заниматься бомбоубежищами) и лаборатория промышленного освещения. В эти годы возникла насущная потребность в организации мероприятий по обеспечению условий освещения, способствующих росту производительности труда при соблюдении требований светомаскировки. Светомаскировкой занималась Нина Петровна. Особенно сложно было обеспечить работу ТЭЦ, для чего пришлось использовать флуоресцирующие краски и ультрафиолетовые излучатели. В годы войны она дежурила в госпитале, овладев навыками медсестры, а в самый критический момент была послана на торфоразработки для обеспечения электростанций топливом, и все это на фоне основной работы по светомаскировке промышленных объектов и их безопасному освещению.

После войны продолжалась работа по нормированию и разработке приемов и режимов освещения промышленных предприятий, преимущественно текстильной отрасли, так как совершенствование технологического процесса требовало новых подходов к нормированию освещения, а возрастающая энерговооруженность страны и развитие техники освещения позволяли регламентировать уровни освещенности и показатели качества освещения,

обеспечивающие благоприятную световую среду. Молодой сотруднице недавно созданного Ивановского института энтузиазма и смекалки было не занимать! В это время учеными были разработаны новые источники света – люминесцентные лампы, позволяющие существенно увеличить освещенность.

Нина Петровна понимала, что для текстильных предприятий, где нужно было различать тоненькие ниточки, такие лампы просто необходимы. Ведь она видела, как тяжело работали текстильщики с лучинами, свечами, да и лампы накаливания давали не очень много света. С чего-то надо было начинать, и Нина Петровна едет в Москву, чтобы добыть новые только что разработанные лампы. В научно-исследовательском светотехническом институте коллеги объясняют ей, что получить образцы ламп для Иванова практически невозможно, решить этот вопрос можно только неофициально и советуют Нине Петровне эти лампы украсть! Они передают ей две лампы, которые нелегально нужно вынести через проходную. Нина Петровна рассказывала нам, что взяла эти две лампы подмышки и спрятала под пальто, но когда шла через проходную, одна лампа поехала вниз и тогда Нина Петровна разыграла целую сценку, согнувшись и изобразив боли в сердце. Так, согнувшись, она и вышла за пределы проходной. Лампа выехала и нижним концом стукнулась об асфальт, но это было уже за пределами НИИ. Таким образом две люминесцентные лампы были привезены в Иваново и именно с них, ворованных, началось люминесцентное освещение текстильных предприятий, которые на сегодня признано одним из лучших в стране. Но этому предшествовал огромный труд от экспериментальных исследований до внедрения.

Перед коллегией в Министерстве текстильной промышленности, которую проводил министр Косыгин А. Н., начальник отдела энергетики министерства строго – настрого сказал Нине Петровне, чтобы она и пикнуть не смела про люминесцентное освещение – не время сейчас! Но когда по окончании коллегии Косыгин спросил все ли вопросы рассмотрены, Нина Петровна тут же подняла руку и на одобрительный жест министра стала говорить о люминесцентном освещении в текстильной промышленности. Косыгин строго сказал, что данный вопрос не подготовлен отделом энергетики и пригласил ее к себе на прием для подробной беседы. Как Нина Петровна ездила к Косыгину, как она практически раньше его пришла к нему в кабинет и как они обсуждали проблему – это отдельная история. Но после этого Дмитревской была объявлена война руководством отдела энергетики министерства – как посмела ослушаться! Ведь они из-за неподготовки данного вопроса попали в немилость. Но лед тронулся, Косыгин проявил большой интерес к поднятой проблеме, да и к чести руководства отдела энергетики, они оказались умными людьми, болеющими за дело. Так что молодая, инициативная Нина Петровна была прощена, и начался трудный процесс внедрения. Когда в одном из цехов ивановской текстильной фабрики сделали люминесцентное освещение, дающее много света, работницы стали жаловаться на головные боли, головокружение, боль в глазах, утомление. Эти жалобы продолжались,

несмотря на повышение производительности труда и улучшение качества продукции. И тогда Нина Петровна сказала: «Что ж, если это так, возвращаемся к лампам накаливания». Осветительную установку демонтировали и вновь установили лампы накаливания. Но при таком освещении работницы работать уже не могли и не хотели, и устроили забастовку с требованием возврата люминесцентного освещения. Именно тогда ученые поняли какое время требуется на адаптацию к новому освещению. Уже потом, когда мы испытывали новые типы люминесцентных ламп, Нина Петровна вспоминала этот случай, и все свои эксперименты мы планировали с учетом времени адаптации.

У Нины Петровны было неиссякаемое чувство юмора, она часто, смеясь, рассказывала нам интересные истории с приключениями. Вообще самых разных смешных приключений в ее жизни было море. Однажды она со своей коллегой Валентиной Алексеевной Зайчиковой поехала в командировку на Украину. Отправлялись в Тернополь из Киева. И когда они уже сели в вагон и поезд тронулся, на перроне раздался голос из громкоговорителя: «Пассажиры Зайченко и Дмитренко просим подойти к справочному бюро вокзала». Что это было – совпадение фамилий? Никто не знает, но как она рассказывала – они с Зайчиковой «валялись» от смеха, услышав объявление.

Или вот еще история про встречу с американскими журналистами. Однажды, когда Нина Петровна была в командировке в Москве, ее разыскали по телефону в светотехническом институте и сказали, что звонят из редакции журнала «Советская женщина» и что она приглашается на следующий день в здание СЭВ на встречу с американскими журналистами. Нина Петровна попыталась отказать, но ей дали понять, что отказ не принимается, что это встреча журналистов с выдающимися женщинами Советского Союза и ее присутствие там обязательно. Причем сказали, что ее у здания СЭВ встретит сопровождающий и покажет, где будет происходить встреча. У здания СЭВ Дмитревскую действительно встретила женщина, к удивлению Нины Петровны узнала ее и стала сопровождать. При этом она не отходила от Нины Петровны ни на шаг и без конца назойливо спрашивала, где ее дамская сумочка. «Дамская» сумочка Нины Петровны, как у настоящей советской женщины, вмещала три бутылки молока и один батон. Когда она показала сумку сопровождающей, та стала настойчиво ныть, что эту сумку надо сдать в гардероб. На что Дмитревская сказала, что это невозможно, так как у нее в сумке носовой платок. Сопровождающая посоветовала положить носовой платок за манжету, а сумочку все-таки сдать в гардероб. Тогда Нина Петровна сказала, что у нее насморк, а держать сырой носовой платок за манжетой она не привыкла. Сопровождающая не унималась и так надоела Дмитревской, что она вежливо попросила ее оставить, объяснив, что она взрослый человек, морально устойчивый и преданный делу партии. Но не тут-то было! Сопровождающая, канюча о сдаче сумки в гардероб, упорно продолжала ее сопровождать. Это так надоело Нине Петровне, что она, увидев в противоположной стороне зала незнакомую женщину, почти бегом бросилась к ней со словами: «Ну,

наконец-то, как я рада Вас видеть!» Женщина с удивлением посмотрела на Нину Петровну и та быстро вполголоса объяснила ей, что она таким образом спасается от сопровождающей, они обе рассмеялись и познакомились. Это была известная летчик-испытатель. Дмитриевская была спасена, свою сопровождающую она больше не видела. Потом все женщины прошли в комнату встречи, там стояли столы, на которых были бутерброды с икрой, пирожные и кофе. Все ждали журналистов. Пришли журналисты, положили ноги на стол и стали с огромной скоростью поглощать бутерброды, как будто их неделю держали голодными, не обращая никакого внимания на присутствующих выдающихся женщин СССР. Нина Петровна смотрела на «культурных» американских журналистов с ногами на столе и думала: «Боже мой, и я еще должна была сдать свою сумку в гардероб?!» А потом были всякие разные вопросы и достойные ответы наших женщин, так и закончилась эта встреча с американскими журналистами.

Ее смелость, предприимчивость, находчивость и необыкновенная память позволяли ей не теряться ни при каких обстоятельствах. Однажды она с группой из ВЦСПС поехала в Германию. Из всей группы одна она совершенно не знала языка. И только одна она из всей группы свободно общалась с немцами и ее даже сделали старшей, как знающей язык. Она говорила нам потом: «Главное, не бояться казаться смешной и не стесняться!».

Но вернемся к ее научной деятельности. В первых же нормативных документах, разработанных при участии Нины Петровны, были предусмотрены уровни освещенности, превышающие существующие в 2-4 раза и позволившие поднять производительность труда в текстильной промышленности на 4-10 %.

Новаторский дух Нины Петровны нашел выражение в неутомимом стремлении использовать в научной и практической деятельности все самые передовые технологии, будь то люминесцентные лампы улучшенной цветопередачи, щелевые световоды, профилактические ультрафиолетовые облучательные установки, лазеры, системы динамического освещения или установки для утилизации газоразрядных ламп. Все находило применение в цехах предприятий текстильной и легкой промышленности, позволяя повысить производительность труда и качество продукции, снизить утомление зрения работающих и заболеваемость работающих. Чрезвычайно велика заслуга Н. . Дмитриевской в том, что сотни тысяч отработанных люминесцентных ламп не были выброшены на свалки, а благодаря правильно организованному хранению и разработке установок по демеркуризации газоразрядных ламп утилизированы безопасным способом.

Творческая деятельность Н. П. Дмитриевской нашла свое отражение более чем в ста научных публикациях, в том числе в пяти книгах, одна из них издана среди прочих и на китайском языке. Под ее руководством и при непосредственном участии разработан ряд нормативных документов, нашедших широкое применение на предприятиях различных отраслей промышленности. Ее знания поражали разносторонностью. Примечательно, что работая в НИИ

охраны труда по сугубо технической специальности, она закончила исторический факультет педагогического института, настолько она знала и любила историю.

Ее творческий потенциал был настолько неиссякаем, что даже находясь на заслуженном отдыхе она всегда была в курсе современной светотехники, помогая сотрудникам своей родной лаборатории советами, и в результате их совместной деятельности стало возможным присутствие коллектива лаборатории во главе с Н. П. Дмитриевской (а ей тогда был уже 91 год) в числе авторов «Справочной книги по светотехнике» 2006 года издания.

Плодотворная научная и общественная деятельность Н. П. Дмитриевской отмечена орденами «Трудового Красного Знамени», «Знак почета», медалями, почетными грамотами президиума ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, АН СССР.

Очень активна была Нина Петровна и в общественной жизни. В течение 25 лет Н. П. Дмитриевская руководила партийной организацией ВНИИИОТ и его профсоюзным комитетом, более 10 лет работала в Районном комитете народного контроля.

В жизни Нина Петровна была очень отзывчивым и щедрым на доброту человеком, прекрасным товарищем, всегда готовым прийти на помощь всем окружающим ее людям в любой ситуации. Однажды она приехала в Москву в светотехнический институт и не увидела на рабочем месте молодую сотрудницу, ей объяснили, что она родила ребенка без мужа, он часто болеет, и поэтому она не может работать. «А на что же она живет?» – спросила Нина Петровна. «Трудно сказать» – ответили ей. И тогда Дмитриевская пошла к директору института и добилась, чтобы этой молодой практически незнакомой ей сотруднице Московского института разрешили работать на дому с сохранением зарплаты. Эту историю рассказала нам эта уже немолодая сотрудница, которая, как она сказала, по гроб жизни будет благодарна Нине Петровне за эту помощь. А для нас, ее коллег, находившихся в ее подчинении, она была второй матерью: мы шли к ней за советом и помощью, делились своими проблемами, радостью и горем. Она знала про нас все: и про наши семейные отношения, и про детей, и про наших родителей и всегда умела дать нужный совет и порадоваться вместе с нами. Это она заложила в нашей лаборатории коллектив, который и до настоящего времени живет ее принципами и традициями, основой которых являются взаимопонимание и взаимопомощь.

Последние годы жизни Нина Петровна жила в родной Шуе. Ей помогала племянница, тоже удивительно красивый человек – Акимова Елена Ивановна. Мы ездили к Дмитриевской в гости практически до последних дней ее жизни. И все наши поездки к этим замечательным женщинам были праздником души. Нина Петровна с какой-то очень теплой материнской любовью относилась к нам, называя нас «мои светики» и мы отвечали ей взаимностью. До конца своих дней она сохранила ясный ум, очень светлую голову, юношеский задор и помогала нам советами, хлебосольно принимая нас у себя в гостях, когда ей было уже за 90.

Дмитревская была очень сильным, смелым, активным, инициативным, напористым человеком и в то же время – очень скромным. Когда мы рассказали о ней известному теле-радиожурналисту из Москвы, он сразу же собрался на встречу к ней взять интервью, но к нашему величайшему огорчению, она категорически отказалась что-нибудь рассказывать о себе. И мы до сих пор очень жалеем, что тот шанс рассказать людям о нашей любимой, неповторимой Нине Петровне не был использован.

Поэтому мы рассказываем о ней сегодня Вам, ее землякам, людям, которых она беззаветно любила...

**А. Б. ДЬЯКОВ,
Е. Г. ЕМЕЛЬЯНОВ**
(г. Иваново)

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ДОРОГИ ШУЯ – КОВРОВ

Ходебщиками, или офенями, или коробейниками называли на Руси крестьян-бродячих торговцев. Их бизнес процветал в России до конца XIX века, но развитие железных дорог и другие причины привели к исчезновению офенского промысла. Интересно, что торговля в разное время была исключительным занятием и главной хозяйственной отраслью для территории, находившейся на стыке Шуйского, Ковровского и Вязниковского уездов Владимирской губернии. Это главное гнездо офенства. Изучая вопрос, почему именно здесь сосредоточился данный вид промысла, исследователи мало уделяли внимания истории дорог этого края.

Известно, что все начинается с дорог, особенно в торговле. Дороги всегда были первейшим и главнейшим средством связи. Они артерии жизни, артерии экономики.

Ныне «страну коробейников» связывает со страной автомобильная дорога Шуя – Ковров. Эта магистраль – важная часть транспортного коридора, обеспечивающего кратчайшую связь между Костромской, Ивановской, Владимирской и другими областями, через Заволжск – Кинешму – Шую – Ковров.

Дорога имеет интересное историческое прошлое. Но рассмотрим сначала, как первоначально развивалась дорожная сеть изучаемого района.

Исследователи отмечали важнейшую роль для развития экономики края реки Тезы, по которой шел водный торговый путь в Волгу и вторившей по ее левому берегу сухопутной дороги Шуя – Холуй – Вязники – Муром (Тезинский путь). Важно отметить, что со времен Ростовского княжества меридиональные сухопутные транспортные пути в данном регионе, кроме Тезинского, проходили только в двух местах: правым берегом Волги (Кинешма – Н.Новгород) и правым берегом реки Нерль (Ростов – Мирславль – Суздаль – Владимир).

В середине XII века через Холуй прошел широтный сухопутный путь, соединивший Владимир и Суздаль с Городцом¹. Этой дорогой было торже-

ственно перевезено тело Александра Невского, скончавшегося в Городце 14(22).11.1263 года при возвращении из Орды во Владимир. Её называли в XIX веке в народе «Балахонкой» или старым Балахонским коммерческим трактом, потому что он пролегал через уездный город Балахну Нижегородской губернии. Маршрут дороги: Владимир – с. Эдемское (сюда издревле выходила дорога из Суздаля) – Б. Всегодичи – Шапкино – с. Лучкино – д. Изотино – с. Холуй Слобода – с. Мугреево – с. Н. Ландех – д. Пестяки – г. Балахна – Н. Новгород².

В 1221 году прошла через Холуй дорога Владимир – Н. Новгород (через Вязники и Гороховец, а далее Лисёнской переправой через Оку, на Горбатов и Богородск). Древность пути от Владимира через устье Клязьмы подтверждается летописанием и сохранившимися документами³. Она активно использовалась до второй половины XIX века. Тракт от Владимира через Вязники, Гороховец и Горбатов в списке населенных мест Нижегородской губернии за 1859 год назывался Старо-Московской дорогой. Он был прямым продолжением знаменитой «Владимирки», этапной дороги, по которой шли в Сибирь осужденные на каторгу и в ссылку.

Возникновение в начале 50-х годов XIX века новой шоссейной дороги между Нижним Новгородом и Владимиром (Москвой) привело к значительному спаду движения на старых трактах и превратило их в дороги местного значения. С пуском железной дороги Москва – Н. Новгород (1862 г.) и с развитием волжского пароходства – арестантов и ссыльных стали перевозить поездами и пароходами.

Как мы видим, издревле Холуй стал перекрестком не только водных, но и важнейших сухопутных дорог страны: Ростов (Ярославль) – Муром, Суздаль – Городец, Владимир – Н. Новгород. Здесь гнали лошадей на продажу из Касимова в Шую и Ярославль. Такое расположение Холуя способствовало становлению здесь ежегодных крупных ярмарок с XVII века.

Сухопутные дороги, соединявшие Холуй с важными в экономическом отношении областями страны, имели большое значение для торговой и экономической деятельности Холуя и всей окружающей его территории. Но не только этим определялось значение указанных дорог. Они в свою очередь служили важнейшими путями во все уголки огромной страны.

Но вернемся к истории дороги Шуя – Ковров. Сегодня весьма сложно говорить, где точно проходила эта дорога в начале XIX века, но разговор о ней можно начинать с 1778 года, когда с учреждением Владимирской губернии Шуя и Ковров стали ее уездными городами. Новообразованные административные единицы обязательно соединялись дорогами. Представление о трассе новой уездной дороги Шуя – Ковров можно получить при изучении планов Шуи 1771 и 1850 гг. и карт уездов⁴.

Став уездным городом Шуя получила новый регулярный план, утвержденный 9 сентября 1788 года. Из него видно, как уездная Ковровская дорога, войдя в город, органично превратилась в одну из главных магистралей Шуи, названную – Ковровской (Сталина с 1953, Свердлова с 1961 г.). Она

выявила значимость в структуре города соборной площади, архитектурный облик которой формировал Воскресенский собор (1792-98 гг.). В 1811-32 гг. соборный комплекс дополнила одна из самых значительных вертикалей своего времени – колокольня высотой 50 саженей (106 м). Сравнивая планы 1771 года и 1850 года видно, что новая уездная дорога Шуя – Ковров была проложена по исторически сложившемуся направлению – Большой столбовой дороги Шуя – Вязники (Гороховец) до деревни Клочково. Здесь тракт уходил со старого направления направо, к вновь устроенной у деревни Якушево (почтовой станции) переправе через Тезу. Правым берегом реки новая дорога шла к селу Алексино, где раздваивалась на два направления: на Вязники (д. Изотино – переправа через Клязьму – с. Татарово), другое направление на Ковров (с. Шапкино – д. Панютино – с. Б. Всегодичи).

Шуйско-Ковровский почтово-торговый тракт был отнесен к IV классу. Его новую трассу можно представить из материалов Ковровского земства, открытого в марте 1866 года. В них говорится: «в уезде числится пять почтово-торговых трактов». Среди них «вновь устроенное сообщение с поворотом Суздальской дороги до границы Шуйского уезда. Дорога уездного сообщения от границы Шуйского уезда до границы Вязниковского уезда»⁵. Из них в заведование земства перешел почтовый Ковровско-Шуйский тракт (называемый также Шуйско-Вязниковский).

За время своей деятельности Ковровское земство прокладкой новых дорог не занималось. В России вообще после 1861 года прекратилось дорожное строительство. Но тем не менее, к концу XIX века в заведовании земской управы уже числилось 10 трактов, из которых три тогда проходили по территории нынешнего Савинского района Ивановской области: Шуйско-Вязниковский, Балахонский, Ковровско-Лежневский.

К концу XIX века практически по всей своей длине тракты были вымощены камнем, через пересекавшие их речки, ручьи, овраги построены каменные и деревянные мосты; в топких низменных местах для укрепления дорог возведены дамбы. Заботой земств было поддержание всех этих сооружений в надлежащем порядке. В ведении Ковровского земства кроме дорог и мостов были и перевозы: Кисаровский перевоз на Шуйско-Вязниковском тракте; там же Якушевский перевоз; Тинский перевоз на Шуйско-Ковровском тракте⁶. Список этот оставался неизменным до 1917 года.

Организация в 1895 году особого дорожного капитала позволила расширить «фронт» дорожных работ. Так, в 1899 году на средства дорожного капитала была возведена дамба у Тинского перевоза на Клязьме стоимостью 37524 рубля; деревянный мост с косорубами на Черной речке по Коврово-Шуйскому тракту стоимостью 502 рубля. Более того весь Коврово-Шуйский тракт был отнесен постановлениями уездного и губернского земских собраний к дорогам 1-й очереди, были составлены проекты его дальнейшего улучшения на сумму свыше 24 тысяч рублей⁷.

После образования в 1918 году Иваново-Вознесенской губернии и упорядочения классификации автогужевых дорог тракт Шуя – Ковров изменил

свой маршрут. Он прошел через Сергеево – Воскресенск – Всегодичи и содержался за счет уездного бюджета.

В 1928 году была образована Ивановская промышленная область, включившая в себя Иваново-Вознесенскую, Владимирскую, Ярославскую и Костромскую губернии.

Индустриализация страны, автомобилизация народного хозяйства начали диктовать необходимость в совершенствовании и развитии дорожной сети в государстве. В целях ликвидации бездорожья 3.03.1936 года было принято Постановление Правительства СССР «О трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссейных и грунтовых дорог», согласно которому все трудоспособное население в возрасте от 18 до 45 лет мужчины и до 40 лет женщины, а также гужевой транспорт привлекались к бесплатному участию в строительстве и ремонте дорог – колхозники по семь дней в году, а единоличники – в два раза больше, приурочивались к двум периодам: 1-й между окончанием сева и началом уборки урожая, 2-й в осенне-зимний период.

С этим постановлением связан важнейший этап в истории дороги Шуя – Ковров, так как встала задача построить практически новую автомагистраль. Реконструкция дороги стала первой крупной дорожной стройкой новой области.

При строительстве дороги Ковров – Шуя был использован метод «народной стройки», когда для выполнения дорожных работ были созданы постоянные дорожные бригады, которые отрабатывали объемы работ за весь колхоз.

Строительство дороги началось в 1938 году. Проектирование и трассирование измененного (по правому берегу Тезы) направления дороги по Шуйскому и Савинскому (образован в 1935 году) районам провела проектно-изыскательская контора Шуйского райдоротдела (начальник Амерский С. М., главный инженер Плотников Л. С.). Механизированные строительные работы осуществлялись Ивановской машинной дорожной станцией №49 (директор Лебедев Н. В., главный инженер Капитонов Г. Е., позднее Кабишев И. В.). Машинная дорожная станция была оснащена гусеничными тракторами ЧТЗ-60, тракторными лопатами типа «Беккер». Дорога разбивалась на участки, которые возглавляли линейные техники и закреплялись за районами и колхозами, которые своими силами и средствами возводили конными «грабарками» земляное полотно, заготавливали и вывозили из местных притрассовых карьеров песок, собирали по полям булыжный камень. К работам на этой дороге привлекались колхозники и артели других районов. Мосты строили плотники из села Писцова, а также из Нерехтского и Галичского районов, мостовщики прибыли из Муромского и Меленковского районов. Земляное полотно возводилось за год до устройства булыжной мостовой. Основной объем булыжного камня заготавливался и вывозился подводами из Мелиховского карьера и Потеряевского (ныне Хромцовского) карьера Середского

(Фурмановского) района с вывозкой подводами до ж.д. станции Середа, от нее до ж.д. станции Шуя и далее – подводами на трассу.

В начале строительного дорожного сезона (середина мая) на трассе работало более 1000 подвод и от 2 до 3 тысяч человек. На линии строительства была организована торговля продуктами питания, промышленными товарами, устраивались концерты и показывались кинофильмы. Во главе выезжавших на дорожные работы колхозников находились руководители из каждого района – вторые секретари райкомов ВКП(б) и заместители председателей районных исполкомов советов депутатов и трудящихся, которые неотлучно находились на закрепленных участках строительства. Для общей координации работ был создан штаб строительства, возглавляемый 2-м секретарем Ивановского Обкома ВКП(б) по транспорту Захаровым П. М. и 1-м заместителем Председателя Исполкома Областного совета депутатов и трудящихся Ивановской промышленной области Тереньтевым А. П.

Дорога Шуя – Ковров была построена по параметрам дорог 4 категории с шириной земляного полотна 10 метров, шириной проезжей части – 6 метров, под нагрузку на ось 6 тонн.

К началу 60-х годов построенная 25 лет назад дорога физически и морально устарела и не соответствовала интенсивности и составу движения.

С 1969 года началась реконструкция всей дороги за счет выделяемых Ивановской области Государственных капитальных вложений (ГКВ). Заказчиком строительства выступало Ивановское областное управление автомобильных дорог (начальник управления – Жуков А. Г., главный инженер Попов В. А.). Проект участка дороги от Шуи до границы с Ковровским районом выполнило проектно-сметное бюро Ивоблдоруправления (начальники: Быков В. Н., Брагин Г. С., главный инженер Емельянов Е. Г.). Реконструкцию дороги Шуя – граница с Ковровским районом осуществляло Шуйское Дорожно-строительное управление №3 (начальник Петриго В. Е., главный инженер Ковалев В. А.). К 1978 году дорога была полностью реконструирована под параметры 3-й технической категории с шириной земляного полотна 12 метров, с покрытием из асфальтобетона шириной 7 метров и нагрузкой на ось 10 тонн.

Достаточно посмотреть на схему современных и исторических дорог Ивановской области, чтобы понять, почему некогда процветавшие торговые села оказались на третьестепенных ролях. В общем-то все закономерно: уходят дороги – уходит жизнь. В Шуйском и Савинском районах, как и во всей Ивановской области, немало сел, по территории которых в древности проходили оживленные торговые пути, где некогда шумела жизнь, процветали разнообразные промыслы и ремесла. Важно, чтобы эти интереснейшие места, связанные с богатой историей русской жизни, не запустели, не оказались в стороне от туристических маршрутов.

¹ Гусева Т. В. Древний Городец по материалам новых раскопок // Записки краеведов. Горький, 1983. С. 187.

² Ковровский музейный сборник / Под общей ред. Моняковой О. А. Вып. 1. Ковров, 2007. С. 43.

³ Киряков И. А. Сухопутные связи Н.Новгорода с Москвой // Записки краеведов. Горький, 1983. С. 40.

⁴ Борисов В. А. Собрание трудов (материалов). Т. 1. Иваново, 2001. С. 236.

⁵ Ковровский музейный сборник / Под общей ред. Монаковой О. А. Вып. 1. Ковров, 2007. С. 42.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 48.

А. К. КОКУРИН

(г. Иваново)

А. В. ШЕВЦОВ

(г. Шуя)

ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ ПОЖАРНЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ШУЕ (50-60-е гг. XX в.)

В середине XIX века в России вследствие ряда объективных причин произошёл резкий рост количества пожаров. Тревожное положение в государстве с пожарами, особенно в сельской местности, неадекватное отношение к этой проблеме чиновников привели к возникновению массового добровольческого движения. Особенно развито оно было в провинциальных городах и сельской местности, где скудный бюджет не позволял местным властям содержать профессиональные пожарные команды и оснащать их техническими средствами.

Активно развиваясь в середине и конце XIX в., к началу XX в. добровольное движение охватило всю Россию¹ и имело единую политику выработки общих взглядов и требований как в части организации пожаротушения, эксплуатации пожарной техники, так и в разработке общих строительных норм пожарной безопасности и стандартов на противопожарное оборудование.

Императорское Российское пожарное общество² основной задачей считало укрепление добровольных формирований, профилактику пожаров, пропаганду пожарно-технических знаний, развитие отечественного производства пожарной техники, издание пожарно-технической литературы. Важным направлением деятельности общества стала правовая деятельность, выработка законодательной базы. Мало кому известно, что изданный в 1918 г. Декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнём» был подготовлен деятелями ИРПО ещё до революции, но в то время не нашёл поддержки государственных чиновников.

2 мая 1919 г. протоколом Пожарно-Страхового отдела ВСНХ (ПСО ВСНХ) № 79 общество как таковое ликвидируется, имущество передаётся в ведение ПСО ВСНХ (в дальнейшем оно было расхищено). Руководству общества были вменены в вину их монархические взгляды в дореволюционный период несмотря на то, что после Октябрьской революции никакой антисоветской деятельности Совет общества на вёл. Прекращается выпуск журнала «Пожарное дело». Ликвидируется Центральный склад общества, через который снабжались пожарные части и дружины. Прекращается работа курсов

пожарных техников, а попытка организовать на базе курсов Пожарный институт ни к чему не приводит. Полностью парализуется вся издательская деятельность по пожарному делу, осуществляемая ранее Советом общества.

Возрождение добровольчества в советское время было связано с инициативой пожарной охраны. Так, первыми в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 2 марта 1954 г. № 359 были образованы добровольные пожарные дружины (ДПД)³.

В эти годы в 113 городах, 636 районных центрах, 1010 посёлках городского типа⁴ вновь стали возрождаться добровольные пожарные формирования. С появлением добровольцев возникла объективная необходимость в их целевом объединении. Эту функцию взяло на себя Всероссийское добровольное пожарное общество, организованное в 1960 г.

Характерные для России тенденции имели место и в Шуге.

Начало пожарного добровольчества в Шуге связано с распоряжением исполкома Шуйского городского совета депутатов трудящихся № 34 от 6 августа 1957 г. приступить к исполнению обязанностей председателя Шуйского добровольного пожарного общества Кисляковым. Согласно приказу № 1 от 8 августа 1957 г.⁵ по Шуйскому городскому добровольному пожарному обществу на должность инспектора общества поставлен Смирнов Виктор Михайлович, а на должность бухгалтера – Дудин Леонид Александрович (оба с месячным испытательным сроком и с окладом содержания по смете). Кроме этого, на должность мастера по зарядке огнетушителей и ремонту пожарного инвентаря – Грищенко Николая Григорьевича, на должность печника-трубочиста – Паршкова Александра Фадеевича, Еремина Ивана Николаевича, Козина Кузьму Кирилловича, Козина Ивана Александровича, Гранже Николая Михайловича, Смолина Михаила Алексеевича, Винокурова Александра Захаровича и Зайцева Михаила Андреевича, на должность художника (временно) – Красникова Юрия Владимировича.

Городское добровольное пожарное общество за эти годы проделало большой объём работ по зарядке огнетушителей, трубопечным работам. Значительное место в работе городского добровольного пожарного общества занимала агитационно-массовая и противопожарная агитация среди населения, имеющая разнообразные формы: кинофильмы, печатные издания, инструктивные и агитационные плакаты по пожарной тематике, лекции, занятия, тематические выставки.

Впоследствии кадровый состав неоднократно менялся. На это было много причин. Например, согласно приказа № 8 от 11 октября 1957 г. «Печника-трубочиста Смолина Михаила Алексеевича освободить от занимаемой должности ... в виду низкой квалификации». «Мастера по зарядке огнетушителей Грищенко Николая Григорьевича освободить от занимаемой должности ... как не справившегося с обязанностями мастера по проверке, перезарядке, ремонту огнетушителей и по инвентарю и необеспечивавшего работу мастерской несмотря на неоднократные предупреждения» и «За невозможностью дальнейшего использования и ввиду низкой квалификации печника-

трубочиста Паршкова Александра Фадеевича предупредить об увольнении с 15 ноября с/г»⁶.

Повседневные будни пожарных добровольцев не были безоблачными. Наряду с напряжённой работой по обеспечению пожарной безопасности на объектах и в жилом секторе, «человеческий фактор» вносил свои, зачастую неприятные, коррективы. Так, насущной проблемой стала «социальная язва» – пьянство. Причём касалось оно не только рядовых членов общества, но и их непосредственных руководителей: "Бригадиру Юлову В. М. за появление в рабочее время 22 мая 1959 г. в нетрезвом виде объявляю выговор" (приказ №12 от 27 мая 1959 г.). И тот же самый Юлов 3 сентября того же года отстраняет от работы печника-трубочиста Осокина И. П. "ввиду сильного опьянения, из-за чего была сорвана работа по кладке печи на Гармонной фабрике. Печник-трубочист Назаров Д. С. приехал на работу в нетрезвом виде, на замечание бригадира Юлова ответил грубостью"⁷. Меры административного воздействия в виде выговора обыкновенно не имели должного воздействия. И даже угроза увольнения не помогала.

Кроме того, "рядовым" случаем стала "левая работа" – незаконный калым, халтура. "Печника-трубочиста Бекетова Ивана Васильевича за безквитанционную работу у частного лица, связанную с очисткой дымохода ... и несдачу полученных денег в кассу ДПО, от работы освободить с 6 ноября 1957 г. Бухгалтерии произвести расчёт" (Приказ № 13 от 4 ноября 1957 г.)⁸. «За несвоевременную сдачу денег..., а также безквитанционную работу печникам-трубочистам Гранже Н. М. и Щипцову А. И. объявляю строгий выговор и предупреждаю, что при повторении подобных случаев будут приняты более строгие меры вплоть до передачи дела следственным органам. Бухгалтерии удержать несданные деньги из зарплаты согласно акта 192 рубля» (Приказ № 27 от 16 марта 1958 г.). Думается, работа не могла удовлетворить всем потребностям работников ДПО, поэтому «залёты» стали учащаться. Это, в свою очередь, уже перестало удовлетворять руководство, и оно стало принимать более радикальные меры: «За систематический прогул и срыв работы по наряду в 20-м домоуправлении печников-трубочистов Гранже Н. М. и Щипцова А. И. освободить от работы с 14 апреля с/г. Бухгалтерии произвести расчёт» (Приказ № 30 от 12 апреля 1958 г.).

Чтобы в дальнейшем подобные случаи не повторялись, руководство обратило более пристальное внимание на мотивационную составляющую деятельности своих сотрудников, результатом чего стала разработанная система материального (прежде всего) и морального стимулирования: «На основании поданного заявления, ввиду болезни ... оказать материальную помощь бухгалтеру Дудину Л. А. за счёт *фонда улучшения быта рабочих и служащих* в размере 250 рублей» (Приказ № 12 от 14 мая 1960 г.) и «В связи с возникшими материальными затруднениями и принимая во внимание высокие показатели в работе и примерное поведение (!), оказать денежную помощь в сумме 20 рублей Гранже Николаю Михайловичу из фонда улучшения быта» (Приказ № 41 от 1 июня 1961 г.).

Образовательный уровень пожарных добровольцев также оставлял желать лучшего – да и что можно было требовать от поколения, прошедшего ужасы Великой Отечественной и затем восстанавливавшего разрушенное этой войной народное хозяйство. Тем не менее, о значимости образования говорит то, что ряд сотрудников добровольно поступили на учёбу в развитую в то время сеть Школы рабочей молодёжи, а затем продолжали профильное обучение в средних специальных учебных заведениях.

Интересно в этом отношении проследить взаимосвязь образование-карьерный рост инспектора (с 1957 г.), а затем мастера по зарядке огнетушителей ДПО В. М. Смирнова. «Согласно распоряжения СНК СССР от 21 июля 1945 г. За № 9587 представить на время сдачи экзаменов за 10 класс как учащемуся Школы рабочей молодёжи № 3 ... на период с 26 мая 1958 г. по 20 июня 1958 включительно сроком на 20 дней дополнительно отпуск и 3 дня в счёт очередного отпуска за 1958 г.» (Приказ № 34 от 26 мая 1958 г.). Т.е. В. М. Смирнов начал обучение в 1948 г. – через 3 года после войны. И вопрос о следующем председателе Шуйского ДПО был поставлен автоматически: «На основании распоряжения Исполкома Шуйского Городского Совета депутатов трудящихся № 9 от 9 июня 1958 г. приступил к временному исполнению обязанностей председателя Городского добровольного пожарного общества в связи с переходом бывшего председателя ДПО г. Кислякова А. И. на работу начальником планового отдела Шуйской трикотажной фабрики с 10 июня 1958 г.» (Приказ № 37 от 9 июня 1958 г.). «Временное исполнение» продлилось не на один год. Но на этом В. М. Смирнов не остановился: «... нахожусь в отпуске с 26 июня по 6 июля 1959 г., 10 календарных дней, для сдачи экзаменов в весеннюю экзаменационную сессию на вечернем отделении Шуйского индустриального техникума» (Приказ № 17 от 25 июня 1959 г.).

Пример начальника оказался заразительным для подчинённых, которые также решили воспользоваться «плодами просвещения»: «... представить дополнительный отпуск для сдачи экзаменов печнику-трубочисту Кокушкину В. Г. на 15 рабочих дней» (Приказ № 13 от 27 мая 1960 г.) и, как следствие, вполне реальные материальные стимулы: «За умелое совмещение работы с учёбой, за успешное окончание 7-го класса Школы рабочей молодёжи печника-трубочиста Кокушкина В. Г. премировать денежной премией в размере 150 рублей» (Приказ № 15 от 22 июня 1960 г.).

Несмотря на все коллизии, связанные функционированием общества, добровольцы Шуй наряду с профессиональной пожарной охраной внесли ощутимый вклад в обеспечение пожарной безопасности, выразившийся, прежде всего, в решении основной уставной задачи – формирование общественного сознания населения в области противопожарной защиты, привлечение его к предупреждению и тушению пожаров, соревнования дружин юных пожарных по пожарно-прикладному спорту, выпуск обучающихся программ, проведение викторин, конкурсов в школах и детских садах, – вот да-

леко неполный перечень мероприятий, проводимых Добровольным пожарным обществом в Шуге.

¹ По состоянию на 1891 г. количество пожарных обществ, команд и дружин в России составляло: городских – 590, вольных – 250, сельских – 2026, заводских – 127, военных – 13, частных – 12, железнодорожных – 2.

² В 1893 г. стараниями одного из приближенных царя графа А. Д. Шереметева было создано Соединённое Российское пожарное общество с резиденцией главного совета в Санкт-Петербурге. Вновь образованное общество взяли под своё покровительство члены царской фамилии. В 1898 г. Российское пожарное общество стало Императорским. Почётным председателем общества до самой своей смерти (1909 г.) был Великий князь Владимир Александрович. После его смерти это дело приняла на себя его супруга Великая княгиня Мария Павловна, и до этого активно участвовавшая в работе Общества.

³ *Савельев П. С.* Организация работ по предупреждению пожаров на объектах народного хозяйства. – М.: Стройиздат, 1985. – С. 190-195.

⁴ Как всё начиналось // Специальный выпуск "Спасатель МЧС России". – М.: ООО "Пресс-Лаборатория". 2008. – С. 4.

⁵ Одним из источников по написанию статьи стали "Книги приказов по Шуйскому добровольному пожарному обществу" за 1957-1962 гг., в которых отражена вся "жизнь" добровольцев. Далее все цитируемые приказы взяты оттуда.

⁶ Книга приказов по Шуйскому добровольному пожарному обществу (1957-1959).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

• Кабанов А. Ю.	Портреты эпохи Смуты. Иван Сулешович Болотников	3
• Балдин К. Е.	Материалы о городе Шуе и его окрестностях во 2-й половине XIX – начала XX в. в фондах Владимирского окружного суда и губернской прокуратуры	5
• Балдин К. Е.	Документальные данные о Шуйском купечестве в фонде Департамента герольдии (Российский государственный исторический архив)	9
• Монякова О. А.	Шуйские торговые люди на Ковровской Рождественской ярмарке	12
..		
• Дьяков А. Б., Курышина Т. А.	Опыт изучения местных преданий	17
• Бабайкин В. П.	Как стояла колокольня шесть лет без шпиля .	21
• Ставровская Е. В.	Тетрадь по геометрии, или «Разные известия» из истории Ильинской церкви г. Шуи	23
• Ставровский Е.С.	Шуйское купечество и классическое образование в Шуе	25
• Гулидов А. Ю.	Как шуяне немцев заморозили, а ивановцы отогрели	28
• Семенов И. В.	Шуя в период НЭПа	32
• Гладкова В. А.	Книги для народа (Из воспоминаний библиотекаря Е.С. Гусевой) . . .	35
• Листопадов Д. Ю.	Из жизни детей и подростков Шуи и Шуйского уезда в 20-е годы XX века	37
• Мотыгина И. Н.	Подготовка учителей в 20-е - 30-е годы XX в. . . .	41
• Шашнева Е. Н.	К.Д. Бальмонт и «кикимора»	44
• Семененко А. М.	Шансонье родом из Шуи: о предках Джо Дассена .	48

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

• Кабанов А. Ю.	Полудержавный властелин из Луха	52
• Такташова Л. Е.	История одного «пашквилья»	56
• Рукавишников М. В.	Дворянские гнезда в России как хранители	

	духовных традиций	58
• Манерцева Е. Б.	Аврикул, калуфер и «незнайки» (О малоизвестных увлечениях ковровских дворян)	63
• Добычина Т. А.	Семейные традиции в предпринимательском корпоративном быте провинциального купечества 2-й пол. XIX- нач. XX в.	68
• Евстратова А. И.	Роль частной благотворительной инициативы и общественных организаций в развитии народного просвещения в сер. XIX – нач. XX в.	75
• Новичкова Н. Ю.	Монарший след на юрьевецкой земле	79
• Монякова О. А.	«Казус» в селе Шапкино Ковровского уезда в 1913 году	81
• Дубровский П. С., Дубровский С. П.	Как тарабарский язык офеням торговать помогал (К вопросу об особенностях применения арготического языка офеней-иконщиков в общении со старообрядцами: социально-экономический аспект)	84
• Федотов Н. Б.	Как «русский Манчестер» с «русским Шеффилдом» связать хотели	88
• Иванова А. Ю.	Жандармские полицейские управления железных дорог в провинции во 2-й пол. XIX – нач. XX в.	93
• Новичкова Н. Ю.	Значение добровольных пожарных дружин в обеспечении защиты сельского населения от пожаров в кон. XIX – нач. XX в. (на материалах Владимирской губернии)	97
• Красницкая Т. А., Грига Т. А.	Хреновская церковно-учительская школа: прошлое и настоящее	100
• Зяблова С. Л.	История становления и развития художественного училища Палеха в кон. XIX – нач. XX в.	103
• Озеркова Е. А.	О числе школ, учащихся и учащихся в Иваново-Вознесенской губернии к началу 1920-х годов	107
• Кабанов А. Ю.	Семен Федорович Грибунин: жизнь и судьба	109
• Нестеренко Н. Н.	Как жила «элита»: материально-бытовые условия и коммунальное обслуживание рабочих-ударников г. Костромы	113
• Семененко А. М.	А не сходить ли нам в баню? (Бани Иваново-Вознесенска и Иванова 2-й пол. XIX – 60-х	

	гг. XX в.)	115
• Мавлиханова Е. А., Подурец А. М.	«Здесь был Вася», или Автографы и граффи- ти в Саровских пещерах	119

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

• Добычина Т. А., Иванов Ю. А., Красницкая Т. А.	Начало Шуйской некрополистики: записи Н. А. Звездина	125
• Короткова Н. Н.	106 писем А. А. Невского в книге Л. Н. Малофеевской «Нарекли нас врагами»	134
• Грамматин А. С.	Воспоминания О. Н. Миловской о своем отце Н. М. Миловском	139
• Сидоров Б. А.	Единственная встреча	147
• Ильина Е. И., Частухина Т. Н.	История о Нине Петровне	156
• Дьяков А. Б., Емельянов Е. Г.	Материалы к истории дороги Шуя – Ковров	162
• Кокурин А. К., Шевцов А. В.	Повседневный быт пожарных добровольцев в Шуе (50 – 60-е гг. XX в.)	167

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский государственный педагогический университет и Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII века до 20-х годов XX века. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), биографические материалы о забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в указанный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. VII. – Шуя, 2010. – 175 с.

Технические редакторы: Е.В. Ставровская, Е.Ю. Фаркова

Подписано к печати Формат 60х84/16
Бумага ксероксная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов Тираж экз. Заказ №

Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ»
155908 г. Шуя Ивановской области ул. Кооперативная д. 24
Телефон (49351) 4-65-94.
E-mail: SwaneFF@yandex.ru
www.sgpu.tpi.ru

Отпечатано в ЧП «Полиграфия-Центр»
155900 г. Шуя ул. Свердлова д. 5, тел. (49351) 3-23-54.